

Неизданный Гумилев

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. П. СТРУВЕ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью - Йорк

Н. Гумилев

ОТРАВЛЕННАЯ ТУНИКА И ДРУГИЕ НЕИЗДАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Под редакцией и с вступительной статьей,
биографическим очерком и примечаниями

Г. П. Струве



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью - Йорк

•

1952

COPYRIGHT, 1952 BY
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

PRINTED IN THE U. S. A.

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

1

В 1942 или 1943 г. я получил в дар от моего доброго знакомого и тогдашнего сослуживца (мы вместе слушали московское радио на радиостанции агентства Рейтер под Лондоном), Б. В. Анрепа, небольшой «архив», оставленный Н. С. Гумилевым в Лондоне перед возвращением в Россию в 1918 г. Б. В. Анреп, известный художник-мозаист, был до первой мировой войны близок к петербургским литературным кругам, да и сам был причастен к литературе: писал стихи и сотрудничал в «Аполлоне» по вопросам искусства. В частности был он хорошо знаком с Н. С. Гумилевым, А. А. Ахматовой и другими поэтами. Во время войны (кажется, в 1916 г.) он, в связи с военными заказами, как человек, знающий английский язык (он служил тогда, как и Гумилев, в кавалерии), был отправлен в Лондон, где его застала революция 1917 г. и где он остался (одно время он находился на службе в русском правительственном комитете по снабжению, возглавлявшемся ген. А. К. Гермониусом). Летом 1917 г., когда Гумилев проезжал через Лондон, направляясь на салоникский фронт (куда не попал, застряв в Париже), Анреп часто с ним видался, показывал ему Лондон, вводил его в английские литературные круги (вместе они ездили, например, под Оксфорд к лэди Оттолин Морелл, которая была близ-

ко знакома с рядом известных английских писателей, в том числе с Д. Г. Лоуренсом и с Олдусом Хаксли). Между январем и апрелем 1918 г., когда Гумилев опять очутился в Лондоне на обратном пути из Парижа, они снова встречались, и перед отъездом в Россию Гумилев, очевидно не желая увозить с собой некоторые вещи и бумаги, оставил их Анрепу. Таково происхождение того гумилевского «архива», который находится сейчас в моих руках и который, при всей своей малости, тем ценнее, что судьба оставшегося в России литературного и иного наследия расстрелянного большевиками в 1921 г. поэта совершенно неизвестна. В будущем место моему гумилевскому собранию в каком-нибудь литературном архиве.

Помимо офицерских погон и солдатского Георгиевского креста Гумилева, а также ряда документов, относящихся к его военной службе¹, и нескольких карандашных зарисовок Гумилева в военной форме, сделанных художником М. Ф. Ларионовым, анреповское собрание включает в себе несколько тетрадей и записных книжек, а также рукописей на отдельных листах, опись которых следует ниже:

1. Тетрадь в кожаном переплете (размером 17×22 см.) с надписью «Autographs», содержащая

¹ Вот перечень этих документов: 1) послужной список Гумилева; 2) рапорт его представителю Временного Правительства в Париже от 8 января 1918 г. с ходатайством о назначении на персидский фронт; 3) аттестат Тылового Управления русских войск во Франции от 15 января 1918 г. об удовлетворении Гумилева жалованием и пр.; 4) предписание старшего коменданта гор. Парижа от 16 января 1918 г. об отправке в Англию в распоряжение ген. Ермолова; 5) командировка в Англию на французском языке от 20 января 1918 г. за подписью помощника русского военного агента в Париже, с визой специального комиссариата в Булони от 21 января; 6) аттестат Тылового Управления русских войск во Франции от 23 января 1918 г. об удовлетворении «добавочным жалованием на имеющийся у него Георгиевский крест 3 степени»;

собственноручно записанные Гумилевым 70 его стихотворений.

2. Записная книжка ($7\frac{1}{2} \times 12\frac{1}{2}$ см.) в 58 листов, с текстом на одной стороне, содержащая черновой автограф первых четырех и начала пятого действия трагедии «Отравленная туника».

3. Записная книжка ($10\frac{1}{2} \times 13\frac{1}{2}$ см.) с надписью «Album», содержащая переписанное на белом начало первого действия той же трагедии (8 страниц текста).

4. Записная книжка ($8 \times 10\frac{1}{2}$) с надписью «Album», с автографом переводов на французский язык трех стихотворений Гумилева («Китайская девушка», «Персидская миниатюра» и «Камень»), несомненно сделанных самим поэтом (7 страниц текста).

5. Записная книжка ($12\frac{1}{2} \times 10$ см.) с надписью «Autographs», в которой записаны различные адреса (в том числе английских художников, писателей и журналистов), названия книг, черновые наброски стихотворений, начало списка стихотворений (очевидно, для намечавшегося сборника). Здесь же карандашом три рекомендательных записки некоего Arundel del Re к его итальянским друзьям, писателям и журналистам (в том

7) записка от 23 января 1918 г., за подписью помощника русского военного агента в Великобритании, ген.-м. Дьяконова, о выдаче ссуды в размере 54 фунтов стерлингов на возвращение в Россию; 8) уведомление от канцелярии русского военного агента в Лондоне от 5 февраля 1918 г. о получении переписки из Франции на имя Гумилева; 9) сообщение от той же канцелярии от 21 февраля 1918 г. с просьбой сообщить о себе сведения «в целях приискания работы». Все даты здесь по новому стилю. Более подробно об этих ценных для биографии Гумилева документах см. в моей статье «Материалы для биографии Н. С. Гумилева. По неизданным документам» («Новое Русское Слово», 16 декабря 1947 г.).

числе знаменитому Джованни Папини)², а также тщательно переписанное начало (пять страничек) задуманной Гумилевым статьи о новой русской поэзии под заглавием «Вожди новой школы (К. Бальмонт, Валерий Брюсов, Федор Сологуб)».

6. Корректурa поэмы «Мик и Луи» (впоследствии вышедшей отдельно под названием «Мик») с пометой: «Нива. № 4. Для детей. 9 гранок» и датой «10 февр. 1917».

7. 20 листов бумаги разного качества и формата с черновым автографом (местами с трудом поддающимся или совсем не поддающимся расшифровке) повести «Веселые братья». На обороте двух листов черновики стихотворений, одно из которых, повидимому, никогда не было напечатано, но, к сожалению, в большей своей части тоже неразборчиво.

8. Тетрадь в сафьяновом переплете (15×23 см.) с набело переписанным началом первой главы «Веселых братьев» (неполная страница).

9. 23 листка на машинке с копией — перевод на английский язык начала «Веселых братьев» под заглавием «The Joyful Brotherhood».

10. Небольшой листок, на одной стороне которого карандашом записан адрес: Бежецк Рождественская ул. д. Знаменского (вероятно, А. А. Ахматовой, которая жила тогда в Бежецке) и чернилами план поэмы в десяти главах («вся в

² В 1920-21 гг., в бытность мою студентом Оксфордского университета, я встречался несколько раз с этим Арундель дель Ре, который преподавал в Оксфорде итальянский язык. К сожалению, факт знакомства его с Гумилевым остался мне неизвестен. Рекомендательные записки объясняются тем, что Гумилев по пути на салоникский фронт собирался быть в Италии. Дель Ре между прочим печатал в «Аполлоне» корреспонденции из Англии.

женских рифмах») — судя по именам, из китайской жизни. В поэме должен был фигурировать Дракон, но план не имеет ничего общего с напечатанной впоследствии «Поэмой Начала», которая носила подзаголовок «Дракон». Тут же четыре строки — явно из этой задуманной поэмы. Вместе с другим отрывком из той же поэмы они печатаются нами ниже.

11. Листки с подробным планом работы по теории поэзии (см. Приложения).

12. Три листка (один из них двойной) с материалами к «Отравленной тунике» (см. Приложения). На оборотах одного из листков — сравнительная таблица богов в различных мифологиях, а также «Пэров» (очевидно, Круглого Стола), «Малых пророков» и «Западных отцов церкви». С другой стороны — диаграмма каст и список «видов» поэтов. И то и другое связано с работой по теории поэзии (см. подробнее в Приложениях). Здесь же — краткая библиография по поэтике, главным образом английские книги. На этих же листках имеется несколько написанных карандашом адресов, в том числе проф. Н. И. Лазаревского, который был потом расстрелян вместе с Гумилевым по т. н. Таганцевскому делу, а также следующая запись: «Ане 1) Духи 2) Чулки 3) Рубашки Маме Леве Игрушки, сапоги» (очевидно, вещи, которые Гумилев собирался купить для А. А. Ахматовой, для сына Льва и для своей матери).

13. Меморандум на французском языке (без даты) о наборе добровольцев для французской армии в Абиссинии³. На обороте этого меморан-

³ Перевод этого меморандума Гумилева, написанного его собственной рукой на весьма несовершенном французском языке и

дума — два черновых наброска стихотворения «Персидская миниатюра» по-французски, причем текст их отличается и от французского текста в вышеупомянутой записной книжке и еще больше от окончательного русского текста в сборнике «Огненный столп».

14. Письмо Н. С. Гумилеву от поэта К. Н. Льдова из Парижа от 3 февраля 1918 г. с четырьмя стихотворениями самого Льдова.

15. Счет за комнату в Turner's Hotel в Лондоне (Guilford Street, Russele Square) с 6 по 10 апреля 1918 г. Здесь Гумилев, очевидно, прожил последние дни перед отъездом в Россию. Счет был оплачен 10 апреля. Возможно, что именно в этот день Гумилев покинул Лондон.

2

Печатаемые в этом издании двадцать стихотворений Гумилева все, кроме двух, взяты из моего гумилевского альбома. Альбом этот представляет собой толстую тетрадь в кожаном переплете. Все стихи вписаны рукой самого Гумилева, его мелким, тщательным почерком. Заглавия выделены красными чернилами. Текст занимает 79 страниц альбома. Три листа (со стихотворениями «Купанье», «Рыцарь счастья», «Жизнь», «Песенка», «Последнее стихотворение в альбом» и «Сирень»⁴) были почему-то вырезаны, но

со множеством орфографических ошибок (то же надо сказать и о французских авто-переводах Гумилева — трудно поверить, что он больше года проучился в Сорбонне), был дан мной в упоминавшейся уже статье в «Новом Русском Слове» (см. прим. 1).

⁴ Два последних стихотворения напечатаны (без заглавий) в сборнике «К синей звезде». Стихотворение «Жизнь» вошло в «Костер» под названием «Прапамять».

вложены назад. В самом конце альбома — полное оглавление его. Кроме того, после текста стихотворений вложен листок, содержащий четыре отдельных, но частично совпадающих перечня стихотворений, большей частью вошедших в альбом или позднее включенных в сборники стихов Гумилева, но в некоторых перечнях с добавлением гораздо более ранних стихов (напр., «Жираф», «Капитаны», «Волшебная скрипка»). Первый перечень озаглавлен «Отлунье» и включает 17 названий. Остальные без заглавий. Во втором — 17 названий, в третьем — 15, в четвертом, разделенном на четыре части, 52 названия.

Заглавная страница альбома представляет собой цветочный орнамент (желтый, красный, коричневый) работы Наталии Гончаровой, с ее подписью и датой «1916». На обороте заглавной страницы и поверх первой страницы текста (стихотворение «Змей», вошедшее позднее в «Костер») — два рисунка (подписанные) покойного Д. Стеллецкого: один изображает Вольгу, натягивающего лук, другой — Змея-Горыныча, уносящего «красавицу-лебедь». Кроме того, в тексте имеются неподписанные рисунки Н. Гончаровой и М. Ларионова к вошедшим также в «Костер» стихотворениям «Андрей Рублев» (орнамент), «Мужик» (два рисунка), «Картинка» (орнамент; в альбоме это стихотворение посвящено М. Ф. Ларионову; в «Костре», где оно озаглавлено «Осень», посвящение снято) и «В Северном Море» (два орнамента)⁵.

⁵ Аналогичный, но не тождественный альбом гумилевских стихов имелся в частном собрании в Париже — с него и был напечатан сборник «К синей звезде». Сейчас он, насколько мне известно, находится в Соед. Штатах. Это тот альбом, о котором сам Гумилев писал иронически:

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,

В моем альбоме — 70 стихотворений. Из них 28 (некоторые с довольно значительными разночтениями или под измененными заглавиями) вошли в «Костер», где есть только одно стихотворение, которого нет в альбоме; 26 — в посмертный сборник «К синей звезде» (частью они совпадают со стихотворениями в «Костре»), где имеется восемь стихотворений, которых нет в альбоме; 16 — в «Фарфоровый павильон» (все стихотворения этой книги имеются в альбоме); и шесть — в посмертный сборник стихов Гумилева под редакцией Георгия Иванова (1922). Десять стихотворений не вошли ни в один из гумилевских сборников. Мы печатаем здесь эти десять, а также шесть вошедших в ивановский сборник, который представляет большую редкость и большинству зарубежных читателей остался неизвестен и стихи из которого не вошли, в отличие от других книг Гумилева, в вышедшее в 1947 г. в Германии четырехтомное собрание

Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто-да-фе.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновых колоколов.

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристойным
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

стихотворений под редакцией В. Завалишина⁶, и два вошедших в «Костер», поскольку в них в альбомной версии есть существенные варианты (см. об этом подробнее в примечаниях к стихам). Единственные не вошедшие в альбом и печатаемые в настоящем сборнике стихотворения это — «Гончарова и Ларионов» и отрывки из поэмы «Два сна». Первое печатается, потому что оно относится к тому же парижскому периоду и связано с двумя художниками, иллюстрировавшими лондонский альбом Гумилева. Что касается отрывков из поэмы, то один из них взят из моего лондонского архива Гумилева.

Стихотворения печатаются нами в том порядке, в каком они записаны в альбоме, где они не датированы, но вписаны очевидно в более или менее хроно-

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

И когда тогдашние Лигейи
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее
Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
— Я б американца не любила,
А любила бы поэта я.

В пояснение к этому стихотворению надо сказать, что девушка, к которой были обращены стихотворения цикла «К синей звезде», вышла замуж за американца (ср. среди печатаемых нами стихотворение «Танка», в которое Гумилев тоже внес нотку юмора). Гумилев явно не собирался печатать наиболее личные стихи из парижского альбома — об этом можно судить по тому, что он отбросил при составлении сборника «Костер».

⁶ Это издание кишит ошибками и опечатками и во многих отношениях неудовлетворительно. Для недостатков его могут быть

логическом порядке. Дата на альбоме показывает, что он был начат в России еще в 1916 г. К 1916 г. во всяком случае относятся стихотворения «Любовь весной» и «Второй год» (первое имеет дату в ивановском сборнике, второе можно датировать по заглавию и по содержанию). Из двадцати четырех первых стихотворений в альбоме восемнадцать вошли в «Костер» (не вошедшие туда — «Второй год», «Любовь весной», «Девушка», «Купанье», «Рыцарь счастья» и «Песенка»). Можно думать, что все эти первые 24 стихотворения были написаны еще до приезда Гумилева во Францию, но такие, как «Швеции», «Стокгольм», «Норвежские горы» и «В Северном Море» (все они вошли в «Костер»), судя по содержанию, должны были быть написаны уже в 1917 г. по пути на Запад. Двадцать пятым стихотворением является «В Бретани», почти наверное относящееся уже к лету 1917 г. Сразу за ним следует «Предзнаменование», явно написанное либо во время, либо сразу после перехода через Ламанш 1 июля 1917 г. Непосредственно за ним идет «Танка», уже связанная тематически со стихами из парижского альбома «К синей звезде» (в который она, однако, не вошла — по понятным причинам). Из дальнейших стихотворений в моем альбоме большинство вошло либо в сборник «К синей звезде» (а некоторые и в «Костер»), либо в «Фарфоровый павильон» (переложения на китайских и других восточных поэтов)⁷. Все они предпо-

извинения, но во всяком случае полное собрание стихотворений Гумилева еще на очереди. Оно было задумано несколько лет тому назад Л. И. Страховским, но не осуществилось. Пользуюсь случаем выразить здесь Л. И. Страховскому благодарность за сверку некоторых стихотворений из моего альбома с посмертным сборником под редакцией Георгия Иванова.

⁷ Стихи из «Фарфорового павильона» в моем альбоме иногда носят иные заглавия, представляют разночтения — порой суще-

жительно написаны в Париже во второй половине 1917 или в самом начале 1918 г. Из не вошедших в указанные сборники — «Пропавший день», «Я, что мог быть лучшей из поэм», «Два Адама», «Ангел боли» и «Приглашение в путешествие» тематически тоже несомненно связаны со стихами «К синей звезде», тогда как «Предупреждение» могло предназначаться для «Фарфорового павильона».

Гумилев, вероятно, имел веские — и личные, и поэтические — основания для того, чтобы не включать в вышедшие после его возвращения в Россию сборники стихов некоторые из стихотворений парижского и лондонского альбомов. Но теперь, когда его нет в живых, на нас лежит обязанность заботливо и любовно собирать его литературное наследство, и, как бы ни расценивать литературные достоинства печатаемых нами ныне стихов по сравнению с наивысшими достижениями гумилевского творчества в «Колчане», «Костре», «Шатре» и «Огненном столпе», печатание их не нуждается в оправдании. Многие из этих стихотворений дополняют парижский цикл «К синей звезде». В некоторых из других, например, в «Рыцаре счастья», налицо весьма характерные и часто встречающиеся у Гумилева мотивы. Здесь Гумилев восклицает:

Как в этом мире дышится легко!

Всем вздыхающим готов он рассказать «опять и снова» —

ственные — и содержат указания на авторов, у которых заимствованы, чего нет в печатном сборнике. Из лондонской записной книжки Гумилева явствует, что он посетил в Британском Музее Arthur'a Waley, знаменитого английского переводчика китайских поэтов, который тогда был хранителем азиатского отдела Музея. Из примечания к «Фарфоровому павильону» видно, что Гумилев пользовался его переводами.

Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово.

Не менее характерно стихотворение «Среди бесчисленных светил», где поэт говорит, что он

...вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Интересно коротенькое безрифменное «Предзнаменование», в котором как бы звучит предчувствие большевицкой революции, жертвой которой суждено было стать Гумилеву (оно, кстати, написано перед самыми «июльскими днями», а может быть даже и тогда, когда известие о последних дошло до Гумилева). С темой современности связано и стихотворение «Второй год», где Гумилев говорит о войне (очевидно в конце 1915 г.) совсем по иному, чем в замечательных военных стихах, вошедших в «Колчан». Чисто злободневная политическая нотка звучит и в выброшенной в «Костре» строфе из стихотворения «В Северном Море», но возможно, что строфа эта была исключена самим Гумилевым по соображениям художественного порядка — поэтические достоинства ее сомнительны.

3

Повесть «Веселые братья», видимо, писалась Гумилевым тоже за границей, хотя начата она была, быть может, и в России. В литературе о Гумилеве как будто никогда не было указаний на нее, и остается неизвестным, была ли она когда-либо закончена. Даваемый нами текст почти целиком воспроизводится с чернового автографа (только самое начало повести — до слов: «он напоил урядника» — было переписано

Гумилевым набело в особую тетрадь). Черновик представляет собой ряд разрозненных листков разного формата. Листки эти не нумерованы, и порядок их не всегда можно установить с абсолютной достоверностью (см. об этом примечание 4 в тексте). Текст явно не был отшлифован Гумилевым, даже знаки препинания и кавычки не были расставлены, часть рукописи написана весьма неразборчиво (неразобранные нами слова отмечены в квадратных скобках как «нрзб.»; в тех случаях, когда у нас не было полной уверенности в нашей расшифровке, мы ставили после сомнительного слова вопросительный знак в скобках).

«Веселые братья» производят довольно странное впечатление. Мы не говорим о шероховатостях стиля, о невыдержанности народной речи в диалогах; по всей вероятности, при отделке повести набело Гумилев подверг бы ее стилистической правке и чистке: об этом можно судить по изменениям, внесенным им в беловой автограф самого начала повести. Странное впечатление производит самый замысел повести (до конца, правда, неясный), а также ее персонажи. Местами кажется, как будто Гумилев кого-то и что-то хочет пародировать (приходит на ум «Серебряный голубь» Андрея Белого, некоторые произведения народнической литературы), но рядом с этой пародийностью чувствуется и наличие серьезного замысла. В персонажах повести — в «сермяжном алхимике» Мише, в братьях Сладкопевцевых с их рассказами о Франции и «учеными» фантазиями — есть что-то от Лескова и Ремизова. А в инженере Шемяке — что-то и от Ремизова и от Достоевского (такой персонаж потом мог вполне появиться на страницах Пильняка, даже фамилия звучит немного по-пильняковски). Сказалось, может быть, немного и влияние Алексея Н. Толстого. Во всяком случае во всей повести чувствуется какая-то новая и на первый взгляд неожи-

данная для Гумилева струя. Но не такой уж, пожалуй, покажется она неожиданной, если вспомнить написанное Гумилевым незадолго до того, в 1916 г., стихотворение «Мужик». Это стихотворение — о Распутине, который входит «в гордую нашу столицу» и «обво-рожает царицу необозримой Руси». В уста неназванному им Распутину Гумилев влагает такие слова:

«В диком краю и убогом
Много таких мужиков,

Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

А в начале стихотворения мы читаем:

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Мяжки трухлявые мхи,
Слушает крики Стрибожья,
Старые помнит грехи⁸.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег,
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

⁸ Так эта строфа читается в первоначальной версии в моем альбоме. В напечатанной в «Костре» версии во второй и четвертой строках этой строфы читаем: «Где разбежался ковыль» и «Чуя старинную быль». — Г. С.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

Эпизод в «Веселых братьях» с чернобородым, медведеобразным мужиком, поющим озорную песню — эпизод явно недописанный — невольно приводит на память это стихотворение, точно так же, как рассказ Мити о драконах, похищающих девушек, отразился в лирике Гумилева стихотворением «Змей». Некоторые параллельные мотивы можно найти и в стихотворении «Городок», относящемся к тому же времени (1916-17 гг.). Можно думать, что тема темной мужицкой Руси, провинциальной России, где

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие,
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие —

владела в то время Гумилевым. В «Веселых братьях» эта тема вошла в сочетание со свойственной Гумилеву романтикой и фантастикой и с некоторой нарочитой мистификацией. Можно пожалеть, что повесть, замысла которой до конца угадать нельзя, дошла до нас в таком обрывочном и неполном виде: даже те эпизоды, которые налицо — с Мишей, с Шемякой в сарае, с мужиком, которого мучает червь, с чернобородым бродягой, с братьями Сладкопевцевыми — производят впечатление незаконченности. Таинственной остается и фигура «красногубого негодяя» Мити, которому, очевидно, должна была принадлежать в повести одна из главных ролей. Не менее таинственно и то «веселое братство», которое он представляет. В творчестве Гумилева эта незаконченная и неотделанная, но тем не менее любопытная повесть стоит несомненно особняком.

Когда я получил от Б. В. Анрепа его гумилевский архив, в том числе рукопись «Отравленной туники», мне уже было известно о существовании этой «византийской» трагедии Гумилева. В 1931 г., в связи с десятилетней годовщиной смерти Гумилева, в еженедельнике «Россия и Славянство» (Париж) была напечатана статья Л. И. Львова о драмах Гумилева, в которой он ссылаясь на попавшую в его руки неизвестную трагедию Гумилева и цитировал из нее отрывки⁹. То ли я в свое время не поинтересовался обстоятельствами, при которых это произведение досталось Л. И. Львову, то ли он эти обстоятельства должен был скрывать, но, несмотря на то, что мы с ним работали тогда вместе в редакции «России и Славянства», я лишь недавно, в связи с моим намерением издать «Отравленную тунику», узнал от него историю того, каким образом экземпляр этой пьесы попал за границу. Вот эта история, со слов Л. И. Львова.

В 1931 г. появился в Париже некий М. Артемьев. Настоящая фамилия его была Бренстэд, и он называл себя «бывшим сменовеховцем» — по его словам, он якобы был в эмиграции в первые годы ее, потом вернулся в Россию, но, воспользовавшись своим иностранным происхождением, выехал снова с иностранным паспортом¹⁰. Каким-то образом этот Артемьев

⁹ Лоллий Л ь в о в. Три драмы Гумилева. «Россия и Славянство», 29 августа 1931 г. Еще до этого в «Последних Новостях» появилась, по словам Львова, статья об «Отравленной тунике» А. Ладинского. За отсутствием в доступных мне книгохранилищах полного комплекта «Последних Новостей» я не мог с этой статьей ознакомиться.

¹⁰ Артемьев-Бренстэд стал, между прочим, сотрудником журнала «Утверждения», где напечатал несколько статей. Уже после войны, в статье А. Б. В. «Сеть НКВД во Франции» в нью-

вывез с собой ряд рукописей. Они относились главным образом к церковному вопросу, но среди них оказалась и машинная копия «Отравленной туники». Артемьев предложил Л. И. Львову издать ее за границей, с тем, чтобы авторский гонорар был передан ему, Артемьеву, для пересылки сыну Гумилева через Анну Ахматову. Львов попробовал устроить издание в принадлежавшем тогда покойному С. В. Рахманинову издательстве «Таир». Рахманинов на это согласился, но поставил условием, что он сам переведет гонорар в Россию способом, которым он тогда располагал. Артемьеву был предложен известный процент с гонорара, причем Львов предложил ему привлечь к контролю над всей операцией троих писателей: Б. К. Зайцева, А. М. Ремизова и покойного Г. Л. Лозинского. Артемьев эти условия отверг, и переговоры его с Львовым оборвались, но еще до разрыва их Львов снял копию с переданного ему экземпляра «Отравленной туники». После этой неудачи Артемьев обратился с аналогичным предложением к редактору «Последних Новостей» П. Н. Милюкову. Милюков согласился только на то, чтобы уплатить Артемьеву 1000 франков за использование его списка «Отравленной туники», как материала для статьи в газете. Статья эта и была написана А. Ладинским. После этого Львов в свою очередь написал статью для «России и Славянства», процитировав те же отрывки из трагедии, что и Ладинский. Насколько мне известно, позднее подымался вопрос о напечатании «Отравленной туники» в «Современных Записках», но почему-то это не осуществилось. После войны Л. И. Львов оказался в одном из лагерей в Германии. Его список

иоркском издании «За Свободу», выходившем под редакцией В. М. Зензинова (№ 18, июль 1947 г.), Артемьев был назван советским агентом, специально работавшим среди масонов.

«Туники» находился где-то в Париже, но обнаружить его местонахождение долго не удавалось, о существовании других списков в Париже мне в то время не было известно, и я уже подумывал об издании трагедии в неполном виде по моему черновому тексту¹¹, когда след львовского списка наконец отыскался, и в конце 1950 г. я его получил при любезном содействии Б. К. Зайцева. Около того же времени Ю. К. Терапиано напечатал в «Новом Русском Слове» статью об «Отравленной тунике» на основании попавшего в его руки списка, принадлежавшего покойному молодому поэту Н. П. Гронскому. Благодаря любезности Ю. К. Терапиано, предоставившего этот список в мое пользование для сличения с львовским, мне удалось с полной достоверностью установить, что сделанная Гронским копия восходит к той же копии, что и львовская: хотя между ними есть кой-какие мелкие разночтения, объясняемые ошибками при переписке (Львову в частности пришлось перепечатывать свою копию в большой спешке, в одну ночь), гораздо существеннее и характернее общие им и довольно многочисленные ошибки, свидетельствующие о том, что копия, которой они оба пользовались, была снята лицом, плохо разбирающимся в стихах. Ошибки эти состоят главным образом в неправильном расположении строк там, где метрическая строка разделена между репликами нескольких действующих лиц. В ряде случаев поэтому и у Львова, и у Гронского грубые погрешности (ими очевидно незаме-

¹¹ Тем временем, по моему почину в журнале «Грани» (№ 8, 1950 г.) появилась содержательная статья об «Отравленной тунике» Марии Кригер, основанная на изучении принадлежащих мне рукописей и материалов. Несколько ранее та же статья в немного иной форме была напечатана по-английски ("An Unpublished Tragedy by Nikolaj Gumilëv", *The American Slavic and East European Review*, VIII, No. 3, October 1949, pp. 175-184).

ченные) против строго выдержанного у Гумилева размера. Эти метрико-графические ошибки легко устранимы даже и без помощи моего автографа, но, к сожалению, наличие этих ошибок и некоторых других делает невозможной уверенность в абсолютной точности артемьевского списка. Поскольку Гумилев не менял текста (а часто он его менял значительно), принадлежащий мне автограф позволял иногда обнаружить и некоторые другие ошибки парижских списков, помимо отмеченных явных нарушений метра. В основу печатаемого нами текста положены списки Львова и Гронского, как более поздние, но из них устранены все указанные выше метрические несообразности. Кроме того, они тщательно сверены с моими двумя автографами — черновым и беловым — и все случаи отступления почему-либо от текстов Львова и Гронского в пользу моего отмечены в примечаниях, где даны также все разночтения первоначальных автографов по сравнению с окончательным артемьевским текстом по спискам Львова и Гронского (как сообщил мне Ю. К. Терапиано в процессе моей работы над изданием, во Франции имеются и еще списки «Отравленной туники» — известно, например, что Гронский снял больше одной копии — но нет оснований предполагать, что источник их иной, чем списки Львова и Гронского).

5

Нам неизвестно, когда Гумилев задумал свою византийскую трагедию. Но нет сомнения, что начал он ее писать в Париже осенью 1917 г. На заглавной странице чернового автографа в имеющейся у меня записной книжке — помета: «Париж Лондон Осень 1917 г. Зима 1918». Очевидно, в Лондоне, где Гумилев пробыл с середины января по начало апреля 1918 г.,

он продолжал работать над «Отравленной туникой», но работы этой не закончил. В черновом автографе мы имеем четыре полных действия и самое начало первой сцены пятого — одну небольшую страничку (начало этого пятого акта Гумилев потом совершенно перестроил, и от первоначального наброска в окончательном тексте ничего не осталось). Закончена трагедия была уже в России, где Гумилев подверг значительной переделке и написанное ранее (понятие об этой переделке дадут читателю примечания). Еще в Лондоне Гумилев начал переписывать «Отравленную тунику» набело, попутно внося некоторые изменения в текст. Этот беловой автограф находится во второй из принадлежащих мне записных книжек. На заглавном листе красными чернилами тщательно выведено:

Н. Гумилев

ОТРАВЛЕННАЯ ТУНИКА

трагедия в пяти действиях

Париж
1917

Лондон
1918

На обороте заглавного листа идет список действующих лиц, причем заглавие и имена выделены красными чернилами. Затем следуют шесть страничек текста, исписанных тщательным, почти бисерным почерком. Имена действующих лиц и обозначения действия и сцен тоже выделены красными чернилами. Эти шесть страничек — первая сцена между Имром и Евнухом и вторая между Имром и Зоей — покрывают 173 стиха окончательной версии.

В своей статье об «Отравленной тунике» Л. И. Львов писал, что она «является плодом одновременно и его [Гумилева] поэтического вдохновения, и его литературно-исторической эрудиции». Львов не дал себе, однако, труда проверить, насколько Гумилев в.

своей пьесе соблюл верность истории. Если бы он это сделал, он бы убедился, что об историчности ее можно говорить лишь в весьма относительном смысле — за историей Гумилев следовал гораздо меньше, чем Пушкин в своем «Борисе Годунове» за Карамзиным. Не по незнанию, вероятно, а вполне сознательно. Нет оснований сомневаться, что Гумилев перед тем, как писать трагедию, ознакомился с общей историей Византии. Если он задумал ее еще в России, весьма вероятно, что он читал труды Ф. И. Успенского и Ю. А. Кулаковского. Еще более вероятно, что ему были знакомы труды знаменитого французского византиниста Шарля Диля. В «Тунике» чувствуется и общее знание событий эпохи, и проникновение в психологию некоторых исторических персонажей (это особенно относится как мы покажем ниже, к императору Юстиниану), и желание придать трагедии *coeur locale*. В приложениях читатель найдет перечень византийских терминов и географических названий, которые Гумилев выписал в процессе работы над трагедией и частью ввел в нее. Но из шести действующих лиц трагедии только два лица исторических — Юстиниан и Феодора. Евнух — фигура полужанровая, обобщенный портрет византийского царедворца. Остальные три персонажа, составляющие главный треугольник трагедии — арабский поэт Имр, Трапезондский Царь и царица Зоя — плод гумилевского вымысла, причем, если Имр сам по себе не противоречит истории, то Трапезондский Царь уже едва ли согласуется с ней, ибо Трапезонд в то время был частью Византийской империи¹²; а Зоя идет

¹² Как раз при Юстиниане, в 536 г., Трапезонд был включен в состав провинции, известной под именем «Первой Армении» и управлявшейся проконсулом. В 1204 г., когда, как известно, Константинополь был занят крестоносцами, Трапезонд стал центром т. н. Трапезондской империи, где правила династия Комненов.

прямо вразрез с историей: у Юстиниана не было детей, а первый брак его с матерью Зои, о которой сам Юстиниан у Гумилева говорит:

Мать Зои, словно лилия Господня,
Чудесною сияла чистотой —

чистейшая фантазия Гумилева; до брака с Феодорой Юстиниан женат не был; овдовев в 548 г. и прожив еще семнадцать лет, он остался верен ее памяти.

Время действия трагедии обозначено Гумилевым в черновом автографе как «начало VI в. по Р. Х.»; в беловом автографе это изменено на «VI век по Р. Х.»; а в окончательном тексте читаем опять: «начало VI столетия по Р. Х.». Его можно приурочить, однако, гораздо более точно — и не к «началу» VI века, а к периоду между 532 и 537 гг. В 532 г. в Константинополе произошло знаменитое восстание цирковых партий — «Зеленых» и «Голубых». Известное (по их лозунгу) под именем «Ника» («победи»), оно чуть не стоило Юстиниану его престола, если не жизни. Во время этого бунта, продолжавшегося несколько дней, было сожжено и разрушено несколько зданий, в том числе старый храм св. Софии, вместо которого Юстиниан замыслил построить 'новый. Действие гумилевской трагедии происходит во время построения храма, т. е. не ранее 532 и не позднее 537 г., когда храм был закончен и освящен. Другой упоминаемый в трагедии великий памятник царствования Юстиниана позволяет еще более уточнить хронологию пьесы; в

Возможно, что внимание Гумилева к Трапезонду было привлечено тем, что как раз в 1916 г. этот черноморский порт был занят русскими войсками. Оккупация его продолжалась до 1918 г. У Гумилева Царь говорит о Трапезонде, как о маленьком городе. На самом деле уже в V в. это был крупный порт с большим населением.

разговоре с Имром в первом действии Евнух говорит о знаменитом юстиниановом Своде законов:

...Быть может, ты слыхал,
Что начали мы преобразование
Всех императорских постановлений
В один обширный, полный свод законов.

Начатое в 529 г., это огромное законодательное предприятие, увековечившее имя Юстиниана, продолжалось, как и постройка св. Софии, пять лет и было закончено в 534 г. Таким образом события «Отравленной туники» могут быть отнесены к 533-534 г. С этим сходятся и слова Феодоры у Гумилева о том, что она замужем за Юстинианом уже десять лет: брак этот относится обычно к 523 г. Едва ли впрочем Гумилев заботился о точной хронологии, поскольку изображаемые им события сами по себе ничего общего с историей не имеют, и для него важен был лишь общий исторический фон и психологическая верность портретов исторических персонажей, т. е. Юстиниана и Феодоры.

Какими бы историческими источниками ни пользовался Гумилев, ему не могло не быть известно, что главным источником наших сведений о лицах и событиях этого интереснейшего в истории Византии времени являются труды Прокопия Кесарийского. Даже если Гумилев и не читал их, он вероятно был знаком с пересказом их у Гиббона или с изложением их в какой-нибудь новейшей истории Византии. Прокопий, который был не просто современником событий, а одно время секретарствовал у Велисария, великого полководца, благодаря походам и победам которого Юстиниану удалось частично осуществить свой замысел восстановления великой Римской Империи¹³, оставил

¹³ В черновом тексте начала пятого акта Гумилев в словах Юстиниана упоминает Велисария, который, мол, слишком стар,

после себя три весьма различных труда: историю войн Юстиниана против персов, остготов и вандалов, историю его честолюбивых строительных предприятий («De Aedificiis») и т. н. «Тайную историю» («Anecdota» или «Historia arcana»). Первый из них по времени — история войн и походов — в значительной мере представляет собой прославление дел Юстиниана и его полководцев. Еще сильнее эта нота славословия, с явным оттенком лести в отношении самого Юстиниана, звучит в «De Aedificiis», последнем по времени труде Прокопия. Но в промежутке между этими двумя сочинениями Прокопий написал свою «Тайную историю», которая представляет собой зlostный памфлет против Юстиниана и Феодоры: оба изображены здесь — не переносно, а буквально — демонами в образе человеческого; подчеркнуты жестокость, вероломство и жадность Юстиниана, и со вкусом, в самых непристойных подробностях, которые Гиббон стеснялся цитировать иногда иначе как в греческом подлиннике, расписана на основании сплетен распутная юность Феодоры; даже Велисарий, этот герой первого труда Прокопия, изображен здесь не очень привлекательно, как слабый и бесхарактерный человек, легко уступающий своей жестокой и развратной жене Антонине. Тон «Тайной истории» настолько отличался от предшествующего и последующего трудов Прокопия, что долгое время было даже сомнение в ее авторстве. Сейчас авторство Прокопия историками больше не отрицается (за него достаточно говорит стиль всех трех произведений), тем более, что такого уж резкого расхождения между фактами в «Тайной истории» и двух других произведениях нет (хотя, конечно,

чтобы вести поход в Аравию. На самом деле Велисарий было в то время около 30 лет — он был моложе Феодоры. В окончательном тексте Гумилев выбросил это упоминание о Велисарии.

в «Тайной истории» есть многое, чего нет в других и что Прокопий объясняет необходимостью скрывать правду из опасения кары — «Тайная история» его, кстати, была обнаружена лишь в XVII в.), различие главным образом в том, как подносятся одни и те же факты: многие факты, которым Прокопий дает неблагоприятное толкование в «Тайной истории», поддаются иному толкованию, которое рисует Юстиниана и Феодору в более благоприятном свете. Нет сомнения во всяком случае, что в «Тайной истории» Прокопий накладывал краски весьма густо и без стеснения преувеличивал¹⁴.

Как бы ни расценивать личности Юстиниана и Феодоры, ясно, что оба они были людьми замечательными¹⁵. Юстиниан был человек большого ума и совершенно исключительного трудолюбия. Внимание к деталям сочеталось в нем со способностью к большим и широким замыслам и разносторонними интересами. Даже Прокопий в своем памфлете отмечает его воздержание, его простоту и доступность для окружающих, его сдержанность и ту свободу высказывания, которую он всегда предоставлял своим подданным. Известный английский историк Византии Джон Бьюри дает следующую общую характеристику царствования Юстиниана: «Царствование такого государя... не могло не быть памятным. Юстиниан творил

¹⁴ У Гумилева прошлое Феодоры, разоблачение которого Имом составляет одну из пружин действия, основано в общем на рассказе Прокопия. Но Гумилев воздержался от размазывания непристойных деталей.

¹⁵ Помимо общих трудов по истории Византии существует большая историческая литература об Юстиниане и Феодоре. Блестящий портрет Феодоры дал знаменитый французский византист Шарль Диль. Новейшую попытку пересмотра их личностей в направлении дальнейшей апологии представляет собой книга Wilhelm Schubarth. *Justinian und Theodora* (München 1942).

не только для своего времени, но и для потомства. Он укрепил престиж Империи и расширил ее пределы. Он завещал своим монументальным трудом в римском праве прочное наследство Европе. А построение храма св. Софии само по себе уже дало бы непреходящее право на людскую благодарность»¹⁶. Юстиниану было в высокой степени присуще чувство долга. На свою власть он смотрел как на служение — и государству и Богу. Интересы государства, его мощь и престиж он ставил выше частных интересов. Историки не раз сравнивали его с Людовиком XIV, а потомство прибавило к его имени эпитет «Великий». Единство Церкви и восстановление Империи (и в том и в другом он преуспел частично) были для него двумя сторонами одного и того же дела, и значительная часть его царствования ознаменовалась решительной, подчас жестокой, борьбой с ересями (с манихеями, с монофизитами) во имя церковного единства (отголоски ее мы находим и в трагедии Гумилева: «еретика исправит лишь железо», говорит Евнух Имру). Новейший историк царствования Юстиниана и его апологет, немец Шубарт, подчеркивает высокую идею царского служения у Юстиниана и проникающую его законодательство концепцию уважения к закону. Человек глубоко штатский, Юстиниан, по словам Шубарта, не имел ничего героического в себе, «ничего от солдата», он не участвовал в походах, не командовал войсками, предоставляя это своим блестящим полководцам, Велисарию и Нарсесу, которые вели для него войны, одерживали победы, раздвигали пределы Империи и укрепляли ее. Даже то, что Юстиниан почти не путешествовал, что он сидел в Константинополе, диктовалось желанием быть на месте, у кормила событий, дабы

¹⁶ J. B. B u r y. History of the Later Roman Empire, vol. II (London 1923), p. 25.

влиять на их ход и особенно на выбор людей. «По умению пользоваться обстоятельствами, а главное по искусству определять дарования окружающих и каждому давать соответствующее его способностям дело Юстиниан был редким и замечательным государем», — говорит русский историк Византии Ф. И. Успенский¹⁷. Наряду с этими чертами в характере Юстиниана была слабость и уступчивость; в частности он легко поддавался влиянию своей супруги.

Все эти черты ярко выступают в трагедии Гумилева. В пятой сцене первого действия, когда Евнух сообщает ему, что воздвигнута еще одна колонна храма св. Софии, Юстиниан приказывает выдать главному строителю (которого звали Анфимий) пятьсот червонцев и говорит:

. Боже, Боже,
Ужели я когда-нибудь войду
В сей храм достроенный и на коленях,
Раб нерадивый, дам Тебе отчет
Во всем, что сделал и чего не сделал?
Миропомазанья великой тайной
Ты приказал мне царский труд, желая,
Чтоб мир стал храмом и над ним повисла,
Как купол, императорская власть,
Твоим крестом увенчанная, Боже,
И я ль Тебя в великий час предам?

Здесь отчетливо выражен юстинианов теократический идеал царского служения.

В той же сцене, в разговоре с Евнухом, когда тот смущен приказом отравить брачную тунику, Юстиниан так формулирует примат интересов государства, а вместе с тем и свое «миролюбие»:

Что девичьи слезы
Пред пользой государства! Трапезонд

¹⁷ Ф. И. Успенский. История Византийской Империи. Том первый. С. Петербург (1912), стр. 414-415.

Приморский город и весьма торговый,
Он должен быть моим, он ключ к Кавказу.
Я не люблю войны, когда возможно
Устроить дело без пролития крови.

Для него выход Зои замуж за Трапезондского
царя — прежде всего случай украсить корону Визан-
тии «еще одной жемчужиной бесценной». В последнем
действии уже самой Зое он разъясняет, что

. законы государства,
Законы человеческой судьбы
Здесь на земле, которую Господь
Ведет дорогой неисповедимой,
Подобны тем, какие управляют
И тварью, и травой, и песчинкой

и что Господь на то и создал

. голубоглазую покорность
И веру ясную, чтоб люди жили
В согласьи там, где быть его не может...

Там же, когда Юстиниан соглашается, ради сча-
стья дочери, если не отступить от своих замыслов, то
изменить их, он так характеризует свое собственное
поведение:

. Только злобный бык,
Неодолимую преграду встретив,
Себя калечит, в бой вступая с нею,
А мудрый стороной ее обходит
И цели достигает вожденной.

Читатель сам легко найдет в пьесе другие черты,
которые дополняют этот психологически тонкий и
исторически правдивый портрет Юстиниана.

Менее удалась Гумилеву Феодора, личность не
менее сложная и не менее, если не более, замечатель-
ная, чем Юстиниан. Она не оставила по себе тех па-
мятников, законодательных и иных, которые помо-

гают многое уяснить и в замыслах, и в характере ее мужа. Мы знаем о ней либо по злостному и явно пристрастному памфлету Прокопия, который Гумилев использовал с большим художественным тактом, либо по тому образу «боголюбнейшей царицы», который рисуется в некоторых монофизитских житиях святых (в отличие от Юстиниана, Феодора благоволила еретикам и сама склонялась к монофизитской ереси) и который она оставила официально в потомстве. По характеристике Шубарта, Феодора была человеком воли и действия. Она всегда твердо знала, чего она хочет, и умела добиваться своей цели. Умом и проныцательностью она не уступала Юстиниану, а прямоотой и решительностью превосходила его. В течение многих лет она укрывала в подземельи своего дворца патриарха-еретика — его обнаружили там лишь после ее смерти. В 532 г. во время бунта «Ники» она спасла своим мужеством и решимостью трон Юстиниана и империю. Перепуганный Юстиниан, подстрекаемый своими не менее перепуганными советниками, уже готов был спастись морем из Константинополя, когда Феодора своей речью пристыдила их и повернула ход событий. Начав эту речь, сохраненную для нас современной летописью, с того, что в такой момент нечего заботиться об условности, которая велит женщине молчать посреди мужчин, она продолжала: «Те, чьим кровным интересам грозит крайняя опасность, по справедливости должны помышлять лишь о наиболее благоразумном образе действий. На мой взгляд, сейчас более, чем когда-либо, бегство было бы нецелесообразно, даже если бы оно сулило нам безопасность. Человек, родившийся в мир, не может не умереть. Но для того, кто правил, невыносимо стать изгнанником. Да не будет мне суждено жить без этой порфиры и да не будет мне дано дожить до того дня, когда, встречая меня, ко мне не бу-

дут обращаться как к царице. Если ты хочешь спасти себя, о Кесарь, то это нетрудно. У нас много средств. Вон море, а на нем корабли. Но подумай: оказавшись вне опасности, не предпочтешь ли ты смерть без-опасности? Я согласна со старинным изречением, кото-рое говорит, что царство это — прекрасный саван». Излагая этот эпизод, Бьюри говорит: «Престол Юсти-ниана был спасен благодаря нравственной решимости Феодоры и лояльным усилиям Велисария».

Даже недоброжелатели Феодоры отмечали ее лояльность к друзьям и тот факт, что на нее можно было положиться, противопоставляя ее в этом отно-шении императору. К заслугам Феодоры принадлежит ее забота о падших женщинах, которую отмечает и Прокопий, давая однако этой ее деятельности обыч-ное неблагоприятное толкование. Многое в прогрес-сивном юстиниановом законодательстве о женщинах и во взглядах самого Юстиниана на роль женщины в семье должно быть приписано влиянию Феодоры. Вероятно, Феодорой руководило при этом воспоми-нание о ее собственном прошлом — цирковой актри-сы, танцовщицы и распутной женщины. Есть все основания считать, что по возвращении в столицу Империи из Египта и Сирии она встала на путь добро-детели. По преданию, поселившись снова в Констан-тинополе, она вела скромный образ жизни и зани-малась шерстопрядением. Именно в это время с ней познакомился Юстиниан, которого пленила ее кра-сота. Став его женой около 523 г. (для этого дядя Юстиниана, император Юстин, должен был отменить закон, запрещающий сенаторам и лицам высшего ранга жениться на актрисах, и провести новый) и императрицей в 527 г., Феодора уже не сходила с пути добродетели. Ее верности и преданности Юстиниану не отрицали и ее враги. Он в свою очередь платил ей неизменной привязанностью и уважением и глубоко

читил ее память¹⁸. Те отношения между ними, которые рисует Гумилев (в 1-ой сцене третьего действия) не имеют основания в истории. У Гумилева Феодора говорит, что узнает о решениях кесаря от евнухов да от болтливых служанок, а Юстиниан — о том, что он обманулся, думая найти в ней «помощницу в делах правления» и найдя лишь женщину. На самом деле Феодора как раз и была не только «базилиссой» (супругой правящего императора), но и фактической — если не юридической — соправительницей Юстиниана. Некоторые историки полагают даже, что ранняя смерть Феодоры отразилась неблагоприятно на имперских делах: период между подавлением бунта «Ника» и смертью Феодоры был самым блестящим в царствовании Юстиниана, после этого начинается упадок. Не соответствуют историческому образу Феодоры и слова гумилевской императрицы: «Все женщины такие ж».

Конечно, Феодора была до крайности и честолюбива, и властолюбива, и неразборчива в выборе средств, как и рисует ее Гумилев, но у Гумилева она предстает нам слишком мелочно-мстительной, слишком склонной к интригам ради интриг. Умная, ловкая, верно идущая к раз намеченной цели и торжествующая в конце, она лишена величия и царственности, которые признавали за ней современники и признают историки¹⁹.

¹⁸ У Гумилева Феодора упоминает, что отец ее был сенатором. Такова была узаконенная Юстинианом легенда. На самом деле отец ее был сторожем диких зверей в цирке. Звали его Акакий.

¹⁹ Фигура Феодоры давно привлекала драматургов и романистов. Ее сделал героиней своей драмы «Феодора» В. Сарду. Она играет большую роль в романе забытого английского писателя сэра Генри Поттингера «Голубые и зеленые». О ней написал роман другой английский писатель, нынешний поэт-лауреат Джон Мэсфильд. В романе Мэсфильда («Базилисса»), имеющем мало общего

Мы видим таким образом, что «истории» в «Отравленной тунике» не так уж много, гораздо меньше, чем в исторических хрониках Шекспира, в «Борисе Годунове» Пушкина или в трилогии гр. А. К. Толстого. Но Гумилев и не имел в виду писать историческую трагедию. Главные действующие лица пьесы не исторические персонажи, а Царь Трапезондский, Имр и Зоя, и все трое тесно связаны с личными темами лирической поэзии Гумилева. В уже упоминавшейся статье М. Кригер последняя правильно писала, что «Отравленная туника» является завершением поэтического творчества Гумилева:

Она — как бы синтез его любимейших людей и образов. В ней и многокрасочная экзотика Востока (в речах Имра слышатся и песни героев из «Дитя Аллаха», и отдельные мелодии из целого ряда лирических стихотворений), и возвышенная, всепобеждающая христианская идейность, и мужественность конквистадора... Но самым глубоким, самым кровным образом «Отравленная туника» связана с посмертным сборником стихотворений, написанных во время пребывания Гумилева в Париже в 1917 г. — в альбом его «Синей звезде».

«Отравленная туника» неслучайно писалась одновременно с этими стихами, написанными «милой девочке, с которой мне было нестерпимо больно». М. Кригер приводит ряд параллелей из цикла «К синей звезде» и из трагедии. Их число можно было бы умножить. Гумилев называет героиню своего лирического цикла «девушкой с огромными глазами» (в других местах говорится о «больших глазах», о «газельих глазах»), обращается к ней: «Милая, с таким печальным ртом», сравнивает ее с самофракийской победой.

с историей, изображена красочная молодость Феодоры — роман кончается ее обручением с Юстинианом.

Всему этому есть параллели в пьесе. Имр говорит о «победоносной красоте» Зои. Рассказывая ей о своей возлюбленной в Аравии, он сравнивает ее глаза с глазами газели. Феодора называет Зою «незрелой девчонкой с печальным ртом, с огромными глазами». В одном из стихотворений парижского альбома у лирического героя «Сердце прыгало как детский мячик». Имр говорит о Зое:

Вся ночь — в виденьях странных и чудесных...
И плач... и сердце прыгало как мяч...

В сборнике «К синей звезде» есть стихотворение о любви (в моем альбоме оно так и озаглавлено «Любовь»), которое начинается так:

Много есть людей, что, полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.

А другим — жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их жалят злобным звоном осы.

А иные любят как поют,
Как поют и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют,
А иные любят, как танцуют.

Здесь, во второй и третьей строфах, заданы и противопоставлены любовные темы Царя и Имра, ибо, как правильно указала в своей статье М. Кригер, Царь и Имр, воин и поэт — две ипостаси самого Гумилева. Герой лирического цикла готов отдать любимой за «ослепительное счастье» хоть иногда побыть с нею

Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту.

В своих заметках к «Отравленной тунике», которые читатель найдет в «Приложениях», Гумилев, характеризуя своих персонажей, определяет Имра как «subjectif» и как «Титана», а Царя как «objectif» и как «Олимпийца». По этому поводу М. Кригер правильно пишет:

Явное противопоставление Имр-Царь значительно: они — две стороны медали. Именно в них изобразил поэт-воин Гумилев самого себя. Во многом христианский воин-Царь — некрасивый, храбрый, глубоко верующий, несчастный в любви — ближе к Гумилеву; неслучайно, что поэт его определяет как “objectif” — это не только относится к натуре Царя, сам Царь это — Гумилев objectif, такой, какой он есть. Но и пламенный, экзотический, стихийный Титан Имр — тоже Гумилев, поэт «Жемчугов», «Чужого неба», «Шатра», «Дитя Аллаха», Гумилев subjectif, такой каким он отчасти и был, но главное такой, каким он хотел быть и хотел видеть себя. Его язык, по словам Гумилева, «резкий, полный антитез и риторических движений, восклицаний». Его слова — быстрые, идиом — трагический. У Царя же язык «ораторский, объяснительный», в нем «мелодия и д е й» в противоположность мелодии с л о в Имра.

Царь и Имр в самом Гумилеве составляли сложный переплет, более сложный, чем это можно выразить в гумилевских упрощающих формулах. М. Кригер права, что многие слова, обращенные Гумилевым к его «синей звезде», могли бы быть сказаны Трапезондским Царем Зое или о ней. Когда мы читаем в «Отравленной тунике» слова Царя:

И даже ночью стану я с мечем
Перед дверьми в ее опочивальню —

нам вспоминается строка из стихотворения «Сон» (так оно озаглавлено в «Костре» и в лондонском альбоме; в парижском заглавия нет):

Вот стою перед дверью твою...

В одном из стихотворений в «К синей звезде» Гумилев пишет:

Ты пожалела, ты простила,
Ты даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.

В сцене, в которой Зоя сознается Царю, что она любит Имра, она говорит ему: «Тебя прощаю я» и дальше:

О, как мне больно за тебя, как будто
Я в чем-то виновата пред тобой.
Я всё, я всё отдам тебе, но только
Оставь мне радость и любовь мою.

И Царь отвечает ей: «Мне больше ничего не надо, Зоя». А в одном из стихотворений в сборнике «К синей звезде» читаем:

И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Но в стихотворении «Да, я знаю, я вам не пара» (в «Костре» и в моем альбоме оно озаглавлено «Я и вы») Гумилев как бы отождествляет себя с Имром, когда пишет:

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет...

А в позднейшем стихотворении «Память», вошедшем в «Огненный столп», в этой замечательной автобиографии души и самохарактеристике, говоря о сменах своих душ, он отвергает «второго» себя, себя-поэта, себя *subjectif*, если пользоваться его терминологией:

И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир.
Говорил, что жизнь его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,

Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Этот «второй» Гумилев — Имр, который тоже любит ветер с юга, который говорит Зое перед тем, как покинуть ее:

О, как я счастлив! Милый южный ветер,
Когда я шел сюда, лицо мне жег...

Лирический диалог цикла «К синей звезде» превращается в «Отравленной тунике» в полный драматизма разговор *à trois*.

При всей своей связанности с лирикой Гумилева, «Отравленная туника» — настоящая драма, чего нельзя сказать о трех более ранних его произведениях в драматической форме — «Дон Жуан в Египте» (вошло в книгу стихов «Чужое небо», 1912), «Дитя Аллаха» и «Гондла»²⁰. Как правильно отметила М. Кригер, «Дитя Аллаха» — лирическая сказка в трех картинах, а «Гондла» — драматическая поэма, написанная для чтения, а не для сцены²¹. В «Отравленной тунике» личные переживания, отразившиеся в цикле «К синей звезде», этом лирическом дневнике «любви несчастной Гумилева в год четвертый мировой войны», не только сублимированы, но и раздвинуты до пределов подлинной трагедии. В пьесе есть настоящая драматическая коллизия, есть столкновение характеров и динамическое развитие их. Структура пьесы тщательно разработана. О том, как Гумилев работал над ней, дают понятие заметки его, которые читатель найдет в «Приложениях» и которые, вме-

²⁰ В 1913 г. Гумилев написал и читал в Петербурге одноактную драму в стихах «Актеон», но она никогда опубликована не был (см. «Аполлон», 1914, № 1-2, стр. 135).

²¹ Это еще больше относится к «Дон Жуану в Египте». Впрочем уже после смерти Гумилева, в 1922 г., «Гондла» был поставлен в Петрограде. После первого представления публика стала вызывать автора, и пьеса была снята.

сте с приведенными в примечаниях первоначальными вариантами, позволяют заглянуть в творческую лабораторию поэта. Каждое действие построено им вокруг одного центрального лица. Каждое лицо как бы освещается и раскрывается не только в собственных словах и поступках, но и через других персонажей пьесы. Сложные отношения между ними, их «общение» между собой Гумилев попытался наметить в диаграмме, которой он иллюстрировал свой план трагедии. Не всё, что Гумилев намечал в своих черновых заметках, было введено им в трагедию в ее окончательной форме. Так, по его плану, в пятой сцене первого акта Юстиниан должен был делать портрет Евнуха и бранить его за любовь к прошлому, а в третьем действии Гумилев хотел, чтобы Юстиниан развил мысль: «Если бы мир был достроен, я бы разрушил его, чтобы строить опять». Этот мотив, подчеркивающий исторически совершенно верную приверженность Юстиниана к новаторству и строительству, Гумилев отбросил потом.

Главные персонажи трагедии, как уже было сказано — Имр, Царь и Зоя. Но и Юстиниан, и Феодора, и даже Евнух необходимы в пьесе, в которой нет ничего лишнего, архитектоника которой отличается классической стройностью и простотой. Строго соблюдены классические три единства. Кульминационный пункт пьесы — самоубийство Царя, бросающегося на смерть со страшной высоты св. Софии. Это событие, согласно законам классической драмы, происходит за сценой. О нем зритель узнает лишь из рассказа Евнуха в 4-ой сцене пятого действия. Этот взволнованно-напряженный рассказ, в котором Евнух передает слова самого Царя перед смертью — одно из вершинных поэтических достижений трагедии. В предсмертных словах Царя высказаны вместе с тем некоторые заветные мысли самого Гумилева. Но в трагедии есть много и других отдельных мест, достойных стать наряду с лучшими образца-

ми поэтической драмы, которой так небогата русская литература.

Царь, как и Зоя, искупительная жертва трагедии, но в отличие от Зои он сам приносит себя в жертву, причем эту жертву он еще оправдывает скифским (первоначально у Гумилева стояло: «славянским») обычаем закапывать под строящимся зданием человека благородной крови. В парижском альбоме Гумилева есть стихотворение под названием «Отрывок из пьесы» (оно вошло последним в сборник «К синей звезде»). М. Кригер высказала правдоподобное предположение, что этот отрывок — один из первоначальных вариантов «Отравленной туники». В таком случае его надо понимать, как предсмертные слова самого Царя. В пьесу он в такой форме не вошел. Здесь мы читаем:

И подвиг мой я совершил сполна
И тяжкую слагаю с плеч порфиру.
Я вольной смертью ныне искуплю
*Мое слепительное дерзновенье*²²,
С которым я посмел сказать «люблю»
Прекраснейшему из всего творенья.

С другой стороны, царевна Зоя для Гумилева в каком-то смысле и символ Византии, воплощение ее судеб. В наметке пятого действия читаем: «Портрет Зои-Византии». В заключительной сцене этот «портрет» вложен в уста Феодоры, которая при этом раскрывает и символический смысл заглавия пьесы. Зоя в своей невинности несет гибель тем, кто ее любит: предназначенная для Царя отравленная брачная туника после его смерти должна стать брачным одеянием и вместе с тем смертным покровом Имра. Обращаясь к Зое, Феодора говорит:

Вся грязь дворцов, твоих пороки предков,
Предательство и низость Византии

²² Подчеркнуто мной. — Г. С.

В твоём незнающем и детском теле
Живут теперь, как смерть живет порою
В цветке, на чумном кладбище возросшем.
Ты думаешь, ты женщина, а ты
Отравленная брачная туника,
И каждый шаг твой — гибель, взгляд твой — гибель,
И гибельно твое прикосновенье!
Царь Трапезондский умер, Имр умрет,
А ты жива, благоухая мраком.

И плебейка Феодора, познавшая «все притоны и таверны», где ее «ласкали пьяные матросы», видит себя чище Зои и смотрит на нее с ужасом и отвращением. В этом последнем монологе гумилевская Феодора выливает всю накопившуюся в ней зависть и ненависть к Зое, которую она называет «птицей из породы столетья вымершей», и вместе с тем произносит приговор над императорской Византией.

«Отравленная туника» написана, как и пушкинские драмы, пятистопным ямбом, что уже само по себе отличает ее от двух других «драм» Гумилева (в «Дитя Аллаха» четырехстопный ямб, в «Гондле» трехстопный анапест). Кроме Имра, все действующие лица говорят белым стихом, что при частых enjambements придает их языку большую гибкость, естественность, выразительность. Имр, как поэт, говорит рифмами, но и то не всегда, и эти отступления от рифмованной речи у Имра явно нарочиты, например, в четвертой сцене первого действия между Имром и Царем, где Имр говорит «про себя»; в разговорах его с Феодорой в третьем и четвертом действиях, когда сначала Феодора пытается использовать его, чтобы погубить Зою, а потом он, узнав, кто она, пользуется своей властью над нею; и наконец в последней сцене между им и Зоей, где Имр уже не поэт, где он весь поглощен мыслью о походе и о предстоящем ему мщенiи. Поверхностный читатель может этого и не заметить —

ему прежде всего бросится в глаза с самого начала пьесы, что Имр один говорит рифмами. А если заметит, то может подумать, что Гумилев непоследователен или просто не справился с рифмами. На самом деле эта «непоследовательность» неслучайна, здесь — сознательное мастерство. Недаром Гумилев в одной своей статье («Анатомия стихотворения», альманах «Дракон», Петроград 1921) так формулировал свой идеал поэзии: «Будем верить, что наступит время, когда поэты станут взвешивать каждое свое слово с той же тщательностью, как и творцы культовых песнопений». И недаром он любил цитировать слова Делакруа: «Надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней в минуты творчества».

«Отравленная туника», это последнее крупное законченное произведение Гумилева, должна занять в русской литературе вообще, и в русской поэтической драме в частности, подобающее ей высокое место.

Мне хочется закончить эту вступительную статью к неизданным произведениям Гумилева двумя цитатами. Одна из них из всё той же статьи М. Кригер, которая заканчивала ее следующими строками:

Неслучайно, что, написав такую трагедию, Гумилев вернулся в Россию (может быть, тоже неслучайно, что, когда он уезжал из Лондона, его трагедия была написана именно до того места, где Имр пускается в поход — в свою Аравию, где отец его убит, где «раздор... брат на брата, сын на отца») — в Россию, где он погиб, принеся себя в жертву за то, что он считал высшими проявлениями человеческого духа — за волю, честь и поэзию.

Погиб — прибавим — как его Царь Трапезондский и как должен погибнуть Имр.

Другая моя цитата из напечатанного в том же самом номере «Граней» — счастливое совпадение! — прекрасного стихотворения Н. Моршена, одного из

«новых» эмигрантов, недавних подсоветских людей. Стихотворению предпослан эпиграф из Гумилева — слова, в которых он выразил сущность своего мировосприятия:

Есть мир, есть Бог. Они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.

В стихотворении Моршена лирический герой, «сверстник» поэта, возвращается с вечерней смены мимо зданья, из которого толпа валит «с очередного заседания», и мимо него проплывает

Лицо скуластое и грудь
С значком Осоавиахима.

И поэт продолжает:

И вдруг сквозь ветер и сквозь снег
Ты слышишь шопот вдохновенный.
Прислушайся: «...живут вовек».
Еще: «А жизнь людей мгновенна...».

О, строк запретных волшебство!
Ты вздрагиваешь. Что с тобою?
Ты ищешь взглядом. Никого!
Опять наедине с толпою.

Еще часы на башне бьют,
А их уж заглушает сердце.

Вот так друг друга узнают
В моей стране единовверцы.

Советская власть расстреляла Гумилева, как контрреволюционера, но его поэзия жива в сердцах русских людей там, и его волшебными запретными строками, как тайным паролем и лозунгом, перекликаются между собой единовверцы.

Berkeley, California.

Февраль 1952 г.

Глеб Струве

Н. С. ГУМИЛЕВ

Биографический очерк¹

Николай Степанович Гумилев родился 3 апреля (ст. стиля) 1886 г. в Кронштадте, в семье морского врача. В том же году семья переехала в Царское Село, где поэт провел раннее детство. Стихи и рассказы он начал писать с восьмилетнего возраста, а еще до того сочинял басни. В 1895 г. семья переселилась в Петербург, и Гумилев поступил в гимназию Гуревича, но в 1900 г. семья снова переехала, на этот раз в Тифлис, и Гумилев перевелся в 4-ый класс Тифлисской II (затем I) гимназии. В Тифлисе Гумилев оставался до 1903 г. Живя там, он увлекался социализмом, читал Маркса, а гостя летом в имении Березки, Рязанской губернии, вел даже агитацию среди мельников, чем навлек на себя осложнения со стороны рязанского

¹ Подробной биографии Гумилева до сих пор нет, и для составления ее нехватает многих материалов. Настоящий очерк, в котором факты жизни Гумилева даны более полно, чем когда-либо до сих пор, составлен на основании данных в книге Б. П. К о з ь м и н а (Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. I. Москва, 1928), имеющегося у меня послужного списка Гумилева и других материалов и американской книги Л. И. С т р а х о в с к о г о (Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam. Harvard Univ. Press, Cambridge, 1949). Эта последняя книга, не претендующая быть самостоятельным литературно-критическим исследованием, содержит много ценного биографического и литературно-исторического материала о Гумилеве. В советских эн-

губернатора². В газете «Тифлисский Листок» от 8 сентября 1902 г. было напечатано стихотворение Гумилева «Я в лес бежал из городов» — первое его выступление в печати.

В 1903 г. Гумилев поступил в 7-ой класс Николаевской гимназии в Царском Селе, директором которой был в то время Иннокентий Федорович Анненский, известный поэт. В это время Гумилев охладел к политике и увлекся Ницше и поэзией символистов. Еще будучи в гимназии, он издал свою первую книгу стихов — «Путь конквистадоров» (1905). Учился плохо и гимназию кончил лишь в 1906 г., вскоре после чего уехал в Париж. Там слушал лекции в Сорбонне и изучал живопись и французскую литературу. В Париже издавал на русском языке литературный журнальчик «Sirius», где печатались его собственные стихи (под псевдонимами Анатолий Грант и К-о), а также первые стихи Анны Ахматовой. Журнал перестал выходить после третьего номера из-за недостатка средств. Если верить Козьмину, сам Гумилев по той же причине часто голодал, а раз был даже арестован в Трувилле за бродяжничество («en état de vagabondage»). Это впрочем не помешало Гумилеву в 1907 г. совершить свое первое путешествие в Африку — он побывал в Египте и Судане. В 1908 г. в Париже же вышла вторая книга

циклопедиях есть не лишённые интереса статьи о Гумилеве (Г. Лелевича в Большой Советской Энциклопедии и О. Бескина в Литературной Энциклопедии), но биографических данных в них мало. Любопытно, что в СССР еще в 1927 г. в журнале «На литературном посту» появилась статья В. Саянова о Гумилеве. Много интересного в зарубежных воспоминаниях о Гумилеве В. Ходасевича, Георгия Иванова, Г. Адамовича и др., появившихся в разных изданиях.

² Эти сведения остаются на совести Козьмина, из книги которого они заимствованы.

стихов Гумилева — «Романтические цветы». В том же году он возвратился в Царское Село, где сблизился со своим бывшим директором, И. Ф. Анненским. По почину Гумилева в Петербурге, под руководством Вячеслава Иванова и при ближайшем участии Н. В. Недоброво и В. А. Чудовского, была организована «Академия стиха», позднее переименованная в Общество ревнителей художественного слова. В октябре 1909 г. вышел первый номер журнала «Аполлон», и Гумилев стал одним из ближайших его сотрудников, печатая в нем не только стихи, но и критические статьи, в том числе «Письма о русской поэзии». Зимой 1909-10 г. Гумилев ездил на несколько месяцев в Абиссинию, где собирал народные песни. Весной 1910 г. он женился на Анне Ахматовой, с которой был знаком еще раньше по Царскому Селу, и они совершили свадебное путешествие в Париж. В 1910 г. вышла третья книга стихов Гумилева, «Жемчуга», посвященная им Валерию Брюсову, как учителю.

Осенью 1911 г. Гумилев вместе с Сергеем Городецким основал Цех поэтов, в который сначала входили Блок и другие поэты-символисты, но который позднее стал литературной организацией группы акмеистов. Литературные манифесты этой группы были написаны Гумилевым и Городецким. Цех некоторое время издавал свой журнал — «Гиперборей». Весной 1912 г. Гумилев совершил путешествие по Италии, а осенью поступил на романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, где изучал старо-французскую поэзию. В том же году вышла его четвертая книга — «Чужое небо». Университета он не кончил. Весной 1913 г., по представлению академика Радлова, он был командирован Академией Наук в качестве начальника экспедиции на Сомалийский полуостров для изучения абиссинских племен и составления коллекций восточно-

африканского быта. Через полгода вернулся в Россию с коллекциями, которые поступили в Музей Антропологии и Этнографии при Академии Наук.

24-го августа 1914 г., меньше чем через месяц после объявления войны, Гумилев поступил добровольцем в лейб-гвардии уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. Приказом по гвардейскому корпусу от 24 декабря 1914 г. был награжден георгиевским крестом 4 степени, а в январе 1915 г. получил Георгия 3 степени и произведен был в унтер-офицеры за отличие в делах против немцев. 28 марта 1916 г. произведен был в прапорщики и переведен в 5-й гусарский Александрийский полк. На войне продолжал писать стихи, а также печатал в «Биржевых Ведомостях» корреспонденции с фронта под заглавием «Записки кавалериста». В 1916 г. вышла книга стихов «Колчан», и были написаны драматическая сказка «Дитя Аллаха», абиссинская поэма для детей «Мик и Луи» и драматическая поэма «Гондла», напечатанная в первой книге «Русской Мысли» за 1917 г. В августе 1916 г. Гумилев был откомандирован в Николаевское кавалерийское училище для держания офицерского экзамена, но уже в октябре, не выдержав экзамена, возвратился в полк. Во время войны у Гумилева и Ахматовой родился сын Лев.

17 мая 1917 г. Гумилев был командирован в русский экспедиционный корпус на салоникский фронт. Через Финляндию, Швецию, Норвегию и Англию он отправился в Париж, куда прибыл 1 июля ст. стиля и где был оставлен в распоряжении представителя Временного Правительства ген. Занкевича и причислен к управлению военного комиссара. Одно время был дежурным офицером при представителе Временного Правительства и Совета рабочих, крестьянских и сол-

датских депутатов, Е. Раппе³. В декабре 1917 г., за расформированием управления военного комиссара, был оставлен на учете старшего коменданта русских войск гор. Парижа, а 2 января (старого стиля) 1918 г. «по собственному желанию» был командирован в Англию «для направления в действующую армию на Месопотамский фронт». Уехать в Месопотамию Гумилеву не удалось, и, пробыв в Лондоне с января по апрель 1918 г., он возвратился через Мурманск в Россию.

В Петербурге Гумилев стал членом редакционной коллегии учрежденного Горьким издательства «Всемирная Литература», а с 1919 г. преподавал в ряде литературных студий (Пролеткульта, Балтфлота, студии переводов при «Всемирной Литературе»), а также в Институте истории искусств и в Институте живого слова. Возродил Цех поэтов, в котором под конец был председателем⁴. По возвращении в Россию Гумилев развелся (в 1918 г.) с А. А. Ахматовой, а в 1919 женился на Анне Николаевне Энгельгардт, которой посвятил свою последнюю книгу. В 1918 г. вышла его шестая книга стихов «Костер», а в 1919 г. две книги переводов (вавилонский эпос «Гильгамеш» и «Поэма о старом моряке» С. Кольриджа). В июне 1921 г. Гумилев ездил ненадолго в Севастополь. 3 августа 1921 г. он был арестован, а 25-го расстрелян по приговору Петроградской губернской Че-Ка⁵, по обвинению в

³ В моем гумилевском архиве имеется визитная карточка Раппа, удостоверяющая этот факт.

⁴ Об этом периоде в жизни Гумилева есть интересные страницы в воспоминаниях В. Ф. Ходасевича «Некрополь» (Брюссель, 1939).

⁵ Дату 25-го августа дает в своей книге Козьмин. В некоторых других источниках указывается иная дата. Короткое официальное сообщение о расстреле появилось в «Петроградской Прав-

участии в т. н. Таганцевском заговоре. Гумилеву было предъявлено обвинение в писании контрреволюционных прокламаций, в обещании привлечь группу интеллигенции в момент восстания и в получении от организации денег на технические надобности. В официальном оповещении о расстреле он был назван «филологом и поэтом, членом правления издательства Всемирная Литература, беспартийным, бывшим офицером». Если верить покойному Е. И. Замятину, Горький сделал безуспешную попытку предотвратить расстрел Гумилева.

Совсем незадолго до смерти Гумилева вышли две последние прижизненные книги его стихов: «Огненный столп» и «Шатер».

де» лишь 1 сентября. О некоторых обстоятельствах, предшествовавших аресту Гумилева, см. интересный рассказ Ходасевича в «Некрополе».

БИБЛИОГРАФИЯ

Вот в хронологическом порядке и с разделением по родам список отдельных изданий произведений Гумилева⁶:

Стихи:

Путь конквистадоров. СПб. 1905.

Романтические цветы. Париж. 1908.

Жемчуга. Москва. 1910.

Чужое небо. СПб. 1912.

Колчан. Петроград. 1916.

Костер. СПб. 1918.

Мик. Африканская поэма. СПб. 1918.

Дитя Аллаха. Арабская сказка. Петроград. 1918.

Шатер. Африканские стихи. Севастополь. 1921.

Огненный столп. Петроград. 1921.

Стихотворения. Посмертный сборник. С предисловием Георгия Иванова. Петроград. 1922. 2-ое, доп. изд., 1923.

⁶ Указываем только первое издание, поскольку последующие издания воспроизводили первое. Все главные сборники стихов Гумилева были после его смерти переизданы за границей. Все они сейчас уже стали библиографической редкостью. В 1947 г. в Регенсбурге (Германия) вышло собрание стихотворений Гумилева в четырех томах под редакцией и со вступительной статьей Вяч. Завалишина. О неудовлетворительности этого издания уже упоминалось.

К синей звезде. Берлин. 1923.

Гондла. Берлин. 1936.

Рассказы:

Тень от пальмы. Петроград. 1922.

Переводы:

Теофиль Готье. Эмали и камеи. СПб. 1914.

Фарфоровый павильон. Китайские стихи. СПб. 1918. 2-ое, доп. изд. Петроград. 1922.

С. Т. Кольридж. Поэма о старом моряке. [Перевод и предисловие Н. Гумилева]. Петроград. 1919.

Гильгамеш. Вавилонский эпос. [Перевод и предисловие Н. Гумилева и введение В. Шилейко]. СПб. 1919.

Французские народные песни. [Перевод и предисловие Н. Гумилева]. Берлин. 1923.

Критика:

Письма о русской поэзии. Петроград. 1923.

Более подробную библиографию Гумилева, включающую некоторые его отдельные статьи, можно найти в книге Козьмина, в библиографиях Владиславлева (Русские писатели. Ленинград, 1924 и Литература великого десятилетия, Москва-Ленинград, 1928) и в американской книге Л. И. Страховского. Там же — значительная, но далеко неполная библиография литературы о Гумилеве (внутрирусские публикации представлены наиболее полно у Владиславлева, зарубежные — в книге Страховского, но и у того и у другого много пробелов).

ОТРАВЛЕННАЯ ТУНИКА

Трагедия в пяти действиях

Действующие лица:

ИМР, *арабский поэт*

ЮСТИНИАН, *император Византии*

ФЕОДОРА, *императрица*

ЗОЯ, *дочь Юстиниана*

ЦАРЬ ТРАПЕЗОНДСКИЙ

ЕВНУХ, *доверенное лицо Императора*

Время действия — начало VI столетия по Р. Х. Место действия — зала Константинопольского дворца. Действие происходит в течение 24 часов; между 3-м и 4-м действиями проходит ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1-ая. Имр и Евнух

Е в н у х

- 1 Ты Имр из Кинда, кажется? Случалось
И мне слышать о племени твоём.
Оно живет не в кесарских владеньях,
Не в золотой руке Юстиниана,
5 Но всё-таки достаточно известно,
Чтоб я решился выслушать тебя.

И м р

- О, господин, несчастье и измены,
Вот всё, что видела моя заря.
Родился я к востоку от Иемена
10 В семействе Годжра, Киндского царя.
Но слишком дорогим я стал народу
И должен был бежать, и много лет
Ел хлеб чужой и пил чужую воду,
Перед чужим шатром шептал привет.
15 Я сделался поэтом, чтоб ласкали
Меня эмиры, шейхи и муллы,
И песни, мною спетые, летали
По всей стране, как римские орлы.
И как-то вечером на состязаньи
20 Певец из племени Бену-Ассад
(Как ненавистно мне это название!)
Запел и на меня направил взгляд:

- «Был Годжр из Кинда воин очень сильный,
И сильно плачет Годжрова жена...».
- 25 Я понял всё, увидел столб могильный
И умертвил на месте крикуна.
Домой я моего погнал верблюда
И мчáлся восемь дней и наконец .
Увидел: вместо башен камней гряда,
- 30 Обрывки шкур в загоне для овец.
Тогда я, словно раненая птица,
К Константинополю направил путь.
Я думал: Кесарь может согласиться,
Несчастному поможет как-нибудь.
- 35 Шесть тысяч копий, да четыре луков,
Да две людей, приученных к мечу,
Да сколько надо для отрядов вьюков,
Я попросить у Кесаря хочу.

Е в н у х

- Зачем же Кесарь вмешиваться будет
- 40 В пустые распри чуждых нам народов,
Какую славу или прибыль может
Он получить от этих малых войн?

И м р

- Когда Бену-Ассад, народ коварный,
Давно заслуженную примет часть,
- 45 То вся страна, навеки благодарна,
Клянусь, признает кесареву власть.

Е в н у х

- Не знаю я, как отнесется Кесарь
К завоеваньям, часто ненадежным,
Порою трудным и всегда ненужным,
- 50 Но доложу. Быть может, ты слыхал,
Что начали мы преобразование
Всех императорских постановлений

В один обширный, полный свод законов,
Дабы никто в народе не страшился
55 Ни яда языка, ни злых коварств.
К чему же нам теперь завоеванья?
Но всё ж я доложу. Однако, прежде
Ответь мне правду, ты не манихей?
Как помышляешь ты о Воплощеньи?

И м р

60 В пустыне думать некогда о Боге,
Там битвы, львы и зыбкие пески,
Но я однажды видел у дороги,
Как черный камень молят старики.

Е в н у х

Ну что ж! Язычник может быть крещен,
65 Еретика исправит лишь железо.
Ты знаешь, для похода нужен вождь,
Доместик пеших воинов и конных,
Знакомый и с народом и с пустыней,
Во всем покорный кесаревой воле...
70 Что если бы мы выбрали тебя?

И м р

С тех пор как я, бродяга безрассудный,
Узнал о том, что мой отец убит,
Я вечно слышу сердцем голос чудный,
Который мне о мщеньи говорит.
75 И этот голос, пламенем пропитан,
В толпе и битве заглушил бы всех,
Как будто тот, кому принадлежит он,
Одет в броню и леопардов мех.
Я клялся не носить духов в фиоле,
80 Не есть свежины и не пить вина,
И не касаться женщины, доколе
Моя обида не отомщена.

Е в н у х

- Зачем же ты приехал в Византию,
Смешной дикарь? Таких, как здесь, духов
85 Из мускуса, из розового масла,
Из амбры и раздавленных левкоев,
Ты не найдешь от стран гиперборейских
До смертоносной Суматры и Явы.
На наших празднествах едят быков,
90 Оливками и медом начиненных,
И перепелок маленьких и нежных,
И вкусных, вкусных, как блаженство рая.
Мы запиваем их вином заветным,
Что от тысячелетий сохранило
95 Лишь крепость дивную да ароматность
И стало черным и густым, как деготь.
А женщины! Но здесь остановлюсь,
Затем что я принадлежу к священству.
Скажу одно: когда ты сдержишь клятву,
100 Ты будешь самым стойким из людей,
И мы пошлем тебя тогда не только
В Аравию, а в Индию и даже
К великому и славному Китаю.

(Выходит. Входит Зоя)

Сцена 2-ая. Имр и Зоя

З о я

- Скажи, не ты ли мой учитель новый,
105 Прибывший с юга, чтоб меня наставить
В дидактике и тайных свойствах трав?

И м р

Ты, девушка, ошиблась, я другому
Тебя сумел бы лучше научить:

- Подкрадываться к вражескому дому
110 И факел тлеющий в траве влачить;
На белого, как молоко, верблюда
Вскочив, часами пожирать пески,
Да в бухте Джедды у морского чуда
Ударом ловким выпустить кишки.
115 Я б страсти научил тебя беспечной,
Да песням об истоме милых глаз
И радости ночной, но их, конечно,
И пела и слыхала ты не раз.

З о я

- Ах, кроме наставлений и обеден,
120 Я ничего не слышала, ты первый
Заговорил со мною о любви.

И м р

Как, и тебя еще не целовали,
И никого не целовала ты?

З о я

- Я целовала гладкие каменья,
125 Которые выбрасывало море,
Я целовала лепестки жасмина,
Который вырос под моим окошком.
Когда мне становилось очень больно,
Тогда свои я целовала руки,
130 Меня ж с тех пор, как мать моя скончалась,
Никто ни разу не поцеловал.

И м р

Но сколько лет тебе?

З о я

Уже тринадцать.

И м р

У нас в твои лета выходят замуж

Или любовников заводят. Помню
135 Одну мою любовь я...

З о я

Расскажи!

И м р

Плеяды в небе, как на женском платье
Алмазы, были полными огня,
Дозорами ее бродили братья,
И каждый мыслил умертвить меня.
140 А я прокрался к ней подобно змею.
Она уже разделась, чтобы лечь,
И молвила: «Не буду я твоею,
Зачем не хочешь ты открытых встреч?»
Но всё ж пошла за мною, мы влачили
145 Цветную ткань, чтоб замести следы.
Так мы пришли туда, где белых лилий
Вставляли чаши посреди воды.
Там голову ее я взял руками,
Она руками стан мой обвила.
150 Как жарок рот ее, с ее грудями
Сравнятся блеском только зеркала,
Глаза пугливы, как глаза газели,
Стоящей над детенышем своим,
И запах мускуса в моей постели,
155 Дурманный, с тех пор неистребим.
... Но что с тобою? Почему ты плачешь?

З о я

Оставь меня, ведь мне не говорили,
Что у меня глаза, как у газели,
Что жарок рот мой, что с моею грудью
160 Сравнятся блеском только зеркала!

И м р

Клянусь, со дня, когда я стал мужчиной,
Я не встречал еще таких, как ты,

Я не видал еще такой невинной,
Такой победоносной красоты.
165 Я клятву дал и изменить не смею,
Но ты огнем прошла в моей судьбе,
Уже не можешь ты не быть моею,
Я отомщу и возвращусь к тебе.

З о я

Не знаешь ты, кто я.

И м р

Останься всё же.

170 Пусть ты из Рима, я ж простой араб,
Но это не препятствие... быть может,
Отец твой слишком знатен, он сатрап?
Так знай...

З о я

Я — Зоя, дочь Юстиниана.

(Имр выпускает ее. Зоя выходит. Входит Феодора)

Сцена 3-ья. Имр и Феодора

Ф е о д о р а

Вот это хорошо! Теперь я знаю,
175 Зачем приехал ты в Константинополь,
Лирический поэт, ужасный мститель,
Надменно давший клятву воздержанья.
Мы всем должны служить тебе, ты просишь
И войска, и девичьих поцелуев.
180 Что ж ты молчишь? Ответь! Куда речистей
Ты с падчерицей был моей сейчас.

И м р

И стены здесь имеют уши. Детям
Известно это, я же позабыл

И вот молчу, затем что перед этим,
185 Быть может, слишком много говорил.

Ф е о д о р а

Напрасно! Я тебе не враг, я даже
Тебе забавную открою новость,
Что Зоя мной просватана недавно
За Трапезондского царя. Доволен?

И м р

190 Я, госпожа, не весел и не грустен:
О дочери ли Кесаря помыслить
Осмелится кочующий араб?

Ф е о д о р а

Быть может, данная тобою клятва
Негаданно пришлась тебе по нраву,
195 Быть может, перестал ты быть мужчиной,
И женских ласк твое не хочет тело?

И м р

Когда о женщине я вспомню вдруг,
Мне кажется, меня как будто душат,
В глазах темно, в ушах неясный звук,
200 И сердце бьется медленней и глуше.

Ф е о д о р а

Так в чем же дело? Трапезондский царь,
Конечно, полководец знаменитый,
Правитель мудрый и любовник нежный,
Но с Зоею он так всегда застенчив,
205 Как будто он, а не она, невеста.
А девушкам, ты сам отлично знаешь,
По песне судя, нравится другое.

И м р

Ужели, госпожа, сказать ты хочешь,
Что в жены мне дадут царевну Зою?

Ф е о д о р а

- 210 Ну нет, не в жены, что ты перед ней?
А так! И я, пожалуй, помогла бы.
Здесь во дворце пустых немало комнат
С бухарскими и смирнскими коврами,
В саду лужаек с мягкою травой,
215 Стеной прикрытых от нескромных взглядов,
А у тебя и голод по объятьям,
И стройный стан, и холеные руки,
Певучий говор, пышные сравненья,
Неотразимые для сердца дев.
220 Ну что ж, согласен?

И м р

Госпожа, я вижу,
Что хочешь ты испытывать меня.

Ф е о д о р а

- Я так и знала, ты мне не поверил,
Но так как ты мне нужен, я открою
Тебе причину замыслов моих.
225 Однажды эта дерзкая девчонка,
Когда ее ударила я плеткой,
Вдруг побледнела, выпрямилась гордо
И назвала в присутствии служанок
Меня, императрицу Византии,
230 Александрийской уличной блудницей.
А я на трон не для того вступила,
Чтобы прощать такие оскорбленья.
Пускай она окажется сама
Блудницею, и Трапезондский царь
235 Откажет опозоренной невесте!

И м р

Прости мне, госпожа моя: с тех пор,
Как я пленяю дев моим напевом,

Моя любовь не горе и позор,
А мир и радость приносила девам.

Ф е о д о р а

- 240 Да, страсть твоя, как новое вино,
Шипит и пенится, а толку мало,
Но подождем, и станет молчаливой
Она и пьяной, как вино подвалов.
Пока же помни: Трапезондский царь,
245 Едва вернувшись, станет мужем Зои,
Он девичий ее развяжет пояс,
Он грудь ее откроет и коснется
Ее колен горячими губами...
А ты, ты будешь здесь один скитаться
250 Просителем угрюмым и докучным.

(Уходит. Входит Царь Трапезонда)

Сцена 4-ая. Имр и Трапезондский царь

Ц а р ь

Скажи, ты не видал царевны Зои?
Царевна Зоя здесь не проходила?

И м р

- Я во дворце сегодня только, даже
И твоего я имени не знаю,
255 О, господин!

Ц а р ь

Я Трапезондский царь!

Ты удивлен?

И м р

Царевны я не видел.

Ц а р ь

Хвала Марии! Как людское сердце
Необъяснимо: вдалеке от милой
Мне кажется, что принял бы я казнь
260 За звук шагов ее, за шорох платья,
Когда же наступает миг свиданья,
То радуюсь я каждой проволочке.

И м р (про себя)

Так вот они, блаженные те руки,
Большие, сильные, как у героя,
265 Так вот они, те жаждущие губы,
Как солнцем озаряемые смехом,
Ведь мне о них шептала Феодора!

Ц а р ь

А ты здесь для чего? Не понимаю,
Зачем вас всех так тянет в Византию
270 От моря, от пустынь широких, в эти
Унылые, чужие вам дворцы!
Когда б не Зоя, разве бы я кинул
Мой маленький, мой несравненный город
С его чудесной сетью узких улиц,
275 От берега и к берегу бегущих,
С единственной площадью, где часто
Я суд творю под вековым платаном.
Скажи, зачем ты здесь?

И м р

Отец убит!
Я должен мстить, я думаю, что Кесарь
280 Мне войско даст.

Ц а р ь

Вот это речь мужчины!
Мне нравится, когда звенит оружие,

Тогда и взоры делаются ярче,
И кровь стремительней бежит по венам.
Дай руку мне, тебе я помогу.

И м р

285 Нет, я не дам руки, мы, люди юга,
Не византийцы, не умеем лгать
И веруем, что достоянье друга
Украсть позорно и грешно отнять.

Ц а р ь

А что ты у меня отнять собрался?
290 Ведь я не император Византии,
В моей сокровищнице не найдешь
Ни золота, ни редкостных мозаик,
Там только панцырь моего отца,
Сработанные матерью одежды,
295 Да крест, которым наш апостол Павел
Народ мой в христианство обратил.
Иль ты о городе моем помыслил?
Там жители, когда родился я,
С моим отцом неделю пировали,
300 Я с их детьми играл еще ребенком,
Там каждый и зубами и когтями
За своего заступится царя.
Что у меня еще есть? Только слава.
Я ею рад с тобою поделиться!
305 Топи, как я, в шумящем грозно Понте
Славянские раскрашенные струги,
В горах Кавказа, над обрывом черным,
С одною пикой выходи на тура,
Тогда со мной сравнишься! Я сказал!

Сцена 5-ая. [Евнух и Юстиниан]

Е в н у х (входя)

310 Сам Кесарь.

(Имр и Царь скрываются. Входит Юстиниан)

Ю с т и н и а н

Прибыли послы из Рима?

Е в н у х

Вчера, порфирородный.

Ю с т и н и а н

И письмо

Доставили?

Е в н у х

Им был прием недобрый

Оказан.

Ю с т и н и а н

Так и знал я! Этот Рим,

Гордясь своей языческою славой,

315 Понять не хочет, что отныне солнце

Для всей земли — один Константинополь.

А что собор святой Софии?

Е в н у х

Нынче

Еще одна воздвигнута колонна,

И главный мастер слышал серафимов,

320 Ликующих и сладостно поющих.

Ю с т и н и а н

Пятьсот червонцев выдать! Боже, Боже,

Ужели я когда-нибудь войду

В сей храм достроенный и на коленях,
Раб нерадивый, дам Тебе отчет
325 Во всем, что сделал и чего не сделал?
Миропомазанья великой тайной
Ты приказал мне царский труд, желая,
Чтоб мир стал храмом и над ним повисла,
Как купол, императорская власть,
330 Твоим крестом увенчанная, Боже,
И я ль Тебя в великий час предам?

(Евнуху)

До этих пор не кончена туника?

Е в н у х

Для Трапезондского царя?

Ю с т и н и а н

Ну да!

Е в н у х

Осталось вышить золотом корону,
335 И я клянусь, такой туники брачной
Ни на одном не видели царе.

Ю с т и н и а н

Ты на три дня ее положишь в яд.
Тебе секрет известен?

Е в н у х

Государь!

Ю с т и н и а н

В чем дело?

Е в н у х

Я смущен: так, значит, свадьбы
340 Не будет?

Ю с т и н и а н

Почему ты так решаешь?

Е в н у х

А скорбь невесты?

Ю с т и н и а н

Что девичьи слезы

Пред пользой государства! Трапезонд

Приморский город и весьма торговый,

Он должен быть моим, он ключ к Кавказу.

345 Я не люблю войны, когда возможно

Устроить дело без пролитья крови.

Пусть Зоя унаследует его,

Дочерней волей управлять я буду,

Еще одной жемчужиной бесценной

350 Украсится корона Византии.

Е в н у х

Я понял, государь! Ты мудр и благ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1-ая. Юстиниан, Трапезондский царь, Евнух

Ю с т и н и а н

Наш милый сын, тебя мы снова видим
Вернувшимся из дальнего похода.
Императрица будет очень рада,
И кто-то будет рад еще сильнее.

Ц а р ь

5 Как мне благодарить тебя за эти
Слова таинственные для меня?
О, государь, враги твои разбиты,
Болгарские рассеяны полки.

Ю с т и н и а н

Я знаю.

Ц а р ь

Как ты можешь знать об этом?

10 Я прибыл первым из всего отряда.

Ю с т и н и а н

Ведь ты там был, и этого довольно,
Еще ни разу весть о пораженьи
Из уст твоих не достигала к нам.

Е в н у х

Такая важная для нас победа,
15 С такой достигнутая быстротой,

Освобождая наши легионы,
Порфирородный, изменить должна
Течение дел. Весть новая в докладе.

Ю с т и н и а н

- Так начинай его. Ты, милый сын,
20 Прислушайся, ты был досель рукою,
Державшей крепкий византийский меч,
Но день придет, и будешь головою,
Надевшей императорский венец.
Я слушаю.

Е в н у х

- К нам с юга прибыл странник.
25 Раздор в Аравии, там брат на брата,
Сын на отца, и странник утверждает,
Что, если в Византии он найдет
Одиннадцать-двенадцать тысяч войска,
То он к твоим ногам легко положит
30 Убийством утомленную страну.

Ю с т и н и а н

Ну, милый сын, что ты на это скажешь?

Ц а р ь

- Просителя я видел, он по нраву
Пришелся мне и взором ястребиным,
И грудью крепкой, словно медный щит.
35 Со мной он говорил немного странно,
Но я его простил. О, мой отец,
Ты мне позволишь так назвать тебя,
Пошли в Аравию свои дружины,
Пусть он их поведет и пусть на месте
40 Сожженного родимого селенья
Он город выстроит себе высокий
С фонтанами, садами и дворцами.

Я нынче слишком счастлив и хочу,
Чтоб были счастливы другие тоже.

Ю с т и н и а н

- 45 Нет, вижу я, не юношам влюбленным
Решать дела державного правленья.
Быть может, этот странник и умеет
Водить войска, одерживать победы,
Прославить императорское имя,
50 Но кто, скажи, нам может поручиться,
Что после не пробудится в нем кровь,
Кровь дикаря, влюбленного в свободу,
Считающего рабство униженьем,
И что победу он не обратит
55 На выгоду своей страны, не нашей.
Нет, сын мой, византийские полки
Вождя иного, лучшего достойны.
Ты поведешь их, вечный победитель,
Муж дочери моей любимой, Зои.
60 На завтра свадьба, и в поход с собой
Ты увезешь и юную царицу,
А свадебный подарок мой, тунику,
Которая доселе не готова,
Возьмешь по окончании похода.

Е в н у х

- 65 Но этот странник хочет мести. Он,
Забытый нами, может быть опасен.

Ю с т и н и а н

Тогда пускай он остается здесь
Заложником под стражею, на случай
Какой-нибудь неведомой измены.

(Юстиниан и Евнух уходят. Входит Зоя)

Сцена 2-ая. Царь и Зоя

Ц а р ь

70 Царевна, мне сказали, ты согласна
Со мной увидеться... но, может быть,
Неправда это? Я уйду ..

З о я

Останься!

Ц а р ь (*смотря в окно*)

Широкий ветер сбил буграми пену,
Босфор весь белый... Как бы мне хотелось
75 Теперь уехать далеко.

З о я

Куда?

Ц а р ь

Не знаю! Я еще страны не видел,
Где б звонкой птицей, розовым кустом
Неведомое счастье промелькнуло.
Я ждал его за каждым перекрестком,
80 За каждой тучкой, выбежавшей в небо,
И видел лишь насмешливые скалы,
Да ясные бесчувственные звезды.
А знаю я — о, как я это знаю! —
Что есть такие страны на земле,
85 Где человек не ходит, а танцует,
Не знает боли милая любовь.

З о я

А разве, если любишь, больно?

Ц а р ь

Да.

З о я

А если на небе горят Плеяды,
Как украшения на женском платье?
90 А если чаши влажных белых лилий
Виденьями поднялись из воды?

Ц а р ь

Не знаю, что ты говоришь.

З о я

И я

Не знаю... мне приснилось это...

Ц а р ь

Зоя!

Уедем вместе, здесь мне душно, Зоя!
95 Здесь люди хмурятся, хотят чего-то
И говорят не об одной любви.
Да и твоим глазам должно быть больно
Всегда смотреть на яшмовые стены,
И холодно от мрамора ногам.

З о я

100 А ты умеешь ездить на верблюде?
Умеешь убивать морских чудовищ?
Ко мне пробраться можешь, словно змей,
Когда кругом дозором ходят братья?

Ц а р ь

Нет братьев у тебя.

З о я

А ты мне скажешь,
105 Что у меня глаза, как у газели,
Что жарок рот мой, что с моею грудью
Сравнятся блеском только зеркала?

Ц а р ь

Араб! Ответь, ты видела араба?
Пришелец хитрый говорил с тобой?
110 О, да, я знаю, что слова такие
Лишь он единый мог сказать тебе!
Вот ты дрожишь, как пойманная птица,
И смерть в моей душе... О, Зоя, Зоя,
Молю тебя, ответь мне только правду,
115 Скажи, что он не говорил с тобой!

З о я

Ах, я не знаю, с кем я говорила:
Высокий, он казался мне виденьем,
Его глаза светились словно звезды,
Его уста краснели словно роза,
120 А речь звучала, как биенье сердца.

Ц а р ь

Не правда ли, земли он не касался
Ногой, и за спиной дрожали крылья?

З о я

Мне кажется, что да.

Ц а р ь

Так то был ангел!

Ведь ты святая, Зоя, и, конечно,
125 Слетают небожители к тебе.
Как ты бледна! Мне нестерпимо видеть
Тебя такой, в свою опочивальню
Вернись скорей и между часословов,
Цветов и ангелов, на чистом ложе,
130 Вкуси покой; но прежде, умоляю,
Прости меня.

З о я

Мне незачем прощать.

(Уходит. Входит Феодора)

Сцена 3-ья. Царь и Феодора

Ц а р ь

Императрица!

Ф е о д о р а

Я искала Зою,

Я думала, ты с нею говоришь.

Ц а р ь

Царевна утомилась разговором

135 И только что покинула меня.

Ф е о д о р а

Так, так! Уже до свадьбы утомляешь

Невесту ты, любовник несравненный!

Скажи, о чем же говорил ты с Зоей?

Ц а р ь

Прости, императрица, но мне больно

140 Услышать это трепетное имя

Из уст, которые не сознают

Всего чудесного, что в нем сокрыто.

Ф е о д о р а

Ко мне несправедлив ты, я люблю

И Зою и тебя любовью нежной.

Ц а р ь

145 Ни я твоей не чувствую любви,

Ни Зоя. Разве ты мне говорила

О дивной прелести ее, о неге

Ее правдивых глаз и смелых губ,

Об ангелах, какие к ней приходят?

Ф е о д о р а

150 А что, день свадьбы Кесарем назначен?

Ц а р ь

На завтра.

Ф е о д о р а

Ну, я рада за тебя!
Об ангелах я, право, не слыхала,
А о других... да что и говорить!

Ц а р ь

Императрица, ни царевны Зои,
155 Ни сердца полного любовью к ней
Такою речью ты смутить не можешь.

Ф е о д о р а

Смутить? Но есть ли что-нибудь дурное
В том, что с арабом повстречалась Зоя,
Наслушалась певучих небылиц?

Ц а р ь

160 С арабом?

Ф е о д о р а

Да, и он ей пел так сладко
О чудищах морских и о верблюдах
И о своих любовных приключениях,
И, кажется, хотел поцеловать.
Но Зоя не позволила, конечно.

Ц а р ь

165 С арабом! Так она мне солгала!

Ф е о д о р а

Как ты ревнив! Подумай, это странник,
Несчастный нищий, ты же царь, хоть, правда,
Красив он и красивее тебя.
Он может сердце девичье встревожить
170 Речами хитрыми, присниться ночью
Сияющим, как ангел золотой,
Заставить плакать и бледнеть от страсти;

Но девушка разумная не станет
Любить неведомого пришлеца.

Ц а р ь

- 175 Оставь меня теперь, ты слишком больно
Мне сделала, и все ж я верю в Зою,
Я умер бы, когда б не верил ей.
Но тот араб мое узнает мщенье,
Ему бы лучше было не родиться...

Ф е о д о р а

- 180 Смотри, он входит. Сделай, что сказал!

(Входит Имр)

Сцена 4-ая. Те же и Имр

И м р

Ага, ты здесь, я требую, ответь!
Ты отправляешься вождем к отряду?
Мне евнух все открыл. Ты мог посметь!
Украл мою последнюю отраду!

Ц а р ь

- 185 Ты с Зоей говорил наедине,
А мне сказал, что ты ее не видел!
Я думал, что ты тигр, а ты гиена,
Прикрытая тигриной пестрой шкурой.

И м р

- 190 Ты низкий вор, а упрекаешь сам,
У нищего ты отнял корку хлеба.
Ты думаешь, что так я и отдам
То мщенье, что я вымолил у неба?

Ц а р ь

Нечистыми губами ты шептал
Слова нечистые царевне Зое,

195 И эти наглые глаза смотрели
В безгрешные, как рай, ее глаза.

И м р

Несчастливая Аравия моя,
Ужель я сделался твоей бедою?
Бальзам для язв твоих готовил я,
200 А он, чужой, что сделает с тобою?

Ц а р ь

Я разорю до тла твою страну,
Колодцы все засыплю, срою стены,
Я вырублю оазисы, и люди
Название самое ее забудут!
205 А ты, ты будешь гнить в цепях, в тюрьме,
Ты даже старцем из нее не выйдешь.
За корку черствую, что раз в неделю
Тебе дадут, меня благословишь.

*(Имр выхватывает нож и бросается на него. Борются.
Царь одолевает и овладевает ножом).*

И м р

Убей меня скорей!

Ц а р ь

Убить тебя?

210 Я низкой кровью рук не запятнаю,
Я убиваю только благородных.

Ф е о д о р а

Нам дан закон не отомщать обиды,
Припомни, царь, что ты христианин.

Ц а р ь

215 Да, как сказал я, так и будет! Стража
Его сегодня ж вечером возьмет.
Таким, как он, не место на свободе,
Где солнце светит, где дела свершают
Великие, и девушки проходят
Подобные моей невесте Зое.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 1-ая. Юстиниан и Феодора

Ф е о д о р а

- Возлюбленный мой Кесарь, значит завтра
Царь Трапезондский и царица Зоя
Венчаются, а мстительный араб
Не войско получает, а оковы?
5 Я рада, только мне порою больно,
Что узнаю я о твоих решениях
Не из твоих спокойных, строгих губ,
В глухих ночах целованных так много,
А лишь от евнуха, от приближенных
10 Да от болтливых, ветреных служанок.

Ю с т и н и а н

- Ты знаешь, как стремился я найти
В тебе помощницу делам правленья,
Как верил я в тебя и как любил,
И как потом жестоко обманулся.
15 Ты не жена, ты женщина и только!
Пускай другие могут забывать,
Но я, я ничего не забываю.

Ф е о д о р а

- Ну вот, опять ты повторяешь басни,
В которые уже никто не верит.
20 Отец мой был сенатором — бумаги

(Возьми их у хранителя печати,
В них нет подделки, что б ни говорили)
Доказывают это слишком явно.

Ю ст и н и а н

Мне всё равно, кто был твоим отцом,
25 Ведь я твой муж, и этого довольно!
О чем я говорю, ты догадалась?

Ф е о д о р а

Все женщины такие ж.

Ю ст и н и а н

Нет, не все!
Мать Зои, словно лилия Господня,
Небесною сияла чистотой,
30 И Зоя ей подобна.

Ф е о д о р а

Так араба

Под стражу?

Ю ст и н и а н

Да.

Ф е о д о р а

Прости меня, прости!

Я десять лет была твоей женою,
И ты за эти десять лет не можешь
Меня, жестокий, упрекнуть ни в чем.

Ю ст и н и а н

35 Нечистой ты взошла ко мне на ложе.

Ф е о д о р а

Нечистой, да! Но знаешь, почему?
Лишь потому, что я любила много
Тебя, мой Кесарь, мой орел державный.
Я девочкой мечтала о тебе

40 И прятала твое изображение.
Когда к ристалищу шел царский поезд,
Кто оторвал бы от окна меня?
Я подкупила твоего раба,
И он мне раз принес песку из сада,
45 Где вечерами ты бродил один,
О благе Византии размышляя.
Но годы шли, и закипала кровь
Во мне, и наконец я повстречала
Того, кто был и взглядом и осанкой,
50 И даже голосом во всем подобен
Тебе, тебе... В народе говорили,
Что мать его покойный твой отец
Однажды ночью взял к себе на ложе.
Ты был далеким, чуждым, недоступным,
55 А он бледнел и таял от любви.
Я отдалась, но только раз, не больше,
Клянусь! И вскоре после умер он,
В Иллирии в твоих войсках сражаясь.

Ю с т и н и а н

Но после ты была в Александрии,
60 И слухи смутные идут о том.

Ф е о д о р а

В Александрию к одному святому
Отшельнику мой духовник Панкратий
Послал меня замаливать мой грех.

Ю с т и н и а н

Есть поговорка старая, что если
65 Подозревают женщину во лжи,
Всегда ее подозревают мало.

Ф е о д о р а

Так прогони меня! Сними немедленно
С меня мой сан. Что мне он без любви?
И пусть, как прежде, из окна я буду

- 70 За царским поездом твоим следить.
Ты изменился, я осталась та же,
Я — девочка, влюбленная в тебя.
Ударь меня и прогони.

Ю с т и н и а н (*протягивая к ней руку*)

Дитя!

Ф е о д о р а

- Ужели бы я так могла любить,
75 Когда б тебя я не любила нежно?
Ты ласков вновь со мной; забудем, хочешь,
Раздоры, ревность, будем жить для счастья
И нашего, и всей державы нашей,
Таинственно дарованной нам Богом.
80 Дай мне твой перстень, тот, которым можно
И отдавать повсюду приказанья,
И отменять их именем твоим.
Дай мне его залогом примиренья,
Как ты уж мне его давал когда-то
85 Любви залогом, и я буду верить,
Что я действительно твоя подруга.

(*Понижив голос*)

- Я знаю всё, я рук твоих касаюсь,
И кровь, что греет их, мне шепчет тайны,
На грудь твою прилягу, и биенье
90 Мне сердца твоего, как речь, понятно.
Я знаю, что отравлена туника,
Туника Трапезондского царя,
Но не сужу тебя, а покоряюсь.
По мне, убей святого Патриарха
95 И манихейское восславь нечестье,
Я за тобой пойду повсюду, если
Я буду знать, что я близка тебе.

Ю с т и н и а н (*отдает перстень*)

Дитя, дитя.

Ф е о д о р а
И уходи теперь.
В моей душе сейчас такое счастье,
100 Что я должна молиться.

Ю с т и н и а н
Я с тобою
Охотно тоже помолюсь.

Ф е о д о р а
Ну, нет!
Ко мне придет игуменья святая,
И ей с мужчинами нельзя встречаться.
(За сценой шум)
Да вот она. Скорее уходи.
(Юстиниан уходит. Вбегает Имр, за ним Евнух)

[Сцена 2-ая. Феодора, Имр и Евнух]

И м р
105 О, госпожа, мне передал твой мальчик,
Что ожидаешь ты меня, и я
Явился, но старик безумный этот
Меня пытался заключить в оковы.
Я воина убил и вот я здесь...
110 Весь этот город полон вероломства...

Е в н у х
Императрица, Кесарь приказал,
И я исполнить должен; умоляю,
Войди к себе, чтобы твоим глазам
Не оскорбиться зрелищем насилья.

Ф е о д о р а
115 Постой!

(Имру)

Скажи, ты что-нибудь решил?

И м р

Решил я с жизнью лишь продать свободу.

Ф е о д о р а

Царь Трапезондский настоял в совете,
Чтоб ты был взят немедленно под стражу.

И м р

Царь Трапезондский! Я его убью.

Ф е о д о р а

120 Убьешь? Но здесь не южная пустыня,
И наконец тебя сильнее он.

Е в н у х

Ну, что же, госпожа, сама ты видишь,
Что этот зверь опасен на свободе.
Молю тебя, позволь мне взять его.

Ф е о д о р а

125 Постой еще мгновенье!

(Имру)

Разве кровью
Смываются подобные обиды?

И м р

А чем они смываются еще?

Е в н у х

Прости, я должен взять его.

Ф е о д о р а

Вот перстень.

Ты знаешь, что обозначает он.

130 Араб не будет заключен в оковы,
Противны мне насилие и злоба,
Я исцелю евангельскою правдой

Его грехом взволнованную душу.
Оставь же нас теперь.

Е в н у х
Я повинуюсь.
[(Уходит)]

[Сцена 3-ья. Феодора и Имр]

Ф е о д о р а
135 Теперь ты веришь, что во мне найдешь
Надежную заступницу?

И м р
Я верю,
Что льву всегда сопутствует гиена.

Ф е о д о р а
Ты волен оскорблять меня, с арабом
Мне не к чему хранить величье сана.

И м р
140 Веди меня, учи меня, я твой.

Ф е о д о р а
О чем ты говоришь со мной?

И м р
О Зое!
Я до сих пор забыть ее не мог,
О ней я вспоминаю неустанно,
Так маленький, так красный огонек
145 Лизнет, исчезнет, а на теле рана.

Ф е о д о р а
Не понял ты, что я с тобой шутила,
Не обольщают кесареву дочь.

И м р

Так я один найду свою дорогу.
Прощай!

Ф е о д о р а

Постой, куда ты, так нельзя!
150 Ведь глупостей наделаешь ты столько,
Что не поправить их и во сто лет.
Но всё ж мне нравится твоя горячность,
Арабская, бунтующая кровь.
Когда б я не была императрицей,
155 То я б тебя наверно полюбила.

И м р

Прощай, к чему слова пустые эти?

Ф е о д о р а

А вот к чему: быть может, надлежит
Преступные намеренья оставить
И Зою пощадить. Она невеста
160 И любит Трапезондского царя.

И м р

Царевна любит?

Ф е о д о р а

Кажется, они
Уже близки. Она, по крайней мере,
Твои слова поведала ему,
Как хвастал ты, как унижался после,
165 И он сердился, а она смеялась.

И м р

Хитришь, императрица, ясно вижу,
Что ты хитришь. Обманывай других,
Детей и стариков, в тебя влюбленных,
Сановников лукаво-раболепных,

- 170 Но не меня, бродягу из пустыни,
Который верит только облакам,
Да самому себе, да спетой песне.
Ты хочешь страсть мою разжечь? Напрасно!
Она и так горит лесным пожаром,
175 И я теперь, как тетива у лука,
Натянутая мощною рукою.
Я раз переменял мое решение
И не могу в другой переменить.

Ф е о д о р а

- Ты нравишься мне, право, я с тобою
180 Могу не прятаться и не лукавить.
Твоя душа черней беззвездной ночи,
Любовникам и ведьмам дорогой...
Что, если бы тебя я полюбила?

И м р

Предай мне Зою.

Ф е о д о р а

Правда. Надо мстить

- 185 Обоим нам, и я императрица.
Пока уйди и стань за этой дверью,
Сейчас сюда войдет царица Зоя,
Я с нею буду говорить, как мать,
Журить ее, и ты войдешь, когда
190 Увидишь, что ее я покидаю.

(Имр уходит. Входит Зоя, за нею Царь Трапезондский)

[Сцена 4-ая. Феодора, Царь и Зоя]

Ф е о д о р а

Ты, Зоя?

Ц а р ь

Да, императрица.

Ф е о д о р а

Как —

И ты?

Ц а р ь

Да, я. Ты, кажется, смутилась?

Ф е о д о р а

Я тронута.

Ц а р ь

Не время для насмешек.

Теперь я всюду чувствую опасность

195 Не для себя, а для царевны Зои,

Ее не кину я ни на минуту

И даже ночью стану я с мечом

Перед дверьми в ее опочивальню.

Ф е о д о р а (Зое)

И ты на это согласилась?

З о я

Да.

Ф е о д о р а (Царю)

200 Какую же ты чувствуешь опасность?

Ц а р ь

Везде опасность чистым там, где ты.

Ф е о д о р а

Ты позабыл, что я императрица.

Ц а р ь

Я ничего не позабыл, я знаю,

Что там, где ты — измена и насилие,

205 Удары потаенные кинжалом

И яд, и раскаленное железо,

Которым выжигаются глаза.
Араб еще не заключен под стражу?

Ф е о д о р а

А что тебе за дело до араба?

Ц а р ь

- 210 Ты думаешь, что эхо этих зал
Тебе одной рассказывает тайны?
Царевну ты назначила арабу,
Ты разжигаешь в нем и страсть и месть,
Он точно тигр, почуявший добычу,
215 Но я могу смирить, императрица,
И тигра, и ползучую змею.

Ф е о д о р а

- Так вот она, хваленая твоя
И царственная кровь, вот доблесть сердца.
И Зоя соглашается с тобой?
220 Так кто ж она: царевна, для которой
Господь на небе жениха наметил,
Или блудница, и прохожий каждый
Ее унизит или оскорбит?
За чистую ее я принимала
225 До этих пор...

Ц а р ь

Клянусь, она права...

Ф е о д о р а

- Так, значит, вечно будешь ты стоять
С мечем перед ее опочивальней,
Подслушивать, выслушивать, таиться,
То верить, то опять подозревать.
230 Ты позабудешь дальние походы,
Ты перестанешь управлять страной.
И будут дни твои полыни горче,
И будут ночи как мученья ада.

Ц а р ь

Клянусь, она права! Царевна, ты
235 Как думаешь?

З о я

Не знаю.

Ф е о д о р а

Разве Зоя,
Униженная вечным подозреньем,
Не будет чувствовать себя в тюрьме
И наконец однажды не помыслит —
Быть может, я действительно такая?
240 А что́ тогда — ты знаешь.

Ц а р ь

Нет, довольно.
Теперь хочу я даже, чтобы к Зое
Слетались диким роем искушенья,
Я вижу, вижу, как она пройдет
Средь них, окружена покровом света
245 И, чистая, их даже не заметит.

Ф е о д о р а

И ты уйдешь со мной, оставя Зою
Наедине с твоим врагом смертельным?

Ц а р ь

Царевна, ты оценишь подвиг мой.

З о я

Не уходи. Мне хорошо и страшно.
250 Я слышу будто звон далеких арф
Бесчисленных и ветер слишком знойный
И слишком пряный... я — как облака,
Что тают в полдень в небе просветленном,
И я не знаю что́ со мной такое.

Ф е о д о р а

255 Как сильно ты любим. Я вспоминаю,
Внимая ей, мои мечты девицьи.
Ужель ты сомневаешься еще?
Тогда ее ты, право, не достоин.

Ц а р ь

260 Достоин я и ухожу. Царевна,
Ты для меня Святых Даров святей.
Христос улыбкой светлой улыбнется,
Когда ты в белый рай его войдешь.

(Феодора и Царь уходят. Входит Имр)

[Сцена 5-ая. Имр и Зоя]

З о я

265 Не подходи ко мне, не подходи,
Молю тебя, не говори ни слова,
Что мне до странной родины твоей
И до судьбы твоей, такой печальной.
Я дома твоего не разоряла,
Я только видела тебя во сне.

И м р

Царевна!

З о я

Нет, молчи, молчи, молчи.

270 Твой голос мне напоминает что-то,
О чем давно должна я позабыть.

И м р

Мой дом сожжен, от моего народа
Осталась только кучка беглецов,
И ты, и ты, чьи губы слаще меда,

275 Становишься среди моих врагов.
Я ухожу.

(Подходит ближе)

З о я
Но ты хотел уехать,
Ты мстить хотел, рассказывали мне.

И м р
Я не увижу ни морей, ни степи,
Царь Трапезондский поведет отряд,
280 Он твой жених, а мне тюрьма и цепи
За то, что я поймал один твой взгляд.

З о я
Так, значит, я виновна пред тобой?

И м р
Да ты! И этой силою любовной,
И страшною своею красотой,
285 И телом ослепительным — виновна.

З о я
Молчи, молчи, я о словах таких
Мечтала слишком долго и напрасно.
Зачем приходишь ты смущать меня
Своей печальной красотой и страстью?

И м р
290 Что клятвы, мною данные? Пути,
Ведущие меня в мои владенья?
Но я в тебе одной могу найти
Небесного замену наслажденья.

З о я
Уйди, уйди, тебя я не люблю
295 И никогда тебя не полюблю я.

Ты слишком страшен, и твои слова
Меня палят, а не внушают нежность.

И м р (*обнимая ее*)

Нежна ль орлица к своему орлу,
Когда их брак свершается за тучей?
300 Нет, глаз твоих томительную мглу
Пронижет страсть, как молнией летучей.

З о я

Но я невеста, знаешь ты о том.
Я не себе принадлежу, другому.
Подумай, я же кесарева дочь,
305 Наследница державной Византии...
Но ты совсем не слушаешь меня,
И все мои слова и возраженья,
Едва сказав, сама я забываю...
О, почему так отступили стены,
310 Зачем здесь небо, залитое светом,
Широкими, горячими лучами?
Я только тучка, ты же ветер вольный,
По прихоти играющий со мною.
Вот ангел наклонился и глядит,
315 Хранитель мой и детских игр товарищ...
Зачем он грустен?.. Милый, милый ангел,
Я только тучка, мне легко и сладко.

И м р (*уносит ее*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

[Сцена 1-ая.] Имр и Евнух

Е в н у х

- Ну, как ты нынче спал на новом месте,
В покое, отведенном для тебя?
Не правда ли, тебе казалось странным,
Что не было с тобой твоей арабки,
5 Постель не пахнула верблюжьим потом,
И не ревели за окном гиены?

И м р

- Вся ночь в виденьях странных и чудесных,
Всю ночь душа на дыбе палачей.
Орел кружился в высях неизвестных,
10 И клекот был — как стук стальных мечей.
Но часто прорывался в грохот стали
Пронзительный и безутешный плач,
И молнии какие-то блистали...
И плач... и сердце прыгало как мяч.
15 Был темный стыд, как смерть неотвратимый,
Который горше смерти тяготит...
Вослед за женщиной, такой любимой,
По темным переулкам крался стыд.
Проснулся... Утро было слишком ясно,
20 И розами был воздух напоен.
Но знаю я, что снился не напрасно
Ужасный и прекрасный этот сон.

Е в н у х

Конечно, не напрасно: до полудня
По повелению Императрицы
25 Свободен ты, а после заключение,
Где не увидишь ты ни роз, ни солнца.
Я кесарев приказ исполнить должен.

И м р

О, случай, всемогущий, как природа,
Порхающий по воле здесь и там,
30 Не для себя иль своего народа
Я падаю теперь к твоим стопам,
А лишь для той, что молнией летучей
Во мне зажгла томительную страсть,
Лишь для нее, плясун веселый, случай,
35 Яви свою божественную власть.

Е в н у х

Как ты забавно молишься. Люблю
И я сплетенья силлогизмов тонких.
В Египте это общая забава,
Там греки, финикияне, арабы,
40 При помощи логических фигур,
Геометрических сопоставлений
Творят еще неслыханные веры,
Которые живут, как мотыльки,
Лишь день один, но все-таки пленяют.
45 Скажи, ты не был там?

И м р

В Александрии

Я жил пятнадцать лет тому назад.

Е в н у х

Как раз когда была там Феодора.

И м р

Какая?

Е в н у х

Неужели ты не знаешь,
Что так зовут Императрицу нашу?

И м р

50 Как, Феодора? С кудрями как смоль,
С горячим ртом и легкими ногами,
Белее, чем кедровые орешки,
Освобожденные от скорлупы?
Ха, ха... Теперь спасен я...

Е в н у х

Ты не мог

55 С ней встретиться, она жила в пустыне,
Там некий старец наставлял ее
В искусстве покаянья и молитвы;
А ты наверно пировал в дворцах
Купцов богатых и центурионов,
60 Бывал на играх и звериных травлях,
Да посещал языческие школы.
Однако, скоро полдень, нам пора.
К тому же, в этот час Императрица
Бывает здесь.

И м р

Ее то мне и надо.

*(Набрасывается на Евнуха, валит его, завязывает ему
голову его же одеждой, потом выпрямляется и ждет)*

[Сцена 2-ая. Те же и Феодора]

Ф е о д о р а (входя)

65 Ты здесь еще?

И м р

Я здесь, Императрица,
Благодарить тебя и день назначить
Венчанья моего с царевной Зоей.

Ф е о д о р а

Ты помешался, бедный человек.

И м р *(продолжая)*

И попросить еще, чтобы в поход
70 Был я, не Трапезондский царь, отправлен.

Ф е о д о р а

Но почему ты до сих пор не взят
Под стражу? Где ленивый этот евнух?

И м р *(указывая на лежащего)*

Он здесь, Императрица, связан мною
За скверную назойливость свою.

Ф е о д о р а

75 Ужель осмелился, безродный нищий,
Ты нашего сановника связать?
Нет, это слишком... кто там? Стража, слуги,
Сюда, сюда, на помощь!

И м р

Феодора,
Что, родинка твоя под левой грудью
80 Попрежнему похожа на мышенка?

Ф е о д о р а

Что говоришь ты?

И м р

Видишь этот шрам?
Ты помнишь, как меня ты укусила
В Александрии теплой, лунной ночью,
Когда ты танцевала перед нами,

85 И я тебе мой бросил кошелек
С алмазами, не с золотом? Ты помнишь?

Ф е о д о р а
Ты? Ты тот Имр? Какое наваждение!
Но почему ты здесь? Постой, ты знаешь,
Что я тебя любила одного?

И м р
90 Ну нет, не одного! В Александрии
Твоей любовью многие хвалились.

Ф е о д о р а
Я до тебя не знала наслажденья,
Я отдавалась просто, как дитя...
О, как томит меня воспоминанье.
95 Скажи, еще меня ты любишь?

И м р
Нет.

Ф е о д о р а
Да, знаю я, незрелая девчонка
С печальным ртом, огромными глазами
Тебе дороже... Так она погибнет!

И м р
Императрица, грустно жить в цепях.

Ф е о д о р а
100 В цепях?

И м р
Да, если Кесарь всё узнает,
Ты думаешь, что он тебя простит?

Ф е о д о р а
И ты решишься женщину предать,
С которой ты изведal наслажденье?

И м р

105 Я должен девушку спасти, с которой
Судьба моя навеки сплетена.

Ф е о д о р а

Так что ж мне делать?

И м р

Только покориться.

И вор, столкнувший спутника с моста,
Потом его вытаскивает сам,
Узнав в нем неожиданно знакомого.

Ф е о д о р а

110 Ты отомстил, а я не отомстила.

И м р

Такая уж удача мне.

Ф е о д о р а

Ну, что ж!

В моей груди опять забилося сердце
Без ненависти, без любви, а только
Послушное ударам медным бубна,
115 Стремительно взлетающим ногам,
Да стеблям рук, закинутых высоко.
Не правда ль, я не плохо танцевала?

И м р

Ну, в добрый час. Ты поняла меня.
Я ухожу, но помни, Феодора,
120 Предательства со мной не удаются.

(Указывая на Еву)

А этого, быть может, умертвить?
Он слышал разговор наш.

Ф е о д о р а

Нет, не стоит.

Он промолчит, он знает столько тайн,

Что уж они его не обольщают.
125 Но унеси его скорей. Вот Кесарь.

(Имр уносит Евнуха)

[Сцена 3-ья. Феодора и Юстиниан]

Ю ст и н и а н *(входя)*
Кто был сейчас с тобой?

Ф е о д о р а
Арабский странник.

Ю ст и н и а н
Но что он делал?

Ф е о д о р а
Говорил со мной.

Ю ст и н и а н
Свободен он?

Ф е о д о р а
По моему велению,
Вот этим подтвержденному кольцом.

Ю ст и н и а н *(вырывая кольцо)*
130 Назад, назад кольцо мое!

Ф е о д о р а
Возьми,
Но только я, как должно, поступила,
Он был бы здесь опасен и в тюрьме.

Ю ст и н и а н
Кому опасен?

Ф е о д о р а

Мне, одной лишь мне!

Ю с т и н и а н

135 Что ты сказала? Как? Он покушался
На жизнь твою?

Ф е о д о р а

Ужели ты не видишь,
Как щеки у меня горят, как трудно
Мне говорить об этом пред тобой?
Мне стыдно! Ты меня ревнуешь только
К каким-то небывалым прегрешеньям,
140 А подлинной опасности не видишь.

Ю с т и н и а н

Его ты любишь? Отдалась ему?

Ф е о д о р а

О, нет, когда б ему я отдалась,
Мне силы не хватило бы сознаться.

Ю с т и н и а н

Так в чем же дело?

Ф е о д о р а

Мне уж тридцать лет,
145 А в эти годы к женщинам приходят
Еще неведомые искушенья.
Пускай его отправишь ты в тюрьму,
Я буду думать о тюрьме всечасно;
При каждом шорохе, при каждом звуке
150 Мне будет чудиться, что это цепи
Звенят на стройных, бронзовых ногах.
Убьешь его, и мука будет горше,

Он, мертвый, станет мне являться ночью,
Ласкать меня, и будут пахнуть тленом
155 Его мучительные поцелуи.
О, мой супруг, тебя любила я,
Как дивный жемчуг, как звезду Востока,
Как розу благовонную, а ты
Меня предашь лукавящему змею.

Ю с т и н и а н

160 Тебе я верю. Верю и всегда,
Когда себя ты обвиняешь...

Ф е о д о р а

Кесарь,
Одно лишь средство защитить меня
От мук и небывалого позора —
Отдай ему начальство над войсками.
165 Когда я буду знать, что счастлив он
И никогда назад не возвратится,
То страсть моя исчезнет, точно тень
От облака, растопленного солнцем.

Ю с т и н и а н

Но этот подвиг мною предназначен
170 Для Трапезондского царя, и легче
Отнять у льва голодного добычу,
Чем у такого воина поход.

Ф е о д о р а

Об этом ты не беспокойся: Зое
Уговорить удастся жениха.

Ю с т и н и а н

175 А Зоя тут при чем? Ужель пришелец,
Как и тебя, ее околдовал?

Ф е о д о р а

Мне тридцать лет, а ей всего тринадцать.
Подумай, что́ ты говоришь.

Ю с т и н и а н

Прости,

180 Я рад, что ты мне рассказала правду
И Зою защищаешь предо мной.
Да будет так!

Ф е о д о р а

О, дивный, дивный Кесарь!

Меня ты спас, и я тебя люблю.

(Оба уходят. Входят Царь и Зоя)

[Сцена 4-ая. Царь и Зоя]

Ц а р ь

185 Как хорошо мне, Зоя! Мы с тобою
Роднее стали, ближе. Есть о чем
Нам говорить. Араб? Он был испуган?
Он пред тобою преклонился?

З о я

Да.

Ц а р ь

Что ты ему сказала?

З о я

Я молчала.

Ц а р ь

А он?

З о я

Молчал и он, лишь звезды пели
Так звонко в сонном небе, да крылатый

190 Склонялся ангел надо мной и плакал.
...Послушай: я любовница араба.

Ц а р ь

Не знаешь ты сама что говоришь.

З о я

Я никогда тебя не уверяла,
Что я тебя люблю, так почему же

195 Так больно мне? Ведь ты меня простишь?

Ц а р ь

Царевна, не испытывай меня,
Не вынесу такого испытанья.

З о я

Не мучь меня, не заставляй, чтоб вновь
Я страшное признание повторила.

Ц а р ь

200 Но как случилось это?

З о я

Я любила.

Ц а р ь

Неведомого, нищего пришельца,
С гортанным голосом, с угрюмым взглядом,
С повадкой угрожающего зверя,
Без тени человеческой души?

З о я

205 Не смеешь ты так говорить о нем!
Он нежен точно знойный ветер с юга,
Его слова — как звоны лютни в сердце,
Которое один он понимает,
И царство, им утраченное, было
210 Исполнено таким великолепьем,

Какого не найдешь и в Византии,
Не только что в несчастном Трапезонде.

Ц а р ь

Прости меня! Я воин и забыл,
Что нет иного права, чем победа.

З о я

- 215 Ты очень больно сделал мне, но всё же
Тебе прощаю я за то, что ты
Поможешь мне. Зачем тебе поход?
И так ты заслужил довольно славы.
Пусть поведет в Аравию войска
220 Тот, для кого всего дороже мщенье,
Пусть он вернет и дом и трон отцовский,
Чтоб я его женою стать могла.

Ц а р ь

И ты меня об этом просишь?

З о я

Разве

Меня совсем уже не любишь ты?

Ц а р ь

- 225 Я вспоминаю древнее преданье,
Которое, не помню где, я слышал,
Что женщина не только человек,
А кроткий ангел с демоном свирепым
Таинственно в ней оба совместились,
230 И с тем, кто дорог ей, она лишь ангел,
Лишь демон для того, кого не любит.

З о я

Опять меня бранить ты начинаешь
И на вопрос не отвечаешь мой.

Ц а р ь

Какой вопрос?

З о я

Поход ты уступаешь?

Ц а р ь

- 235 Еще об этом спрашиваешь ты?
Мой честный меч широкий и блестящий,
От взгляда моего он потускнеет,
И сильный конь мой выдержит едва ли
Меня с моей чудовищною болью...
- 240 Довольно! Пусть ведет поход кто хочет.

З о я

О, как мне больно за тебя! Как будто
Я в чем-то виновата пред тобой!
Я всё, я всё отдам тебе, но только
Оставь мне радость и любовь мою.

Ц а р ь

- 245 Мне больше ничего не надо, Зоя.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

[Сцена 1-ая. Имр и Зоя]

И м р

Царевна, радуйся, сейчас приказ
За императорской печатью прибыл;
Пятнадцать тысяч воинов: гоплитов,
Копейщиков и лучников, и готов
5 Уже готовы выступить в поход,
И я, и я их поведу, царевна.

З о я

Ты Зоей звал меня недавно.

И м р

Да.

Прости, царевна, у ворот я видел
Коня огромного, как дикий слон,
10 И рыжего, как зарево пожара;
Он мой. Когда к нему я подошел,
Он на меня так злобно покосился.
На нем я и поеду во главе
В Аравии невиданного войска.

З о я

15 Ты город свой вернешь, в твоём дворце,
Не правда ль, будут бить всегда фонтаны,
И перед ними заплетаться розы,

Большие точно голова ребенка?
И в роще пальмовой по вечерам,
20 Где будем мы бродить рука с рукою,
Не правда ль, птицы запоют такие,
Магические, синие как луны,
Что сердцу станет страшно, как тогда,
Когда меня понес ты, и не будет
25 Печальным больше мой хранитель, ангел?

И м р
Конечно! Только прежде разорю
Осиное гнездо Бену-Ассада.
Мне ведомо становище злодеев:
Копейщиков пушу я по равнине,
30 Гоплиты будут слева за ручьем,
Когда Бену-Ассад войдет в ущелье,
С утесов лучники его осыпят
Стрелами оперенными, как градом,
А после всё мои dokonчат готы,
35 С холодными, как их страна, глазами,
С руками крепче молотов кузнечных.

З о я
И ты тогда за мной вернешься?

И м р
Да.
О, как я счастлив! Милый южный ветер,
Когда я шел сюда, лицо мне жег,
40 И волны горбились среди Босфора,
Те самые, быть может, что стучали
О камни Африки, когда смотрелись
В них пьяные ночным убийством львы.
Но ты грустна как будто?

З о я
Ты уходишь,
45 И больно мне.

И м р

В твои ночные сны

Являться буду я окровавленным,
Но не своей, а вражескою кровью.
Я головы владык, мне ненавистных,
Отрубленные, за волосы взяв,
50 Показывать тебе с усмешкой буду,
И ты тогда поверишь, что недаром
К моей груди вчера припала ты.

З о я

Но, может быть, ты и меня возьмешь
С собой, иль сам останешься на время?
55 Есть у меня враги.

И м р

Не бойся их!

И кто они? Царь Трапезондский — воин,
Так он не станет женщинам вредить.
Юстиниан? Но он отец твой. Евнух?
Толстяк, который любит рассужденья.
60 Ах да! Императрица Феодора.
Но и она не может быть страшна,
Повыдергал я зубы у ехидны,
Я расскажу тебе о ней...

(Взглядывает в окно)

Но что там?

Войска проходят... Первая колонна
65 Уж грузится на первую галеру,
И я не там. Прощай. Пора идти.

З о я

Еще одно мгновенье.

И м р

Вот гоплиты,

На солнце лиц их различить нельзя,

Так нестерпимо блещут их доспехи.
70 Иду.

З о я
Один лишь поцелуй.

И м р
Вот готы.

(Уходит. Входит Феодора и стоит, незамеченная Зоей)

[Сцена 2-ая. Зоя и Феодора]

З о я
Ушел... Как сон, увиденный под утро,
Ушел... И не поцеловал меня.
Теперь пред ним веселые дороги,
Оазисы, пустыни и моря,
75 И бой... А если он... Но нет, я верю,
Что это невозможно... Невредимым
Вернется он и увезет меня
К священным розам и фонтанам белым.

(Смотрит в окно)

Там воины проходят; я не знаю,
80 Как он, где лучники, а где гоплиты,
У всех у них обветренные лица
И поступь тяжкая, как будто шли
Они из Галлии без остановки
И думают до Индии дойти.
85 Они молчат, бегут за ними дети,
И женщины в изодранных одеждах
Их за руки хватают и целуют,
Как я... как я поцеловать хотела.
Их грозен облик, с плеч спадают шкуры
90 Медвежьи и тигриные, их руки
Как будто продолжение их мечей,

Но все идут и глаз не опускают,
Глядят вперед уверенно и просто,
Как те, кому не следует стыдиться
95 Измен, предательства и вероломства.
Храните ж, воины, святую доблесть,
Начальника храните своего
И моего возлюбленного.

Ф е о д о р а

Зоя!

Утешься, дочь моя, ведь твой жених
100 Остался, и сегодня ваша свадьба.

З о я

Остался он?

Ф е о д о р а

Войска повел араб.

З о я

Так он уехал?

Ф е о д о р а

Зоя, Зоя!

Царь Трапезондский ждет тебя во храме,
А ты — скажу ль? — тоскуешь по арабе.

З о я

105 Имр-Ель Каис из Кинда — мой жених.
Я не хочу и не возьму другого.

Ф е о д о р а

Про Имра я дурного не скажу...
Как про меня он говорит... Не так ли?
Молчишь?.. Ну, значит, так! Однако, царь
110 Тебе в мужья твоим отцом назначен,
А ты ведь знаешь нрав Юстиниана:

Он не захочет дать напрасно слово
Иль положить напрасно в яд тунику.

З о я

Тунику в яд? Какую? Я не знаю!

Ф е о д о р а

115 Тунику Трапезондского царя.

З о я

Зачем?

Ф е о д о р а

А лишь затем, что Трапезонд
Приморский город и весьма торговый,
И будешь ты царицей Трапезонда.

З о я

120 Из-за меня? Убить того, кому
Уж я однажды сделала так больно,
И для кого я жизнь отдать готова,
Чтоб искупить вину мою?.. О, горе!

Ф е о д о р а

Об этом ты поговори с отцом.

(Входит Юстиниан)

[Сцена 3-ья. Те же и Юстиниан]

Ю с т и н и а н

125 Мне радостно вас видеть вместе. Мир
В семействе императора — прообраз
Священный государственного мира.

Ф е о д о р а

Ну, если так, народ восстал и с ревом
Бежит по улицам и площадям,

130 Пылают зданья, рушатся дворцы,
Под стенами разбойники и волки
Довольные, ища добычи, бродят.
Царевна из твоей выходит воли.

З о я

Отец, ужели брачная туника
Отравлена?

Ю с т и н и а н

Отравлена.

З о я

Зачем?

Ю с т и н и а н

135 Зачем пылают молнии на небе,
Сжигая достоянье поселян,
Зачем бывают бури и самумы,
Бывают ядовитые цветы?
Дитя мое, законы государства,
140 Законы человеческой судьбы
Здесь на земле, которую Господь
Ведет дорогой неисповедимой,
Подобны тем, какие управляют
И тварью, и травой, и песчинкой.

З о я

145 Я не хочу, чтоб умер мой жених!

Ю с т и н и а н

Казалось мне, что ты его не любишь.

З о я

Я быть его женою не хочу,
Но если он умрет, и я погибну!

Ю с т и н и а н

- Ты видишь, Зоя, так же непонятны
150 Мне замыслы твои, твои желанья,
Как для тебя мои, затем и создал
Господь голубоглазую покорность
И веру ясную, чтоб люди жили
В согласьи там, где быть его не может...

З о я

- 155 Отец, ты мудрый, знающий, ты Кесарь,
Помазанник Господень, для тебя
Пути добра и зла, страданья, счастья
Переплелись, ведут тебя ко славе,
Которую ты примешь в небесах,
160 Тогда как я, я — девочка и только!
Позволь мне доброй быть и быть счастливой!

Ю с т и н и а н

- Дитя мое, для счастья твоего,
В котором я поклялся пред твоею
Покойной матерью, теперь святой,
165 От замыслов своих не отступлю я;
Но изменю их. Только злобный бык,
Неодолимую преграду встретив,
Себя калечит, в бой вступая с нею,
А мудрый стороной ее обходит
170 И достигает цели вожденной.
Царь Трапезондский будет жить, и ты
Его женой не станешь. Пусть по сердцу
Перед тобой появится жених.

(Входит Евнух)

[Сцена 4-ая. Те же и Евнух]

Е в н у х

- Порфирородный! Горе! Горе! Горе!
175 Позволь мне лучше умертвить себя,

Чем появиться вестником несчастья
И затуманить взор царевны Зои!

Ф е о д о р а

Опомнись! Скорбь не подобает тем,
Что предстают перед лицом владыки.

Ю с т и н и а н

180 Владыка мира — тоже человек,
И грустному он не мешает плакать.
Скажи мне, что случилось?

Е в н у х

Повстречал

Я Трапезондского царя, когда
Из этой залы выходил он в полдень,
185 И хоть еще я не касался пищи,
Взял за руку меня он и повел
Осматривать собор Святой Софии.
Молчал он, только раз спросил меня,
Закопан ли по скифскому преданью
190 Под основаньем храма человек,
Чтобы незыблемо стояли стены
И трещины колонн не расщепляли;
Перекрестился я и отвечал,
Что это суеверье недостойно
195 Ни Императора, ни Византии.
Он усмехнулся краем губ и снова
На остальную замолчал дорогу.
Ты знаешь этот храм, порфирородный!
По узким, шатким лестницам, мосткам,
200 Среди лесов чудовищных, как ребра
Левиафана или Бегемота,
Мы поднялись туда, где мыслит зодчий
Из глиняных горшков поставить купол.
Мой спутник встал на страшной высоте
205 Лицом на юг, позолоченный солнцем,

Как некий дух, и начал говорить.
 Я слушал, уцепившись за перила.
 Он говорил о том, что этот город
 И зданья, и дворцы, и мостовые,
 210 Как все слова, желанья и раздумья,
 Которые владеют человеком,
 Наследие живым от мертвецов,
 Что два есть мира, меж собой неравных:
 В одном, обширном, гении, герои,
 215 Вселенную исполнившие славой,
 А в малом — мы, их жалкие потомки,
 Необходимости рабы и рока.
 Потом сказал, что умереть не страшно,
 Раз умерли Геракл и Юлий Цезарь,
 220 Раз умерли Мария и Христос,
 И вдруг, произнеся Христово имя,
 Ступил вперед, за край стены, где воздух
 Пронизан был полуденным пыланьем...
 И показалось мне, что он стоит
 225 Над бездной, победив земную тяжесть;
 В смятении страшном я закрыл глаза
 На миг один, на половину мига,
 Когда же вновь открыл их, пред собой —
 О, горе! — никого я не увидел.
 230 Как я спустился по мосткам, не помню.
 Там, под стеной, уже шумели люди,
 Толпясь над грудой мяса и костей
 Без образа людского и подобья.
 Суровы наши каменщики: их
 235 Любимые забавы — бой звериный,
 Кулачный бой и пьянство по ночам,
 Но дрогнули обветренные лица,
 В глазах угрюмых заблестели слезы,
 Когда пред ними с плачем я воскликнул,
 240 Что это тело — Трапезондский царь.
 Они его любили за веселость

И за отвагу, и за красоту,
Как я его любил за дух высокий
И за умение муку выносить.
245 И даже — расскажу ли? — я услышал,
Как кое-кто из них шептал проклятья,
Смотря на императорский дворец.
Они везде подозревают тайну.

Ю с т и н и а н

Немедленно расследовать события
250 И тех, кто это делал, задержать!
Мне жаль царя! Теперь за Трапезонд
Наверно Персия захочет спорить.

З о я

Он умер, живший для меня. И я,
Да, только я одна — его убийца.

Ю с т и н и а н

255 Дитя мое, тоска о женихе
Тебя лишает, кажется, рассудка.

З о я

Убийца! Я ведь видела, что он
Перед словами, сказанными мною,
Дрожал, как под ударами кинжалов
260 Разбойничьих несчастный пешеход.
И неужели я не понимала,
Что правда — мерзость, если милосердье
К страдающему с нею несовместно?
• О, как я оправдаюсь перед Богом,
265 Как Имру объясню мою вину?

Ф е о д о р а

Ты говоришь сама и помни, помни,
Что я твоей не выдавала тайны!

Ю с т и н и а н

Какая тайна, и причем здесь Имр?

З о я

- Отец, отец, лишь ты единый можешь
270 Меня понять, утешить и простить.
Узнай: царю я предпочла араба,
Я сделалась любовницей его.
Но как мне стать арабскою царицей,
Как наслаждаться счастьем среди фонтанов
275 И пальм в руках возлюбленных, когда
На мне пятно невинной крови?

Ю с т и н и а н

Ты,

- Наследница державной Византии,
Ты сделалась любовницей бродяги?
Позор, позор на голову мою,
280 И горе для тебя, виновной, горе!
Остановить немедленно войска,
Немедленно колесовать араба!

Е в н у х

Порфирородный, поздно! Видел я,
Как отплыла последняя галера.

Ю с т и н и а н

- 285 Тогда послать надежного гонца
К начальнику с приказом возвратиться.

Е в н у х

Иду.

Ф е о д о р а

Он не слушается.

Ю с т и н и а н

Нет?

Тогда... тогда послать ему тунику,

Как знак монаршей милости моей,
290 Туника не добрей колесованья.

З о я

Отец, а что ты сделаешь со мной
И с тем, кто жизни мне теперь дороже?

Ю с т и н и а н

Тебе я отвечаю, потому что
Последний раз я говорю с тобой.
295 Позора благородной римской крови
Раскаянье простое не омоет.
Ты примешь схиму и в своем покое
Останешься затворницей до смерти.
А он наденет брачную тунику,
300 За красоту твою поднимет чашу,
Но только чаша выпадет из рук,
Уста увлажнит не вино, а пена,
Он спросит, что с ним, и ответит сам
Себе звериным неумолчным ревом
305 И в миг последний неизбежной смерти
Твое он имя страшно проклянет!

(Евнуху)

Теперь идем!

(Феодоре)

А ты останься с той,
Кто дочерью была моей, и душу
Ее к принятию схимы приготовь!

[(Уходит с Евнухом)]

[Сцена 5-ая. Феодора и Зоя]

Ф е о д о р а

310 Теперь вы безопасны для меня,
Затворница заговорить не может

И мертвый тоже. Наступило время
 И мне сказать всю правду без утайки.
 Тебя я ненавидела всегда
 315 За руки тонкие, за взгляд печальный
 И за спокойствие, как бы усталость
 Твоих движений и речей твоих.
 Ты здесь жила, как птица из породы
 Столетия вымершей, и про тебя
 320 Рабы и те с тревогой говорили.
 Кровь римская и древняя в тебе,
 Во мне плебейская, Бог весть какая.
 Ты девушка была еще вчера,
 К которой наклонялся только ангел,
 325 Я знаю все притоны и таверны,
 Где нож играет из-за женщин, где
 Меня ласкали пьяные матросы.
 Но чище я тебя и пред тобой
 Я с ужасом стою и с отвращеньем.
 330 Вся грязь дворцов, твоих пороки предков,
 Предательство и низость Византии
 В твоем незнающем и детском теле
 Живут теперь, как смерть живет порою
 В цветке, на чумном кладбище возросшем.
 335 Ты думаешь, ты женщина, а ты
 Отравленная брачная туника,
 И каждый шаг твой — гибель,
 взгляд твой — гибель,
 И губельно твое прикосновение!
 Царь Трапезондский умер, Имр умрет,
 340 А ты жива, благоухая мраком.
 Молись! Но я боюсь твоей молитвы,
 Она покажется кощунством мне.

*(Уходит. Зоя стоит несколько мгновений, потом падает
 на колени лицом в землю)*

З А Н А В Е С

**СТИХИ 1916-1918 гг. — НЕИЗДАННЫЕ
И ВАРИАНТЫ**

ВТОРОЙ ГОД

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим в ничью,
С победой, музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных,
Но громких в летописи слав?

Иль зори будущие, ясные
Увидят мир таким, как встарь,
— Огромные гвоздики красные,
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы мирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И всё затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.

Не всё ль равно, пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля,
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии поля.

ЛЮБОВЬ ВЕСНОЙ

Перед ночью северной, короткой —
И за нею зори, словно кровь —
Подошла неслышною походкой,
Посмотрела на меня любовь.

Отравила взглядом и дыханьем,
Слаще роз дыханьем, и ушла —
В белый май с его очарованьем,
В невские слепые зеркала.

У кого я попрошу совета,
Как до легкой осени дожить,
Чтобы это огненное лето
Не могло меня испепелить!

Как теперь молиться буду Богу,
Плача, замирая и горя,
Если я забыл свою дорогу
К каменным стенам монастыря?

Если взоры девушки любимой
Слаще взора ангела высот,
Краше горнего Ерусалима
Летний сад и зелень сонных вод?

День за днем пылает надо мною,
Их терпеть не станет скоро сил.
Правда, тот, кто полюбил весною,
Больно тот и горько полюбил.

Д Е В У Ш К А

Ты говорил слова пустые,
А девушка и расцвела:
Вот чешет косы золотые,
По-праздничному весела.

Теперь ко всем церковным требам
Молиться ходит о твоём,
Ты стал ей солнцем, стал ей небом,
Ты стал ей ласковым дождем.

Глаза темнеют, чуя грозы,
Неровен вздох ее и част.
Она пока приносит розы,
А захоти, и жизнь отдаст.

УТЕШЕНИЕ

Кто лежит в могиле,
Тот заморожен,
Самых нежных лилий
Слышит запах он.

Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.

Есть закон — о, Боже! —
Если кто умрет,
Тот на царском ложе,
Не в могиле тот.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И пока не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты к раю
По моей мольбе,
Это так, я знаю,
Я клянусь тебе!

КУПАНИЕ

Зеленая вода дрожит легко,
Трава зеленая по склонам,
И молодая девушка в трико
Купальном, ласковом, зеленом;

И в черном я. Так черен только грех,
Зачатый полночью бессонной,
А может быть и зреющий орех
В соседней заросли зеленой.

Мы вместе плаваем в пруду. Дразня,
Она одна уходит в заводь,
Увы, она искуснее меня,
Я песни петь привык, не плавать!

И вот теперь, покинут и угрюм,
Барахтаясь в пруду зловонном,
Я так грущу, что черный мой костюм
Не поспевает за зеленым,

Что в тайном заговоре все вокруг,
Что солнце светит не звездам, а розам,
И только в сказках счастлив черный жук,
К зеленым сватаясь стрекозам.

РЫЦАРЬ СЧАСТЬЯ

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко,
Я каждого счастливым сделать волен.

Пусть он придет, я расскажу ему
Про девушку с зелеными глазами,
Про голубую утреннюю тьму,
Пронзенную лучами и стихами.

Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово.

А если всё-таки он не поймет,
Мою прекрасную не примет веру
И будет жаловаться в свой черед
На мировую скорбь, на боль — к барьеру!

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным Морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны,
Не нужны ли сильные руки,
Не нужно ли твердое сердце,
Горячая кровь не нужна ли
Республике иль королю?

Чтоб англичане, не немцы,
Возили всюду товары,
Чтобы эльзасские дети
Зубрили Гюго, не Гёте,
Чтоб Джиолитти понял,
Как сильно он ошибался,

Чтоб устоял Венизелос
В борьбе с господином своим.

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейна,
А главное виски!
Ну, что там такое,
Подводная лодка,
Пловучая мина?
— На это есть моряки!

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц,
Железо, сталь и свинец.

Но всё-таки песни слагают
Поэты на стольких наречьях
И западных и восточных,
Но всё-таки молят монахи,
В Мадриде и на Афоне
Как свечи горя перед Богом,
Но всё-таки женщины грезят
О нас и только о нас.

П Е С Е Н К А

Ты одна благоухаешь,
Ты одна;
Ты проходишь и сияешь,
Как луна.

Вещь, которой ты коснулась,
Вдруг свята,
В ней таинственно проснулась
Красота.

Неужель не бросит каждый
Всех забот,
За тобой со сладкой жаждой
Не пойдет?

В небо, чистое как горе,
Глаз твоих,
В пену сказочного моря
Рук твоих?

Много женщин есть на свете
И мужчин,
Но пришел к заветной мете
Я один.

В БРЕТАНИ

Здравствуй море! Ты из тех морей,
По которым плавали галеры,
В шелковых кафтанах кавалеры
Покоряли варварских царей.

Только странно, я люблю скорей
Те моря суровые без меры,
Где акулы, спруты и химеры
— Ужас чернокожих рыбарей.

Те моря... я слушаю их звоны,
Ясно вижу их покров червлёный
В душной комнате, в тиши ночной

В час, когда я — как стрела у лука,
А душа — один восторг и мука
Перед страшной женской красотой.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Мы покидали Соутгемптон,
И море было голубым,
Когда же мы пристали к Гавру,
То черным сделалось оно.

Я верю в предзнаменования,
Как верю в утренние сны.
Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда.

Т А Н К А

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца —
Зачем Колумб Америку открыл?!

ПРОПАВШИЙ ДЕНЬ

Всю ночь говорил я с ночью,
Когда ж наконец я лег,
Уж хоры гремели птичьи,
Уж был золотым восток.

Проснулся, когда был вечер,
Вставал над рекой туман,
Дул теплый томящий ветер
Из юго-восточных стран.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко мне стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня.

Куда мне теперь из дома?
Я сяду перед окном
И буду грустить и думать
О радости, певшей днем.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

С японского

Мне отраднее всего
Видеть взор твой светлый,
Мне приятнее всего
Говорить с тобою.

И однако мы должны
Кончить наши встречи,
Чтоб не ведали о них
Глупые соседи.

Не о доброй славе я
О своей забочусь,
А без доброй славы ты
Милой не захочешь.



Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой белою,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.

Часто больно мне и трудно мне,
Только даже боль моя какая-то,
Не ездок на огненном коне,
А томленье и пустая маята.

Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу — «пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему
И больнее было Богородице».

Д В А А Д А М А

Мне странно сочетанье слов «я сам»,
Есть внешний, есть и внутренний Адам.

Стихи слагая о любви нездешней,
За женщиной ухаживает внешний.

А внутренний как враг следит за ним,
Унылой злобою всегда томим.

И если внешний хитрыми речами,
Улыбкой нежной, синими очами

Сумеет женщину приворожить,
То внутренний кричит: «тому не быть!»

«Не знаешь разве ты, как небо сине,
«Как веселы широкие пустыни,

«И что другая, дивно полюбя,
«На ангельских тропинках ждет тебя?»

Но если внешнего напрасны речи,
И женщина с ним избегает встречи,

Не хочет ни стихов его ни глаз —
В безумьи внутренний: «ведь в первый раз

«Мы повстречали ту, что нас обоих
«В небесных упокоила б покоех.

«Ах ты, ворона!» Так среди равнин
Бредут, бранясь, Пьеро и Арлекин.

АНГЕЛ БОЛИ

Праведны пути твои, царица,
По которым ты ведешь меня,
Только сердце бьется, словно птица,
Страшно мне от синего огня.

С той поры, как я еще ребенком,
Стоя в церкви, сладко трепетал
Перед профилем девичьим, тонким,
Пел псалмы, молился и мечтал,

И до сей поры, когда во храме
Всемогущей памяти моей
Светят освященными свечами
Столько губ манящих и очей,

Не знавал я ни такого гнета,
Ни такого сладкого огня,
Словно обо мне ты знаешь что-то,
Что навек сокрыто от меня.

Ты пришла ко мне, как ангел боли,
В блеске необорной красоты,
Ты дала неволю слаще воли,
Смертной скорбью истомила... ты

Рассказала о своей печали,
Подарила белую сирень,
И зато стихи мои звучали,
Пели о тебе и ночь и день.

Пусть же сердце бьется, словно птица
Пусть уж смерть ко мне нисходит... Ах,
Сохрани меня, моя царица,
В ослепительных таких цепях.

**
*

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Когда тревога и тоска
Зачем-то в сердце закрадется,
Я посмотрю на облака,
И сердце сразу засмеется.

И если мне порою сон
О милой родине приснится,
Я так безмерно удивлен,
Что сердце начинает биться.

Ведь это было так давно
И где-то там, за небесами...
Куда мне плыть, не все ль равно,
И под какими парусами!

[ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУТЕШЕСТВИЕ]

Уедем! Разве вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Послушать странные баллады,
Рассказы абиссинских роз:

О древних колдовских царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Живущих между облаков.

Мы дом построим там из ели,
Мы камнем выложим углы
И красным деревом панели,
А палисандровым — полы.

Найдем мы старого араба,
Читающего нараспев
Песнь про Рустема и Зораба
И про любовь царей и дев.

В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я буду лес,
Смолою пахнущие кедры,
Платан, растущий до небес.

А вы, вы будете с цветами,
И я вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что, кажется, поет свирель.

И птицу райскую, что краше
И огненных зарниц и роз,
Порхать над золотистой вашей
Чудесной шапкою волос.

Когда же жизни колесница,
Скользя по роковой меже,
От нас беспечных отдалится,
Мы скажем смерти — «Как, уже?»

И не тоскуя, не мечтая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

ГОНЧАРОВА И ЛАРИОНОВ

П а н т у м

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье —
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии —
Не обновленная ль стихия?

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?

Не обновленная ль стихия —
Снопы лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды —
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньятюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньятюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых
Восток и нежный, и блестящий.

Париж.

[ДВА ОТРЫВКА ИЗ ПОЭМЫ
«ДВА СНА»]

I

А в легком утреннем тумане
Над скалами береговыми
Еще переливалось имя,
Звенело имя Муаяни.

II

Весь двор, усыпанный песком
Просеянным и разноцветным,
Сиял — и бледносиний дом
Ему сиял лучом ответным.

В тени его больших стропил
С чудовищами вырезными
Огромный кактус шевелил
Листами жирными своими.

А за стеной из тростника,
Работы тщательной и тонкой,

Шумела Желтая река,
И пели лодочники звонко.

Ю-Це ступила на песок,
Обвороженная сияньем,
В лицо ей веял ветерок
Неведомым благоуханьем.

Как будто первый раз на свет
Она взглянула, веял ветер,
Хотя уж целых восемь лет
Она жила на этом свете.

И благородное дитя
Ступало робко, как во храме,
Совсем тихонько шелестя
Своими красными шелками.

Когда, как будто принесен
Рекой, раздался смутный рокот,
Старинный бронзовый дракон
Ворчал на бронзовых воротах.

— Я пять столетий здесь стою,
А простою еще и десять:
Задачу трудную мою
Как следует мне надо взвесить.

ВЕСЕЛЫЕ БРАТЯ

П о в е с т ь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Восточной России вообще, а в Пермской губернии в частности бывают летние ночи, когда полная луна заставляет совсем особенно пахнуть горькие травы, когда не то лягушки, не то ночные птицы кричат слишком настойчиво и тревожно, а тени от деревьев шевелятся как умирающие великаны. Если же вдобавок шумит вода, сбегая по мельничному колесу и за окном слышен внятный шопот двух возлюбленных, то уснуть уж никак невозможно. Так по крайней мере решил Николай Петрович Мезенцов, приехавший в этот глухой угол собирать народные сказки и песни, а еще больше гонимый вечной тоской бродяжничества, столь свойственной русским интеллигентам.

Он проснулся, застонав от отвращения, когда большой рыжий таракан, противно шелестя, пробежал по его лицу, и уже не мог заснуть, охваченный ночной тревогой. В шептавшихся под окном он узнал по голосу Машу, хозяйскую дочку, и Ваню, ее суженого, работавшего как приемный сын у ее отца. Покровительствуя их любви, не одну ленту подарил Мезенцов Маше и не одну книжку Ване и поэтому нашел, что он вправе послушать в час бессонницы их беседу. Да и какие тайны могла бы иметь эта милая пара, он — запевала старообрядческим¹..., розовый и кудрявый,

¹ Здесь в беловом автографе Гумилева почему-то пропущено одно слово. В первоначальном черновом варианте было: «сочинитель старообрядческих гимнов». — Г. С.

как венециановский мальчик, она — спокойная и послушная, с вечно сияющими, как в праздник, глазами.

Одна только тень нависла над их любовью — в образе Мити, ловкого парня с красным насмешливым ртом и черными, жесткими как у грека или цыгана, волосами. Взялся он неизвестно откуда, попросился переночевать, целый вечер шушукался с Ваней, а потом и застрял. И стал Ваня после этой беседы сам не свой. Щеки его еще порозовели, глаза заблестели, а работать стал ленивее и с Машей ласкаться как будто оставил, с завалинки первый уходить начал. Спросили прищельца, какой он волости да есть ли у него паспорт, а тот ответил, что человек он прохожий, а паспорт его — нож за голенищем. Урядник приезжал, он напоил урядника.

«Не человек, а одно огорченье» — говорил старый мельник, хозяин Мезенцова, и Мезенцов соглашался с ним, потому что Митя решительно не хотел обратить на него внимания, а на его подходы отвечал часто обидным, но всегда остроумным зубоскальством. Но Мезенцов еще слишком мало знал Россию, чтобы придавать значение этому прищельцу. Однако первые же слова под окном заставили его прислушаться.

— Уходишь? — звучал тоскливо Машин голос, — Совсем уходишь? И не скажешь, куда?

— Вот чудачка! Да как же я тебе скажу, если это тайна?

— Знаю, Митька тебя сбил.

— Что же что Митька, он не хуже людей.

— Разбойник он, вот что!

— Кабы все такие разбойники были, не ходил бы дьявол по всей земле, как нынче ходит.

— Так что, он с дьяволом что ли борется?

— Слушай, ты меня не пытай. Так и быть, что могу, сам скажу. Большое дело затеялось, настоящее.

По деревням Бога забыли, а по городам есть такие, что и совсем в Него не верят и других сбивают! Это я доподлинно знаю. Книжки пишут, что земля не в шесть дней сотворена и что Адама с Евой вовсе не было. Прежде, когда добрых людей больше было, так таких на кострах жгли да в темницах гноили, а теперь к ним не подступишься, ученые всё, в генеральских чинах. И решили тогда добрые люди хитростью действовать да злых с толку сбивать. Сатана ведь, хоть лукавый, а ума настоящего в нем нет, на каждый обман поддается. И как запутают его приверженцев, так и скажут — смотрите все, кого слушаетесь; ничего то они не знают, как сосунцы. И посрамят Сатану, но уже навсегда.

— А ты-то с ними что будешь делать?

— И мне дело найдется. Песни вот я сочиняю, так эти песни Веселым Братьям пригодятся, Митя сказывал. Потом я в отеческих писаниях толк знаю, это тоже им нужно.

— Недоброе дело всё это.

— Поздно уж там разбирать. Я порешил. Хочешь лучше, песенку тебе скажу, что сегодня о полудне составил?

— Хорошо! Только тише, барин тут спит, — понизила голос Маша, и Мезенцов почувствовал легкий укол совести.

Ваня начал звучным шопотом и (*нрзб.*), словно читая псалом.

— Ангел ты мой, — и по звуку голоса можно было догадаться, что Маша прижимается к своему возлюбленному. — Иди, куда хочешь, всё, что ты ни задумаешь делать, всё хорошо будет, а я тебя стану ждать, как царевна в сказках. И дождусь, непременно дождусь, потому что с такой любовью как не дожждаться.

— Нет, не жди меня, Маша, не вернись я к тебе, — прозвучал тихий ответ. — Да и на что я тебе, ты всё равно с Митей гуляла.

— Что ты говоришь?

— Ну да, онамедни он сам мне сказывал, как с собой идти подбивал.

— Нет, нет, неправда это, — задыхалась Маша. — Сон мне приснился один, только неправда это, нет.

— Соврал разве, — раздумчиво произнес Ваня. — Так мне остаться, может?

— Слушай, я тебе правду скажу, я ни в чем неповинна. Долго ходил он около меня, улещивал, глазами яркими своими поглядывал. Но я пряталась от него, и никогда мне и в мысль не приходило недоброе. Только онамедни шью я у окошка, солнце уже за лесочком, никого нет. И только мне вдруг так стало, как [будто?] увидела я, что другая Маша, совсем как я, идет по опушке в березняк. И та меня видит, как я у окошка сижу, и обе мы не знаем, какая же из нас настоящая. А из березняка Митя выглядывает и смеется: иди ко мне, красавица, всё равно настоящая-то у окошка сидит. Как услышала я это, так и подошла. И ничего мне не страшно и не стыдно, потому что знаю, что я одна за работой, вижу, как игла движется. А той, что у окна сидит, слышно как в березняке целуются, какие слова там говорятся. Сколько времени прошло так, не знаю. Проснулась, как лучину надо было зажигать, отец вернулся.

— А много ты наработала? — с надеждой спросил Ваня.

В ответ послышался тихий плач.

— Ну вот, видишь, соврал Митька, да не мне, а тебе, как сказал, что ты у окна настоящая: тень там была твоя только. Как же тут к тебе возвратиться?

— Где уж, молчи, я с таким стыдом жива не останусь.

— Останешься! Кабы плакать не начала, может и свершила бы что, а слезы горе растворяют. Ну, прощай однако, светает, Митька, поди, дожидается. Да

ты не думай, я на тебя не сержусь, я никогда не сержусь.

За окном послышалось движение, и Мезенцов скрылся в глубину комнаты. Он был взволнован услышанным объяснением и чувствовал, что ему надо что-то предпринять, чтобы устроить судьбу возлюбленных. Не может быть, чтобы он, человек с высшим образованием, занимавшийся психоанализом и прочитавший столько новых романов, не нашел средства разрешить благополучно эту деревенскую драму. Он лег, потому что по привычке многих горожан он лучше всего думал лежа. Надо уговорить Ваню, чтобы он не придавал большого значения невольной измене своей невесты, потому что душою она осталась такой же чистой, как и прежде. Или Машу, чтобы она нашла в себе силы сохранить присутствие духа, притворилась бы равнодушной и умелой игрой вернула бы отказавшегося жениха. Или Митю, чтобы он перестал скалить свои белые зубы, как бульдог на одной английской гравюре, и спрятал бы трехаршинный нож, который лезет из-за его голенища словно ствол какого-то нелепого дерева...

Когда Мезенцов проснулся, был уже полный день. В его дверь стучали.

— Вставай, барин, — звучал голос его хозяина. — Машу сейчас только вытащили холодную, может, ты поможешь.

Мезенцов наскоро набросил на себя платье и выбежал. На лужайке перед мельницей, окруженная толпой сердобольных соседей, лежала Маша. Ее мокрая сдешда прилипла к телу, как трико, руки были подвернуты под щеку, и она напоминала, скорее чем женщину, спящего отрока. Мезенцов наклонился над нею, думая пустить в ход все те средства, о которых он смутно слышал — растиранья, искусственное дыхание, но вдруг в ужасе отшатнулся. На полуоткры-

том глазу Маши ползла красная божия коровка, как готовая скатиться кровавая слеза. И эта подробность сразу убедила его, что делать больше нечего. Он встал и невольно перекрестился. Бабы точно ждали этого и враз заголосили.

— Ваня знает? — спросил Мезенцов у растерянно суетившегося мельника.

— Нет, сердечный, нигде найти его не можем.

— А Митя?

— Какой это? Ах да. Тоже запропастился куда-то.

Мезенцов невольно застонал. Он понял, что всё произошло оттого, что он так позорно заснул и дал уйти мужчинам, оставив девушку одну в час ее смертельной муки. Но по свойственной человеку слабости оправдывать себя, обвиняя другого, он вдруг почувствовал безумную ненависть к Мите, соблазнившему невесту и увлекшему на сомнительный путь жениха и идущему теперь своей танцующей походкой среди мирных зеленых полей на поиски новых преступлений. Неожиданная жажда действия овладела им. Догнать, во что бы то ни стало догнать этого красноречивого негодяя и перед Ваней, которым он очевидно дорожит, громко обвинить его в машинной смерти. Только так он смоет с себя пятно невольного соучастия.

Из деревни шли всего две дороги. Одна в далекий губернский город, по ней и пришел Митя; другая в необозримые пространства полей и рощ, за которыми в особенно ясные дни, как легкое облачко, синел Уральский хребет. Сомнения не было, надо было идти по второй. Митя не походил на человека, которому можно было возвращаться туда, где он раз побывал.

Через полчаса, с небольшим свертком в руках (зубная щетка, сотня папирос и томик Ницше), Мезенцов вышел из деревни гимнастическим шагом, который по теории не должен был утомлять. Однако уже

после трех верст² [он остановился и, окликнув возницу проезжавшей телеги, попросил подвести его. Три часа спустя он сошел на перекрестке и продолжал путь пешком, спрашивая у редких прохожих, не видали ли они двух парней, одного розовощекого и пригожего, другого смуглого и злого.

Уже стемнело, и Мезенцов подумывал о ночлеге, когда в ответ на его обычный вопрос сидевший у обочины дороги человек воскликнул: «Злого? Меня, может?» Это был Митя.

— Где Ваня? — спросил Мезенцов резко, не здороваясь со своим врагом.

— Это не ваше дело, — усмехнулся тот. — На что он вам?

— Я пришел сказать ему, что Маша умерла и что ты ее убийца. — Голос Мезенцова звучал угрожающе, и угроза возымела свое действие.

— Тсс! Тсс! — прошептал Митя, поспешно вставая и подходя к Мезенцову. — Не кричите так громко! Значит, она покончила с собой. Повесилась?

— В реку бросилась.

— Это всё равно. Вы ни за что не должны говорить Ване. Я знаю его. Он уйдет в монахи и просидит там всю жизнь, осел добродетельный.

— И правильно сделает, — сказал Мезенцов. — Он столько же виноват, как и ты, в смерти этой девушки.

— Я возьму на себя его долю греха. Мне не страшен ад.

² Следующих за этим местом страниц до конца первой главы нет почему-то в рукописи. Часть текста, заключенная нами в квадратные скобки, переведена с английского перевода. Последний, однако, сделан весьма вольно, и потому о восстановлении, более или менее точном, гумилевского текста, нельзя было и думать. Русский текст дается здесь лишь для того, чтобы не нарушать связности повествования. — Г. С.

— Но Ваня должен знать, — настаивал Мезенцов сердито, — хотя бы для того, чтобы сказать тебе что он о тебе думает.

— Как бы не так, — закричал Митя, и нож блеснул у него в руке. — Убирайтесь сейчас же по добру по здорову, а не то...

— Как, вы здесь, барин? — раздался ванин тихий голос. — Приятно путешествовать, неправда ли? Погода такая чудесная. Митя присел покурить, а я собирал землянику, смотрите, какая она крупная и сладкая. Хотите отведать?

— Послушайте, Ваня... — начал Мезенцов. — Мне надо сказать вам что-то очень серьезное...

— Эй, Ваня, — перебил его Митя, — ты знаешь, барин-то решил идти с нами, повидать всё интересное; познакомиться с нашими братьями и побывать в нашем чудном городе в горах? Но прежде мы должны поставить ему некоторые условия. Оставь нас на минутку, ты нам мешаешь. Погуляй еще маленько.

— Ладно, — отозвался ничего не подозревавший Ваня. — Но поторопитесь, время ужинать.

И он отошел в сторону, поедая землянику.

— Послушайте, барин, — начал Митя вкрадчивым голосом, — я вас не трону. Я не такой дурной, как вы думаете. Но не говорите Ване пока про Машу. Можете сказать ему завтра... позже... а тем временем я обещаю показать вам что-то, о чем вы, горожане, и не подозреваете. Мужики только с виду простые. Попробуйте увидеть их такими, какие они есть, и во всю жизнь уж не забудете. Вы увидите также город, которого нет на карте и который поважнее будет для мира, чем Москва. И хотя вы и недолюбливаете меня, я буду вам добрым другом.

Мезенцов слишком устал душевно, чтобы настаивать дальше. К тому же ему припомнился митин нож, который ему вовсе не хотелось увидеть снова. Да и

этнографическое любопытство его было задето: как же было ему упустить возможность небывалого приключения, которое может навсегда создать ему славу в четвертом отделении Академии Наук в Петрограде!

— Ладно, — сказал он резко, — я не буду говорить сегодня. Только не забывайте, Митя... — Он замолчал, не зная как ему выразить свою угрозу.

Митя, казалось, был удовлетворен.

— Тогда давайте ужинать, — крикнул он. — У нас есть хлеб и лук. Что еще нужно человеку?]

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мезенцов, Митя и Ваня, идя по обочине большой дороги, приближались к селу Огрызкову. За последние дни Митя стал что-то очень любезен с Мезенцовым. Брал у него папиросы, на ночлегах учил как устраиваться, чтобы было теплее, и раз доверчиво положил ему голову на колени, прежде взглядом спросив, можно ли. И Мезенцов с досадой сознавал, что чувствует себя польщенным.

Был душный, слишком красный вечер, порывы несвежего ветра завивали столбики пыли — в народе есть преданье, что, если разрезать такой столбик косой или серпом, на лезвие останется капля крови.

Ваня срывал травинки и старательно разгрызал их в суставах, а в промежутках мурлыкал «Величит душа моя Господа». Митя озирался и козырьком прикладывал руку над глазами, хотя солнце было уже низко.

— Небо-то, небо какое! — вдруг выкрикнул он и потер ладони.

— А какое? — нехотя спросил уставший Мезенцов.

— Да насквозь промоленное, пожарами попаленное. Драконами всё излетенное вдоль и поперек. Любили драконы в старину на Русь прилетать за девушками. Народец-то тогда был не ахти какой, только слава, что богатыри, а вот девушки, так те действительно. Теперь таких уж не бывает. Да и драконы были орлы: красная краска даже синим отливала, хвост

лошадиный, а клюв стрижа. И такой им закон был положен: унесет девушку, а Каспий и услаждается яблочными китайскими грудями ее сахарными. А умрет девушка, и он должен в тот же час умереть. Вот ты и рассуди: девушек много, драконов мало. Так и повывелись.

— Пустяки всё это, — сказал Ваня.

— Пустяки-то пустяки, да болтали старики, а это тебе не Ваня *[два слова нрзб.]* — ученый на манер Аристотеля, — огрызнулся Митя и тотчас радостно закричал: — А вот и Миша, выполз голубь, знать, придумывает что-то.

Навстречу путникам на окраине уже ясно видного села ковыляла какая-то фигура, похожая на медведя. «Калека», с удивлением подумал Мезенцов. Однако, когда они подошли ближе, он не заметил в ней никакого убожества. Миша волочил за собой то ту, то другую ногу, а иногда шел совсем плавно и ровно. Руки его то отвешивались, то подбирались. Веки его, казалось, прикрывали ужасные бельма, и странно было видеть вдруг открывающиеся хорошие серые глаза. Он шел как-то боком и, не дойдя несколько шагов, остановился, застыдившись.

— Здравствуй, ясный, — сказал Митя, целуя его.
— Ну, каковы дела?

— Дела ничего, что дела, — бормотал Миша, потирая щеку, которой коснулись митины губы, и, наконец осмелев, поклонился Мезенцову и Ване.

— Простите меня.

— Что ты, что ты, милый? — заторопился Митя.
— Это свои.

И он продолжал, обратившись к товарищам:

— Он боится, что вы осудите его, зачем ноги не так, зачем руки не так, а что судить-то, еще неизвестно, сами мы лучше ли. Ну, пойдем, голубь, веди нас к себе.

И он обнял мишину шею с одной из самых своих очаровательных повадок.

Изба, в которую они вошли, была большая и светлая, потому что два окна ее выходили на запад. На окнах ситцевые занавески, приятные по окраске и затейливые по рисунку. Несколько покрашенных кинварью и суриком лубков — Взятие Плевны, Страшный Суд и Бова-королевич — озаряли тесовые стены. Но сразу бросалось в глаза нечто неестественное, как павлиний хвост у быка, как собака на верхушке дерева. Это были высокие липовые [?] нары в углу, сплошь заставленные ретортами, колбами, змеевиками, банками с притертой пробкой. Горела спиртовка, такая, на каких [нрзб.] подогревают кофе, а над ней в стеклянном стаканчике клокотала какая-то бурая дрянь. Недоеденная селедка лежала посреди кристаллов купороса. «Так вот во что превратились алхимики», со злорадной усмешкой подумал Мезенцов. «Ясно, этот Миша ищет философский камень». Митя с почтением приблизился к нарам.

— Кипит? — спросил он, потрогав пальцем спиртовку. — И не лопнет?

— Зачем лопнет? Не лопнет, — ворчал Миша.

— А когда будет готово?

— Да года через два.

— И который это раз?

— Третий.

— Значит, всего шесть лет.

— Чего шесть, и шестнадцать проработаем. Задача-то какая!

— Ну, ну, авось ничего! А как выйдет! Ведь всю машину с места сдвинем. Ну, ты работай, мы не мешаем. Вот переночуем только и утром айда. А где у вас тут по вечерам девицы собираются? — неожиданно закончил Митя.

— Какие девицы? Чего им собираться? Работать надо да спать. Вот! На мосту знамо, а то где еще.

— В конце улицы мост-то?

— Во, во.

— Ну, идем что ли, ребята, на часок, чтоб братану не мешать. Целый день шел, плясать захотелось.

Мезенцову очень хотелось остаться, чтобы на свободе поговорить с сермяжным алхимиком, но он чувствовал, что Митя этого не допустит, и решил пойти и после незаметно вернуться.

На мосту уже заливалась гармоника, похожая на голос охрипшего крикуна, и голоса в свою очередь очень напоминали гармонику. Посреди круга девиц парень в прилипшей к телу потной рубашке танцевал вприсядку. Он по-рачьи выпячивал глаза и поводил усами, как человек, исполняющий трудное и ответственное дело. Зрители грызли семечки, и порою шелуха падала на танцора и прилипала к его спине и волосам. Он этого не замечал. Митя, подмигивая мужикам и щекоча девок, в одно мгновение, как он один умел это, протолкался сквозь толпу, толкнул плясавшего так, что тот покатился в толпу, и, пронзительно взвизгнув, пустился в пляс. Девушки захохотали, потом замолчали очарованные. А опрокинутый только что парень уже подходил, вызываясь засунув руки в карманы и поглядывая недобрый взглядом. Видно было, что он решил драться. Митя последний раз подпрыгнул, щелкнул каблуком и остановился как раз, чтобы встретить врага. Быстро взглянул он на рачьи глаза и оттопыренные усы и [и^{рзб}.], сразу оценив положение.

— Покурим, что ли, — сказал он, деловито открывая коробку папирос. Парень остановился, озадаченный.

— Спичек вот нет, — продолжал Митя, — да ладно, достанем.

— У меня есть спички, — начал Мезенцов, догадавшийся об его тактике.

— Давай! А ты папиросу-то поглубже в зубы возьми, это тебе не козья ножка! Повернись по ветру, вот тебе и огонь.

— Да ты постой, — бормотал сбитый с толку парень.

— Чего стоять! Я плясать хочу. А папироса хорошая, ты не думай. Бiju первый сорт.

— Простите меня, — услышал за своей спиной Мезенцов и, обернувшись, увидел Мишу. Теперь он напоминал какого-то только что поработанного лесного зверя: согнувшийся, нелепый и с клочками волос на совсем молодом лице. Митя плясал вдохновенно, закрыв глаза, как поющий соловей. Ваня с блаженной улыбкой ловил каждое его движение. С этой стороны опасности не было.

Огородами, обжигаясь в крапиве и пачкаясь в навозе, Миша провел к себе гостя, запер дверь на засов и стыдливо встал в сторонке. По его повадке Мезенцов понял, что перед ним нерешительность, может быть даже измена, и решил идти напролом.

— Что это вы тут делаете? — спросил он, кивнув на лабораторию.

Миша молчал.

— Что это вы делаете? Философский камень?

— Чего-с?

— Философский камень. Золото делать из железа.

Миша задрожал.

— Спаси Бог. Разве я на такое пойду? Да я уже давно в Сибири гнил бы, если что. Разве мыслимо. — И он остановился от возмущения.

Мезенцов понял, что ошибся.

— Слушайте, Миша, я вам не враг, будьте со мной откровенны. С Митей я только так, знаком и дел его

не касаюсь, да по правде сказать, не нравятся мне эти дела.

— Бесу они нравятся, вот кому, — простонал Миша.

— Ну вот, видите, я знаю, что вам задали работу, но какую, не знаю. А может быть, я бы вам помог.

Миша в затруднении задергал бровями, губами, носом, даже ушами, как показалось Мезенцову.

— Будьте милостивы, — по-бабьи заскулил он, — не оставьте. Я ведь вижу, что вы из господского звания, не то что какой мужик или крестьянин. Эх, кабы мне образования, городского там или университет, я бы себя показал. Потому к счету я сызмальства охоту имею. Еще ходить не научился, а считать начал. К примеру, в деревне нашей было семьдесят три души, так я и любопытствовал, сколько же народу в 73 деревнях. И находил, ей Богу. Порола меня мать, а всё отучить не могла. Дальше, как книжки читать стал, и того больше. Сколько народу на земле должно быть, сосчитал, сколько его было во времена Господа нашего Иисуса Христа. Тогда уж я в церковно-приходскую начал ходить, да не доходил. К другим наукам пристрастия не имел, и мамке одной было трудно. Женить уж меня думала, когда это началось. Зашел к нам переночевать некий как бы странник, только не странный он был, а шантрапа, подивовался моему счету и на утро увез меня — куда сам не знаю. И откуда деньги взялись у мошенника, на паре в тарантасе. Я сроду так не ездal. Ехали мы ехали, и на чугунке и водой и вот приехали в село между гор, богатое село, избы новешенькие, бабы румяные, дородные. Повели меня к их старшине, старичок такой там есть, худенький да белый. Как увидел я его, так и обомлел. Потому каждый человек когда печалится, когда разгневается. А этот, сразу видно, не печаловался и не гневался за всю евоную жизнь. Смотрю, как это он весело и как

это он ласково, и мурашки по спине так и бегают. И чего боюсь, сам не знаю. Послушал это он мой счет, головкой закачал, доволен, значит, и говорит: «Ты будешь у нас наибольшим, как разрешишь мою задачу, и будешь жить в тереме самом богатом, и жену возьмешь себе по нраву. А отдохнешь другую задачу дадим, и тогда уж навсегда к нам, на покой». Только это он зря. Не желаю я жить у него, потому я серьезный и снести не могу, когда даром зубы скалят. А те три недели, что я у них прожил, все там ржали да пляс плясали словно в маскарад сатанинский. Там я и с Митькой впервой увидался. Дела своего ему не дадено, к ученью он не приспособлен, а так, значит, должен по матушке Рассее ходить, за тем, кто к какому делу приставлен, приглядывать, да новых улещать. Берегитесь его, барин милый, баловной он, и нож у него что бритва.

— Какую же вам дали задачу? — сгорая от нетерпения, спросил Мезенцов.

Миша сокрушенно вздохнул.

— К химии меня приставили, в химии счет нужен. Про господина Лавуазье изволили слышать? Ученый такой, из французов. Так вот, он доказал и основательно, что из естества ничего не пропадает, ни единая, значит, пылиночка. Спичку сожжешь, так она дымком да пеплом становится, и если собрать этот дымок и пепел да сложить умеючи, то вся спичка как прежде будет без всякого изъяна. Хитро, не правда ли? Я вот тут проверял, выходит в точку. А они говорят: ты счет знаешь, докажи, что не так. Потому, говорят, если естество пропадает, то его как бы и нет, а это значит, что Бог есть. Окаянные, говорю я, да разве Бога химией докажешь? Сердцем его чувствовать надо. Это ты так, говорят, рассуждаешь, а другие иначе. А нам и о других подумать надо, чтобы Бога помнили. Разве с ними сговоришь?

— А другая задача? — спросил Мезенцов.

— Еще того мудренее. Земля вокруг солнца вертится, а ты, говорят, счет знаешь, докажи, что наоборот. Коперник и Галилей, говорят, нам не указка, они в Бога не верили. И что я за Ирод такой им дался. Хорошие господа, ученые, может министры какие или князья, трудились, придумывали, а я, темный мужик, им яму должен рыть. Как я в глаза их светлые погляжу, ежели обнаружу что? Да я со стыда сгорю, как они скажут: Ну, Михайло, спасибо тебе, удружил. А не работать нельзя. Заколют. Вот так и был шестой год.

— Ну и что же, нашел что-нибудь?

Миша помолчал, глядя в угол.

— Это как сказать, — нехотя промолвил он. — Найти-то можно. Да только я не стараюсь. Как начинает выходить, я либо скляночку опрокину, либо бумагу с цифрами в огонь уроню. Как будто и нечаянно, а дела, глядишь, нет. Тоже не без изъяна. Одно только утешительно, что мучители мои не торопятся. Работай, Миша, хоть тридцать лет, а добейся своего. А мне цыганка нагадала, что умру до седого волоса.

В дверь постучали, но, когда оробевший Миша отодвинул засов, вошел один Ваня.

— Так и есть, вместе, — покровительственно произнес он. — Мне и то Митя наш сказывал, чтобы я не допустил вас до разговору. Да что я ему, шпион-соглядатай, что ли? Пусть сам смотрит, коли хочет, а то возится там с девками, как жеребец. Ты всё-таки выйди, Николай Петрович, чтобы он не помыслил о чем. Ведь бедовый!

Мезенцов сознал справедливость предостережения и вышел. Закат уже отгорел, и только одна густо багровая полоса висела над беловатым морем тумана. Мезенцову вспомнилась Стрелка [?], и вдруг безумно захотелось сесть в автомобиль и крикнуть шоферу:

«На Спасскую!» Чего ему еще бродить: всё равно удивительнее мужика, щадящего господина Лавуазье и всю европейскую науку, он не встретит. Но вот он услышал голос Мити, и острая неприязнь к этому человеку придала ему силы. Нет, он проберется за ним в его осиное гнездо и там громко расскажет о машиной смерти. Интересно, как отнесется к этому веселый белый старичок?

Митя остановился за углом. Он был не один. Свежий девичий голос звучал умоляюще:

— Князь мой яхонтовый, останься еще хоть на денек, как я буду без тебя?

— Да так и будешь, как была.

— Да зачем же тогда ты плясал так, слова такие говорил?

— Пляс — дело молодое, а слова, что птицы — вылетят, и нет их...

— Слушай, я еще ни с кем не гуляла... первый раз... Хочешь верь, хочешь нет. Пойдем сейчас на гумно, мать не хватится.

— Мне что придти. И этого нам не надобно. Есть у меня на чужой сторонке зазнобушка, да и не одна. Ищи, ворона, себе ворона и оставь меня, ясна сокола. Чего ты расхныкалась? Разве мало парней на свете? Ну, иди, иди, тут мои товарищи.

Мезенцов кашлянул, и Митя показался из-за угла. Лицо его еще сияло оживлением пляски, и только изогнутые брови сдвинулись, образовав маленькую гневную морщинку, которая очень его красила. Увидев Мезенцова, он широко улыбнулся.

— А Николай Петрович, что же ты с Мишей не пошушукался?

Мезенцов не ответил, и они вместе вошли в дом.

Спать ложились прямо на полу, подложив под

голову попону, армяк и еще какое-то тряпье. Миша оказался, как и подобает ученому, очень нераспорядительный хозяин. В одном углу горела лампадка, в другом спиртовка. Ваня уже начал дышать глубоко и ровно, когда Митя вдруг привстал и прислушался.

— Миша, а Миша, — зашептал он, — а урядник тебя не преследует?

— Не! Зачем так? Он сам химией занимается.

— Сам?

— Ну да. Настоит спирт на грибах или на березовых листьях и пьет. Это, говорит, грибовка или березовка. Я, говорит, химик первеющий и скоро получу награду от министерской академии. Хороший человек.

— Ну, с Богом, спи.

На утро, когда путники уже были готовы, Миша застенчиво протянул Мезенцову книгу в старом кожаном переплете.

— Вот мне книжку дали химии научиться, только в ней многого нет, до чего я сам дошел.

Мезенцов посмотрел: на титульном листе стояло — —³

— И у вас не было никакой другой? — невольно воскликнул Мезенцов.

— Нет! Обещали прислать да всё не присылают.

— Ну, идем, идем! — вмешался Митя.

— А книжка ничего, она хорошая, старая, старее то лучше.

— Прощай, Миша, работай, голубь!

В Мамаево пришли поздно ночью. Этот тяжелый, словно налившийся нездоровым светом день совсем обессилил Мезенцова. С полдороги у него разболелась

³ Здесь в рукописи Гумилева пропуск — очевидно для названия, долженствовавшего быть вставленным позднее. — Г. С.

голова, одеревенели ноги, и сам он как-то опьянел от проглоченной пыли и горького запаха сохнувших трав. Митя тоже что-то присмирел и больше не привязывался и не ласкался. Только Ваня был попрежнему розов и ясен, как венециановский юноша. Казалось, ни солнце его не обжигает, ни пыль на него не садится.

Светила полная луна, но село было тихо, точно вымерло. Ни одного огонька в окнах, ни одного запоздалого прохожего. Даже собаки не лаяли почему-то. Только на крыльце одной избы тихонько плакал шелудивый ребенок, словно не решаясь войти в дверь. Он заплакал сильнее, когда Митя спросил, где его мамка. Однако, пройдя половину улицы, путники услышали странный шум, доносившийся с противоположного конца села. Казалось, работала какая-то паровая машина, мельница или молотилка, работала с перебоями, визгом, ревом. Мало-по-малу уже можно было различить топот ног и пронзительное бабье пенье. Навстречу пробежал мужичонко в рваном армяке. Шапку он держал в руках, и на лице его было написано отчаянье, смешанное с безграничным восторгом. «Гуляет... не дай Бог как гуляет», — пробормотал он и скрылся. Наконец в поле за деревней Мезенцов увидел огромный молотильный сарай, из которого и доносился весь шум. Перед дверью были в беспорядке навалены очевидно поспешно выкинутые земледельческие орудия и несколько снопов, а в щели лился яркий свет. Этот свет почти ослепил путников, когда они вошли. Внутри было по крайней мере человек триста. Мужики с раскрасневшимися от вина и духоты лицами жались по углам, принарядившиеся парни собирались кучками, а перед ними пели осипшими уже голосами бабы и девки в огненно ярких кумачных платках. Пением управлял низенький, лысый человек с лицом подрядчика и в поддевке из тонкого сукна.

А посередине комнаты, совершенно один перед накрытым столом, сидел мужчина лет тридцати пяти, бывший центром общего внимания. Мезенцову сразу бросились в глаза его бледное, слегка опухшее, мускулистое лицо, иссиня черные волосы и усы и самоуверенный, почти дерзкий взгляд. Позднее он разглядел черную тужурку с форменными петлицами, выдававшую в их владельце инженера путей сообщения. На столе стояла наполовину пустая бутылка шампанского и большой золотой кубок из тех, которые назначаются призами или дарятся на товарищеских проходах. — Кто это? — шопотом спросил Мезенцов у соседнего мужика, но не получил ответа, потому что все вдруг замолчали — это сидевший поднял руку и устремил взор на вошедших.

— Привет вам, гранды Испании! — загремел его голос. — Откуда и куда направляете вы стопы?

— Мы люди прохожие, — хмурясь, отвечал Митя, — видно было, что приветствие ему не понравилось.

— Прохожие, иначе проходимцы. Ну, а знаете ли вы, кто я?

— Откуда нам знать?

— Павла Александровича Шемяку не знаете? — и сидевший оглянулся вокруг, как бы ища сочувствия своему негодованию. — Инженера путей сообщения? А Сольвычегодско-Мамаевскую железную дорогу кто вам построит? Кто изыскания третьегодня закончил — птица? Нет, извините, не птичка, а я. Всё теперь у вас будет — и книги, чтобы девкам папильотки закручивать, и калоши [?], чтобы падэспань танцевать, граммофоны, вино, сардинки и сифилис. Приобщитесь к культуре, а мне уж позвольте погулять. Позволяете, да? Правда? Ну, благодарю вас!

Он вежливо поклонился и вдруг крикнул, обращаясь к подрядчику:

— Афанасий Семенович, а ну, мою любимую!

Афанасий Семенович неистово взмахнул коротенькими ручками. Бабы и девки грянули хором, невыразимое презрение слышалось в каждой их интонации:

Если барин без сапог,
Значит, барин педагог.

«И... ах!» — рявкнули мужики.

Если барин брехать рад,
Значит, барин адвокат —

продолжали женщины уже с тайным сочувствием.

«И ах!» — громче орали мужики.

Если барин всем пример,
Значит барин инженер —

тянули женщины, и благоговейный [?] восторг перед воспеваемым сделал на мгновение их осипшие голоса почти прекрасными [?]. «И... и... и...» — залились мужики, приседая от напряжения с выпученными как на хлыстовских раденьях глазами. Шемяка слушал, прищурясь и наклонив голову. — Хорошо, — с чувством сказал он и залпом опорожнил кубок, который сейчас же снова был наполнен услужливым Афанасием Семеновичем из бутылки, стоявшей под столом. Но Шемяка больше не стал пить. Он поймал движение путников, повернувшихся было к дверям, и остановил их вопросом:

— Куда это? Ты, розовый, иди сюда, выпей.

Сразу десятком услужливых рук Ваня был выпихнут на середину сарая.

— Выпей, выпей, — повторял Шемяка настойчиво, заглядывая ему в глаза.

Ваня слегка побледнел и сжал губы.

— Не хочу вашего вина, — сказал он вдруг негромко, но твердо.

— Нет? Гнушаешься? — ласково продолжал Ше-

мяка. — Ну всё равно! Видишь девок? Выбирай какую хочешь себе на ночь! Я скажу, любая пойдет.

Девки хихикнули [?], а некоторые и оробели.

— Не надо мне и девок ваших, — как бы на что-то решившись, громче ответил Ваня.

— Да ты что, обалдел? — зашептал ему Афанасий Семенович, но притих от гневного жеста Шемяки.

— Так, так! — задумчиво повторял инженер. — Чем же мне тебя подарить? Деньгами разве? — Он засунул пальцы в жилетный карман, нетерпеливо выбросил на пол несколько десятирублевых бумажек и наконец достал совсем новенькую, похрустывающую пятисотенную. — Вот, возьми. Избу новую поставишь, лошадь купишь. Не всё в грязи-то жить, с хлеба на квас перебиваться. Или — ты человек молодой — в Москву поезжай, учиться, в люди выйдешь.

Среди мужиков пронесся завистливый ропот. Девки придвинулись ближе.

— И денег ваших не хочу! — просто крикнул уже совсем бледный Ваня. — Ничего, ничего, потому что вы — диавол.

Толпа замерла.

— Что? — удивился Шемяка, как-то странно подмигнув.

Ваня в отчаянии оглянулся. Сзади стоял, слегка согнувшись, Митя и держал руку за голенищем. Это его ободрило.

— Потому что вы диавол, — повторил он медленно, словно не своим голосом. *

И только в этот миг Мезенцов заметил, отчего так светло в сарае. Во все стропила, балки, притолоки были воткнуты церковные свечи — копеечные, пятикопеечные и толстые рублевые. Нагретый воск душистыми белыми слезами капал на грязный пол и спины крестьян. Видно было, что Афанасий Семенович не

останавливался ни перед чем, чтобы угодить своему господину.

— А ведь верно! — вдруг крикнул Шемяка с приветливым лицом и ударил ладонью по столу. — Как это никто не догадался, ты один? Ей вы паршивцы, — обратился он к толпе, — дьявол я или нет?

— Точно так, батюшка Павел Александрович, дьявол, — низко кланяясь, загудели мужики.

— А вы, бабы, как думаете?

— Дьявол, батюшка, как есть дьявол!

— Ну, а Афанасий Семенович, значит, Вельзевул?

— Он самый, родимый, сразу видать.

Афанасий Семенович озираясь сконфуженно и отирал пот с лысины. Шемяка засунул руку в карман и вытащил горсть полтинников и рублей, среди которых темнели и золотые.

— Подбирай уголечки, — и он швырнул деньги в метнувшуюся толпу.

Митя воспользовался общим смятением, подхватил под руку Ваню, дернул за полу Мезенцова, и все трое оказались на воздухе. Луна уже зашла за тучу, и звезды казались особенно крупными и неподвижными.

— Переночуем в поле, — предложил Митя, — теперь тепло.

— Где мы были? — словно спросонья спросил Ваня, проведя ладонью по лицу.

— Где? — передразнил Митя. — Знать, в аду. Ты, растяпа, думал, что ад с печами да с котлом на манер бани, а он вот какой.

И Мезенцов почувствовал, что ни за что в жизни не вернулся бы он сейчас в этот сарай.

— Странники, странники, подьте сюда, — слышался за ними задыхающийся шопот, и, обернувшись, они увидели чистенькую, но странно чем-то взволнованную старушку, похожую на просфирню.

— Куда еще, тетка? — сурово спросил Митя. — Некогда нам.

— Ахти, Господи, — всплеснула руками старушка. — Человек погибает, можно сказать, а они кобелятся. Подьте, подьте.

И так убедителен был ее испуганный голос, что уже через минуту путники оказались в низенькой, душной, полной народа избе, куда еще доносились крики и топот шемакина торжества. Здесь были только старики и старухи, седые, благообразные. Вздыхая и охая, они наклонялись к широкой лавке, стоявшей у дальней стены под образами. А на лавке, страшно выпятив волосатую грудь и закатив глаза, извивался худой, чернобородый, почти нагой мужчина. Во рту его была пена, зубы скрежетали, ногти впивались в ладони, так что шла кровь. Шесть человек с трудом удерживали его в лежащем положении.

— Что это с ним? — разом спросили Митя и Мезенцов. Ваня всё еще не мог отойти после разговора с Шемякой.

— Третий день этак мается, — зашептали вокруг.

— Да из-за чего?

— Кто ж его знает, сердешного. Кто говорит, Имя Господне похулил, кто что.

— Да вы расскажите по порядку.

— Расскажи им, дядя Анисим, они в святых местах бывали, много знают, — раздался голоса.

— Третий день эдак, — начал дядя Анисим, красивый, похожий на Серафима Саровского старик. — Спервоначалу огнем его прохватывало, инда дымился весь. На вторые сутки стал как лед, холодно трогать было, тряпками обворачивали. Полчаса руку над свечой держали, закоптела вся, а как стерли сажу-то, такая как была. А теперь червь неумемный геенной точит его, боимся, как бы не отошел. Да вот, глядите сами, — воскликнул он, указывая на лежащего.

То, что увидел Мезенцов, и тогда и после казалось ему сном, так это было необычно и в то же время потрясающе реально. Толпа отхлынула от лавки, старухи — охая и причитая, старики — крестясь. Больной приподнялся и схватился обеими руками за сердце, лицо его стало зеленоватого цвета, как у мертвеца. А изо рта его, разжимая стиснутые зубы, [ползло?] что-то отвратительное стального цвета в большой палец толщиной. На конце, как две бисеринки, светились маленькие глазки. На мгновение оно заколебалось, словно осматриваясь, потом медленно изогнулось, и конец скрылся в ухе несчастного.

— Рви, рви! — взвизгнул Митя и, схватив одной рукой червя, другой уперся в висок больного. Его мускулы натянулись под тонкой рубашкой, губы сжались от натуги, но червь волнообразными движениями продолжал двигаться в его руке, как будто она была из воздуха. Больной ревел нечеловеческим ревом, зубы его хрустели, но вдруг он со страшным усилием ударил Митю прямо под ложечку. Митя отскочил, ахнув. А червь высвободил хвост, причем он оказался слегка раздвоенным, и скрылся в ухе. Как заметил Мезенцов, он был немногим больше аршина. — Видели, видели? — зашептали кругом старики. Митя с искаженным от боли и злобы лицом держался за живот.

— А вы причащать пробовали? — спросил бледный Ваня.

— Можно ли? — усумнился дядя Анисим. — Ведь его не отысповедуешь, кричит.

— А вы глухую! — предложил Ваня.

— Разве что так, — зашептали кругом. — Тетка Лукерья, ну-ка, сигани за попом.

— А вы до сих пор и попа не позвали? — с оттенком презрения над их темнотой спросил Ваня.

— Был поп-от, в первый день был! Говорит, лихоманка у него, оттого и жар. Молебн, говорит, за

здравье отслужить можно бы, да придется подождать — все свечи, какие были, Павел Александрович, инженер наш, забрали. С тем и ушел.

— А шут с ними, — озлился Митя. — Свечи отдавали, червя в человека впустили, а мы расхлебывай. Айда, ребята, в поле спать, а то и рассвет скоро.

Они вышли среди недовольного ропота толпы, по дороге своротили, чтобы не встретиться с попом, шедшим к больному — дурная примета — и, дойдя до канавы, растянулись вповалку. Уже потянуло холодком, восток светлел, издали послышалось густое мычанье, и засыпающий Мезенцов представил себе землю огромной ласковой коровой, а себя теленком, припадающим к ее плотным, теплым сосцам.

С каждым днем всё ясней и ясней синели горы, покрывались темными пятнами лесов, перерезывались серебряными нитями потоков, и по утрам восточный ветер приносил чужие и веселые запахи Азии. Давно Мезенцов докурил все свои папиросы, потерял вконец истреппавшегося Ницше и сломал зубную щетку, но ему радостно было, подобно странствующему рыцарю, идти от чуда к чуду. Раскрыть секрет беленького старика — ведь это же задача достойная сэра Галаада и самого неистового Роланда. И вдруг пошел дождь.

Дождь в этой стране безмерностей, где бураны засыпают целые деревни, где грозы вытаптывают леса, как табун лужайку, подлинное стихийное бедствие. Стало холодно и душно, как в погребе. Трава, словно сделавшись ядовитой, приобрела нездоровый, яркий блеск. И вода зажурчала по колеям, унося жуков и бабочек, которых, нагибаясь [?], старался вылавливать Ваня, любивший всякую тварь. Митя поглядывал на ту-

чи с видом Ноя, предчувствующего всемирный потоп.

— Надо прятаться, — объявил он, — через два часа будет не пройти не проехать.

Невдали виднелась деревня.

— В нее не пойдем, — решил Митя. — Что нам в избе делать, клопов кормить, что ли? Тут есть чайная, там по крайней мере сладенького выпьем, да граммофон послушаем.

Чайная стояла за деревней, на краю большой дороги. Была она низенькая и закопченная, но внутри чистая и пахнувшая особым приветливым и свежим запахом, так свойственным хорошо вымытым деревянным домам. Хозяин, степенный, бородатый мужик, заметив на Мезенцове остатки городского костюма, указал путникам на господскую половину, отделенную от черной только разорванной ситцевой занавеской. Но Ваня, увидав там диван и пару кресел, оробел и замялся у входа. Митя, слыша в задней комнате женские голоса, конечно, направился туда, и Мезенцов один, с наслаждением растянувшись на диване, погрузился в ставшее для него теперь обычным занятие, которое с каждым днем он ценил всё выше и выше — лежать и ни о чем не думать. Ему нравилось открывать в этой области новые, как ему казалось, приемы и возможности. Смотреть на какую-нибудь вещь, случайно оказавшуюся перед глазами, и уверять себя, что она и есть самая драгоценная в мирозданье и что ради нее и только благодаря ей и существует всё остальное. Вообразить, что он уже умер, распался на атомы и теперь цветет какой-нибудь араукарией в Мексике, стоит розовым облаком над Пекином, бродит белым медведем в Ледовитом Океане — и всё это одновременно. На этот раз он принялся повторять Бог знает почему припомнившееся ему слово «мяч» и уже через несколько минут почувствовал, что этот мяч, сперва только отвлеченный, стал воплощаться с неистовой стремительно-

стью. Вот он заслонил Митю и Ваню, чайную, всю Россию и на мгновение заколебался на земле, как злоеющая ее опухоль. Но мгновение прошло, и уже земля стала его опухолью, а потом пригорком, песчинкой, пылинкой на его буйно растущей поверхности. Уже нет ни времени, ни пространства, ни вечности, ни бесконечности, а только один мяч и один закон его головокругительного возрастания. Когда Мезенцов очнулся от этого кошмара, уже смерклось, и хозяин, зажигая висющую керосиновую лампу, бормотал под нос, как бы не обращаясь к Мезенцову: «Бог знает, что там на дороге, лошадь не лошадь, медведь не медведь. Ваши товарищи глядят, пошли бы и вы».

Мезенцов вышел на крытое крыльцо. Шел тот же свинцово-серый дождь, и дорога блестела, как широкая река. Всё попряталось: собаки, куры, коровы, и в этом унылом запустенье по дороге со стороны Урала медленно и неуклонно двигалась какая-то темная туша, действительно похожая на вставшего на дыбы медведя.

— Мужик, — сказал долгозоркий Митя. — Это Ваня тут нивесть что придумывал, а я сначала говорил, что мужик.

— Да, но какой, — оправдывался Ваня, — пожалуй, хуже иного прочего. Ты погляди, как он идет.

Мезенцов осознал справедливость этого замечания, когда путник поровнялся с чайной. Действительно, он с каждым шагом уходил выше колена в топкую грязь и с каждым шагом вырывал ногу словно молодое деревцо, и несмотря на это он пел задорно, громко и невнятно — Мезенцов разобрал только фразу: «Ой, други, ой милые, кистеньком помахивая». Огромный рост и черная курчавая борода, закрывавшая до половины его грудь, делала его похожим на крылатых полулюдей полубыков Ассирии. Он не удостоил взглядом

ни чайную, ни стоящую перед ней группу и уже прошел, когда Митя крикнул:

— Зайди, дядя, что тебе по грязи шлепать, посушишься.

— А для ча? — повернулся тот, и Мезенцов увидел чрезмерно [?] светлые глаза, как у полководца в решительный час генерального сражения. — Что я, баба, чтобы дожда бояться?

— На бабу ты действительно не похож, — критически оглядывая его, сказал Митя, — а так, зайдешь, расскажешь что.

— Некогда мне со всякой шушерой язык трепать, — последовал грубый ответ, и прохожий, увязнувший благодаря остановке почти по пояс, рванулся словно лошадь от каленого железа и действительно вырвался.

— Водки выпьешь, — крикнул ему вдогонку Митя, который не любил отказываться от своих прихотей.

— Ставишь?

— Ставлю.

— Четверть?

— Куда тебе, облопаешься.

— Не твоя печаль.

И прохожий, не обтерев ног, похожих от налипшей грязи на слоновьи, вошел в чайную⁴.

⁴ На этом глава вторая как будто обрывается; возможно, что она не была дописана Гумилевым. Но возможно также, что место этому эпизоду, начиная со слов: «С каждым днем всё ясней и ясней синели горы...», после третьей главы. — Г. С.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Куда мы, собственно, идем? — спросил однажды утром Мезенцов.

Митя подмигнул:

— Куда мы идем, мы знаем, а вот куда ваша милость идет — сие есть тайна великая.

Мезенцов вспыхнул и закусил губу.

— Иду я туда же, куда и вы, а почему, это вы, Митя, отлично знаете, а не знаете, то я объясню еще раз.

— Не ссорьтесь, — вступился лениво Ваня, без всякого подозрения, — право, не ссорьтесь, скучно.

Митя смирился:

— Ну, хорошо, расскажу на этот раз. Идем мы все трое в богатое и славное село Огуречное, вот что лежит промеж трех больших дорог, и не одна-то в него не заходит. А ждут нас там два француза.

— Как, два француза? — опешил Мезенцов.

— Они, правда, не французы. а дьячковы дети, Филострат и Евменид, сыновья Сладкопевцевы, но это всё одно, потому что они по-французскому мастаки и идут сейчас из самого большого французского города По.

— Париж самый большой у них, — заметил Мезенцов.

— Нет, не Париж, что Париж, а По. Это я знаю доподлинно, мне старые люди сказывали.

— А далеко ли до Огуречного?

— Да версты три.

Он остановился и прислушался. В воздухе сквозь пронзительный звон пичуг и шорох ветра слышался легкий свист.

— Что это? — спросил Мезенцов.

— Идем, идем, — заторопился Ваня. — Да говорите поменьше, а то такое станется!

— Да что станется?

— Время-то какое, к полудню.

— Ну и что?

— А про беса полуденного не знаешь, что ли? Эх ты... ученый.

— Нет, братцы, — сказал вдруг Митя, — я знаю что это такое. Это наши французы, — и он зашагал в чащу орешника [и^{рзб.}] над обмелевшей речонкой.

Мезенцов и Ваня последовали за ним и, пройдя десяток шагов, замерли в изумлении перед вытоптанной небольшой площадкой, полной обедками и тряпьем, как воронье гнездо. И посреди этой площадки, тоже напоминая чету ворон, сидели два долговязых человека в дырявых ботинках и лоснящихся от жира длиннополых сюртуках. Их прыщавые, угреватые и безбородые лица казались совсем молодыми, и лишь скорбные, кроткие глаза выдавали, что им обоим уже за тридцать. Большая недоеденная кость, подозрительно похожая на лошадиную, лежала между ними. Это и были Филострат и Евменид, братья Сладкопевцевы.

— Что это вы так запрятались? — весело закричал им Митя. — В Огуречном надо было ждать.

— В Огуречном и ждали, — дружно ответили братья, — только там притеснять нас стали, вот мы сюда и ушли.

— Да кто притеснял-то?

— Староста. Как мы, значит, работали с усердием, в нас и влюбилась дочка старосты, ну и мы в нее, конечно. Отец и пристаёт — женись. А как мы женимся оба сразу на одной? Так и ушли.

— Так что, она в вас обоих влюбилась, что ли?

— А как же иначе? Говорит, что ей Евменид нравится, только мы на это не согласны, мы двойня, у нас с детства всё общее.

— Так как же вы любите? Как устраиваетесь?

Братья сокрушенно вздохнули.

— Да никак! Всякая наша любовь бывала несчастная, по этому самому. Оно конечно, какая-нибудь и согласилась бы, только мы так не можем, мы только в законном браке. А иной раз, особенно после сна, так хоть в петлю.

— Вам бы в Тибет поехать, — вмешался Мезенцов, — там полиандрия, одна женщина за многих выходит сразу.

— Ну? — обрадовались братья. — Нам бы хоть какую-нибудь, хоть черную, только чтоб вдвоем. А как туда проехать?

— Через Индию можно или через Китай.

— И сколько стоит дорога?

Мезенцов прикинул в уме цену второго класса на пароходе — он не представлял себе, чтобы можно было ехать в третьем.

— Тысячи по две на каждого.

— А пешком нельзя?

— Куда же? Через пустыню придется идти, сквозь разбойничьи народы.

— Это ничего! За своим счастьем и через ад прой-
дешь.

— Нечего вам зря языки трепать, — нетерпеливо оборвал их Митя, — вот еще тибетцы какие выискались. Подставляй лучше карманы, я вам деньги принес, триста рублей, рады небось, теперь месяц не протрезвитесь.

— Это так, на радостях кто не выпьет, нечистый один, — довольные ответили братья.

— И бумаги вот, с ними отправитесь в Казань, к профессору Филимонову, а что ему скажете, это сами прочтете, я разобрал, да что-то мудрено для меня.

— Дай, дай, — и Филострат торопливо принялся разворачивать объемистый сверток, который Митя достал из своей котомки.

Евменид склонился над его плечом, полный самого живого интереса.

— Ну да, как мы и думали, чукотская грамматика с фонетикой и примерами — ну и забавники же, — и оба покатались со смеху, не выпуская однако из рук свертка.

— Вы лучше о Франции расскажите, а то нам идти надо будет, — не вытерпев, попросил Ваня.

— Да, да, расскажите, — поддержал его Митя. — После начитаетесь, эка невидаль — писанная бумага.

Братья неохотно оторвались от работы.

— Да что Франция, — начал Филострат. — Стоит себе на месте, никто ее не унес. Народ там только очень дурашливый, своего языка не знают. Мы говорим им правильно, как в книжке написано, а они не понимают и такое лопочут, что не разберешь. Намаялись мы с ними.

— А вы хорошо говорите по-французски? — поинтересовался Мезенцов.

— Сертенемент ноус парлонс трес биен, — с оби-

дой ответил Евменид. Митя посмотрел на Мезенцова, видимо гордясь своими приятелями.

— Как же вы ехали? Ведь больших денег стоит дорога? — спросил Ваня.

— Деньги были нам дадены, только мы на билеты их не гораздо тратили, а ехали больше зайцами. Подойдешь к кондуктору, скажешь ему, что, мол, русский, союзник, да бутылку из-под полы покажешь, он и устроит либо в товарном, либо в служебном отделении, а потом и сам придет вина попить, да о России потолковать, почему, дескать, у нас царь, да как лошадь по-русски называется. Любят они это.

— Ну, а в Табре дело устроили? — перебил Митя.

— А зачем же мы и ехали? Прибыли мы это в Тарб, у французского мужика остановились, богатый мужик, ему велено было нас принять. А потом и братья подъехали, они в пиринейских горах живут, на манер как наши на Урале.

— О французах ты рассказывай, а о наших ни-ни, — предупредил Митя, покосившись на Мезенцова.

— Я что? Я ничего, — оробел Филострат, — я и совсем говорить не стану.

— Ну, ну, — крикнул Митя, и Филострат покорно открыл рот, ожидая вопросов.

— Какую же работу вы с ними делали? — спросил Мезенцов.

— Можно, — позволил Митя.

— Работу хорошую, — начал Филострат, — совсем хорошую работу. В давние времена за ихнего короля русская княгиня замуж вышла, Анна Ярославна. Так вот им и понадобилось документики новые об ее царствовании составить, и что по-французски, так это они сами, а что по-русски — это мы.

— Вы что же, так хорошо историю знаете?

Филострат вздохнул.

— Где там. На медные деньги учены. Из головы больше. Язык тогдашний знаем да и письмо. Старой бумаги сколько угодно. Да только мало кто ее знает, историю-то. Все ученые больше по таким документам работают, как наши.

— Неужто все? — усумнился Мезенцов.

— Все! Был в Париже один переплетчик, с веселыми братьями переписывался, так он один сто слишком документов [нрзб.] передал, деньги взял огромные да попался потом. Или Чаттертон в Англии? Замечательный мальчик был. Да тоже не повезло ему, напутал-напутал, с нашими поссорился и отравился. А иные нарочно попадают. Ганка чех, что Краледворскую рукопись сочинил, сам приписал в конце по латински «Ганка fecit», или Псалманазар.

— А это кто? — спросил с жадным интересом Митя.

— А это мне во Франции рассказали. Появился в Лондоне человек не молодой уже и говорит, что двадцать лет прожил посреди океана на острове Формозе среди тамошних диких племен. Говорит, что народ добрый и честный, только людоеды, потому что не крещеные. Миссионеров им надо. А это англичане любят. Сейчас деньги собрали, и начал этот самый назвавшийся Псалманазаром миссионеров формозскому языку учить. Учит-учит, всё успехами их недоволен. Граматику составил, словарь, трудный язык, ох трудный. Долго он это так забавлялся, а как умер, нашли у него завещание, что он и из Англии никуда не выезжал, а язык сам выдумал⁵.

⁵ Джордж Псалманазар (1679?-1763) не выдуман Гумилевым. Француз родом (настоящее имя его неизвестно, Псалманазара он сам себе выдумал), он в молодости имел много разных приключений. Завербованный насильно в одну из многочисленных малень-

— Ловко, — захохотал Митя, — вот удружил.

— Сознаться не надо, — сентенциозно заметил Евменид, — а то пользы для дела не будет.

— А есть такие, что не сознаются? — спросил Меценцов.

— А как же. Я вам расскажу, потому что вы всё равно не поверите. Возьмем к примеру «Слово о полку Игореве»: кто его сочинил, певец древний? Оно-то и правда, что певец, да только не древний, а Семен Салазкин, сын купеческий, что всего полтора года тому назад жил. Мальчиком он убежал из дому, да так и жил, под крышу не заходя, то на Волге бурлачил, то на Дону траву косил, а зимой в Сибири бил куницу да соболя. И всё песни пел, такие все забавные да унылые [?], сам придумывал. Один барин хотел его даже в столицу везти, в Академию представить, едва он убежать мог. Встретили его братья. Зря, говорят, болтаешься, к делу тебя приставить надо. Приставили к нему человека, чтобы ходил за ним, летописи старые ему читал, да что он сочиняет записывал. Через год «Слово» и готово. Долгое оно должно было быть, да

ких европейских армий, он умудрился выдать себя за уроженца о. Формозы, язычника, а потом, по наущению одного ловкого шотландского священника, отправился в Англию в качестве новообращенного в христианство формозца. В 1704 г. он выпустил в Лондоне имевшую большой успех книгу о Формозе, в которой рассказал о своем «обращении» и дал подробное описание острова, его природы и обычаев и нравов его жителей, хотя сам там никогда не бывал. Особенно много внимания он уделил религиозным обрядам формозцев, которых изобразил людоедами. В книге были даны примеры придуманного Псалманазаром формозского языка в виде его собственных «переводов» символа веры, десяти заповедей и Отче наш. Успеху книги в некоторых кругах способствовали резкие нападки на иезуитов и их миссионерскую деятельность. Этим литературным подлогом Псалманазар исчерпал ресурсы своей изобретательности и воображения. В Оксфордском университете, куда его устроили учиться, он показал себя

только Сеню медведь задавил [?], на спор с одним топором пошел против зверя. Переписали песню уставом да и всучили через разных людей господину Бобрищеву-Пушкину, а там история известная.

Мезенцов задумался. Он сопоставил рассказ Филострата с разговором, слышанным им под окном, и вдруг ему стало ясно, что действительно существует тайное международное общество, поставившее себе целью скомпрометировать всю европейскую науку, последовательно вводя в нее неверные данные. Но для чего, он не решился спросить у приятелей Мити, очевидно игравшего в этом обществе особую роль. Между тем Филострат подтолкнул локтем Евменида.

— Откройся им, они ведь братья, что скрывать.

Евменид покраснелся и потупился.

— Что такое? — настороженно спросил Митя — он всегда всё замечал.

— Так, ничего... — начал Евменид.

Но Филострат решился.

— Не надо больше нашего общества, — торжественно объявил он, — и братьев можно распустить.

— Да вы что, ополоумели? — озирая то того, то другого, воскликнул Митя.

уже лгуном и обманщиком весьма мелкого пошиба. Через 25 лет примерно после выхода книги о Формозе он составил свою «исповедь», где сознался в подлоге и рассказал «правду» (всю ли правду и только ли правду, мы не знаем) о своей жизни. Эту исповедь он завещал напечатать после своей смерти, но она стала известна многим еще при жизни Псалманазара, который дожил до преклонного возраста, вполне добросовестно занимаясь переводческой и литературно-компилятивной работой для разных лондонских издателей. Работа эта не требовала ни таланта, ни воображения, а знания у него были. В последние годы жизни он завоевал себе дружбу и уважение знаменитого английского писателя и лексикографа д-ра Джонсона. — Г. С.

— Евменид Сладкопевцев доказал существование Бога, он величайший философ, — продолжал Филострат и остановился, наблюдая произведенное впечатление.

— Только-то, — с облегчением вздохнул Митя, — вот напугали! Ну, что там у тебя? — обратился он к Евмениду, комкавшему в руках какую-то бумажку. — Выкладывай, может быть и пригодится.

— Прочти, прочти, Евменид, — ободрил брата Филострат. — Митя, он всегда зря зубы скалит, а другие поймут наверно. Да как и не понять, правда такая, что глаза режет.

— Это я уже тут на полянке составил, — извиняюсь, произнес Евменид. — Брат птицу ловит на обед, а я картошку чищу да сочиняю. Как будто что́ и вышло: вот посудите сами.

И он начал:

— Не с того дня человек пошел, как говорить научился, а с того, как Бога в себе открыл. Потому что язык что́? И птица по-своему щебечет, и муравей усиками всё, что хочет, может объяснить товарищу. А вот как Бога познала тварь, так и родилась заново и стала уже твореньем. Зверю открыты три измерения пространства. Возьмите к примеру лошадь на узком мостике через канаву. Видит она, что канава глубокая, и боится, видит, что мостик узенький, ступает осторожно, а когда берег близко, идет скорее. Значит длину, глубину и ширину чувствует. А человеку открыта еще внутренина. Внутрь себя духовными очами проникать он может и тоже без конца, как по земным измерениям. Это и есть четвертое измерение, или лучше первое нового порядка, которое и есть Бог. И узнал тогда человек о новых существах, что одно другого диковиннее. Львы крылатые, сфинксы, колеса из глаз светящихся,

всего и не перечестъ. Где он их открыл, как не в себе самом, во внутренне своей божественной? И рисовал их, и лепил, и описывал, да так хорошо, как с живыми зверьми, что вокруг него ходят, не вышло бы. Только мало одного измерения, призраки от него рождаются, да и то маловероятные. Затосковал человек по истине непреложной, и явил ему Господь наш Иисус Христос второе измерение иного мира, которое есть любовь. То-то радость пошла по всей земле. С двумя-то измерениями куда способнее. И цветочки иначе запахли, и птицы запели по-новому, а человек стал на земле как добрый хозяин. Чудеса совершаться начали заместо появления призраков. Только что чудеса, когда хочет душа незыблемого. Опять затосковал человек, и начал ему открываться Дух Святой, третье измерение, слово которого еще не сказано, и неведомо, какое оно будет. А как откроется, так и станет человек жить в новых трех измерениях, а о старых забудет, как о сне полуночном. И ничто из того, что его прежде томило и заботило, уже не затомит и не озаботит. Потому что это и есть истина. Вот как бы вступление, а дальше я подробно обо всем рассказываю.

И Евменид остановился, ожидая одобрения. Ванино лицо покраснелось от волнения, как лицо отрока в огненной печи. Мезенцов тщетно ломал голову, стараясь вспомнить источники, из которых выросла эта странная теория. Филострат захлебывался от благоговейного обожания перед братом.

— Много, поди, картошки перепортил, такую ерунду сочиняя? — воскликнул Митя и зевнул.

— Почему ерунду? — в один голос спросили оба брата и Ваня.

— А что, дело разве? Ну, пойдемте, товарищи, не век же нам с длиннополыми сидеть.

— Нет, ты погоди, ты объясни сначала, а то обла-
ял да ушел.

— Да чего объяснять-то? Вот вы на счете здесь
всё основываете, а не чувствуете, что счет — грех великий,
сатанинские разделения. Как посмотришь на травку,
на облачко, на девушку, да на самого себя, так и уви-
дишь, что это всё единое всегда было и всегда будет,
потому что Бог засмеялся. А с вашим счетом до такого
дойдешь, что лучше не говорить.

— А до чего, к примеру?

— Фу ты, ироды! И какой же дурак вас в обще-
ство взял, вам бы сапоги шить да в колокола звонить.
Бога из цифр вывели, так за Богом еще что-нибудь
выводить начнете. Цифрам-то конца нет. Вот вы всё три
да три. Так пожалуйста и три мира подавайте, земной,
божеский и еще какой. Когда люди умнее были, так
згли за такие штуки. Ересь это и злейшая.

— Выходит, что так, — убитым голосом просто-
нал Евменид. — Что же теперь делать?

— Да вот, в Казань пойдете, выпьете по дороге,
может влюбиться опять. Много человеку дела и без вы-
думок разных. Потому голова зря наверху, она самое
что ни на есть глупое в человеке.

— А сочинение порвать?

— Зачем рвать, может пригодится. Перепиши его
как надо, да и выдай за чье-нибудь.

— И то, — обрадовался Евменид, — может, как
паскалевскую рукопись, вновь найденную, пустить. Он
же и математик. Другим слогом изложить, и пойдет.

— Нет, брат, — оживленно ответил Филострат, —
это скорее Лактанцием пахнет, он такие размышления
любил. Скажем, на Афоне нашли список.

— Ну, уж я там не знаю, кому, да и некогда мне, — объявил Митя. — Разбирайтесь сами. Идем, идем, товарищи, путь не малый. А вам спасибо, что повеселили.

[На этом обрывается гумилевская рукопись
«Веселых братьев»]

ПРИМЕЧАНИЯ К «ОТРАВЛЕННОЙ ТУНИКЕ»

Как указано во вступительной статье, в основу даваемого нами текста трагедии Гумилева положены списки Львова и Гронского, представляющие собой окончательный, но, к сожалению, не абсолютно достоверный текст. В следующих ниже примечаниях указаны, со ссылками на строки текста, все, кроме самых мелких, отступления от означенных списков и даны разночтения чернового и белого автографов из моего гумилевского архива, причем «А» обозначает черновой автограф, «Аб» — белой автограф первых двух сцен первого действия, «Л» — список Л. И. Львова, а «Г» — список Н. П. Гронского, принадлежащий Ю. К. Терапиано. Упомянутые во вступительной статье метрико-графические ошибки *Л* и *Г* не указываются — они просто исправлены нами в тексте. Капризная и небрежная у Гумилева пунктуация в некоторых случаях подверглась изменению в соответствии с общепринятой.

В черновом автографе каждое действие тщательно разделено на сцены, причем каждое появление или выход какого-нибудь действующего лица отделяет одну сцену от другой. В парижских списках это деление последовательно не проведено; возможно, что это ошибка переписчика той копии, которой пользовались Львов и Гронский. В интересах единообразия, а также потому, что заметки Гумилева к трагедии (см. Приложение) предполагают это деление на сцены, мы восстановили подобные ремарки там, где их не было в

Л и *Г*, отметив их в таких случаях квадратными скобками.

В списке действующих лиц в обоих автографах Имр назван «Имр Ель Каис, сын Годжра, арабский поэт», и действующие лица даны в ином порядке, сначала четыре мужских персонажа, потом два женских. Время и место действия обозначены более кратко: «Время действия — начало VI века по Р. Х.; место действия — Константинополь. Сцена представляет террасу императорского дворца». В беловом автографе вместо «начало VI века» — «VI век»; вм. «террасу» — «залу». Первоначально Гумилев думал о трагедии всего в трех действиях, но уже в черновом автографе слово «трех» было переправлено на «пяти».

ДЕЙСТВИЕ I

1. А и Аб: Ты Имр? Из Кинда, кажется? Случалось (в А первоначально было: Имр эль Каис ты, родом Кинд? Случалось).

2. А и Аб: Мне говорить о племени твоём (в А первоначально, однако, как в нашем тексте).

7-10. А: О, господин, судьба моя печальна,
Как после ночи пасмурной заря:
В Аравии пленительной и дальней
Я сын был Годжра, Киндского царя.
Л и Г оба дают «Исмена» в стр. 9 — явная ошибка.
Аб — «измена» в стр. 7.

18. А: «черные» вм. «римские»; Аб — «рыжие».

20. А: «поэт» вм. «певец».

Между стр. 30 и 31 в А зачеркнуты следующие строки:

Я плакал, и кругом собирались люди
Такие близкие когда-то мне,
Но ужас сделал впалыми их груди,
Глаза подобными речной волне.
Я обнимал их, призывал их в поле
Для мщенья племени Бену-Ассад,
Но тех, кто испытал позор неволи,
Призывы к битве разве опьянят?

38. Л: «испросить».

44. Л и Г: оба дают «участь» вм. «часть». Это явная ошибка, нарушающая размер и рифму.

54-55: Этих двух строк нет в А, но они имеются в Аб.

58-67: Эти строки отсутствуют в А. После стр. 57 читаем:
Мы выясним, кто мог бы быть вождем.
Нам нужен человек способный, храбрый —
и затем стр. 68. В Аб, однако, как в нашем тексте
до стр. 65 включительно, затем:

Окончим дело мы сначала: нужен
 Для этого возможного похода
 Доместик конных воинов и пеших,
 Вождь сильный, смелый, крови благородной
 и дальше как в нашем тексте.

62. Аб: «на дороге».
70. Л: «если б» вм. «если бы мы» — с нарушением размера.
85. Л: «и» вм. второго «из».
88. А: До области Великого Могола. Аб: До Суматры иль смертоносной Явы.
95. Аб: «и» вм. «да».
101. А: «тогда тебя».
114. Аб: «выпускать».
- 115-118. Аб: Иль песни петь о ночи наслажденья,
 Которая преображает нас
 В горящих ангелов... но без сомненья
 Ты пела и слыхала их не раз.
117. А: «О радости ночной»
128. А и Аб: Когда мне приходилось очень трудно.
133. А и Аб: «года» вм. «лета».
140. Аб: «пробрался».
144. А: «[за мною]*) со мною».
145. А: «за нами ткань».
147. А: «блестели» вм. «вставали»; Аб: «поднялись».
154. А: «в ее постели».
155. А: Встает и дикие восторги с ним
 между стр. 155 и 156 в А ремарка: (Зоя начинает рыдать).
- 158: Этой строки нет в Аб.
- 161-168: В А вместо этих строк следующие:
 Но ты прекрасна тоже... ты желанья
 Во мне зажгла... и я тебя возьму
 В Аравию, страну благоуханья,
 Коль буду дорог сердцу твоему.
 В Аб в стр 162 «такой» вм. «таких» и между стр.
 164 и 165 следующие строки:

*) Здесь и дальше квадратные скобки обозначают зачеркнутое Гумилевым.

З о я

О, замолчи! Мне слишком больно думать,
Что этих слов я больше не услышу
И больше не увижу этих глаз.

Стр. 165: Да, клятве изменить я не посмею.

170. А: Ты византиянка, а я араб. Аб: Ты [родом] римлянка, а я простой араб.

173: На этой строке обрывается текст набело переписанного Гумилевым автографа (Аб). В дальнейшем разночтения без специальной ссылки означают черновой автограф.

192. Л и Г: «Осмелится простой араб» — что нарушает размер.

197. Л и Г: «вспоминаю», что тоже нарушает размер.

207: «(Судя по песне)».

215: «Листвой» вм. «стеной».

229-230: Танцовщицей и уличной блудницей
Меня, императрицу Византии

245: «коль не решишь ты» вм. «едва вернувшись».

250: Несчастный и докучливый проситель

259: «я бы принял».

260: «шорох»

271: «угрюмые»

277: «чиню» вм. «творю»

287: «думаем» вм. «веруем»

между 308 и 309:

За Каспием, в степи солончаковой
Один гоняйся за толпой ногайцев

309: Слова «я сказал» даны в А как реплика Имра.

317. Л и Г: «И что» — без точки в конце предыдущей строки и без всякого знака препинания в конце этой строки. Л. И. Львов предполагал, что здесь в копии, которой он пользовался, пробел. Но нет оснований отступать здесь от А, где слова Юстиниана представляют собою вопрос, на который Евнух отвечает.

325: Этой строки нет в А.

326-328: Меня избрал ты и помазал миром
И царский труд мне дал, желая, чтобы
Весь мир стал храмом, и над ним повисла

- 331: И я тебя вовеки не предам
328: «Состав тебе известен?»
344: «ключ Кавказа»
348: Дочерней воли я хозяин буду
351: Прости меня. Спешу приказ исполнить.

ДЕЙСТВИЕ II

- 1-2: Наш милый сын, тебя мы снова видим
Вернувшимся из тягостных скитаний
- 6: «божественные» вм. «таинственные»
- 13: «долетала»
- 14-18: Вместо этих строк три следующие:
Известье о такой победе быстрой,
Порфирородный, изменить должно
Течение дел; есть новое в докладе.
- 20: «был досель» надписано над зачеркнутым «должен
быть».
- 23: В советах мудрой, разумом людей
24. Л: пропущено «Я слушаю», что нарушает размер.
- 32: «по сердцу»
- 33: «взглядом»
- 43: «хочу» надписано над зачеркнутым «хотел бы».
- 47: «сумеет»
- 50: «ответь» вм. «скажи»
- 54: «победы все он» вм. «победу он не»
60. Г: «собой»
- 61: «ты можешь взять»
- 64: С гонцом особенным тебе я вышлю
- 66: «стать» вм. «быть»
- 76-78: Уехать? Я скитался очень много
И много видел самых разных стран,
Но ни в одной из них, таких счастливых,
Я счастья моего не находил
- 79: «поворотом» вм. «перекрестком»
- 81: «смеющиеся»
- 82: «Иль» вм. «Да»

- 83-86: А знаю я — о, как я это знаю! —
 Что страны есть блаженные, иные,
 Где всё родное, где дышать легко
 И где любовь не жалит болью жгучей
- 87: «если любят»
93. Л и Г: пропущено слово «Зоя».
- 94: Уедем, Зоя, вместе... здесь мне душно
 между стр. 99 и 100 в А читаем:
 Уедем! И тебе я стану миром
 С луной и солнцем, ветром и цветами,
 Со всею дивной ласкою земною,
 Как ты мне стала миром, совместившим
 И сонм ширококрылых серафимов
 И Триединого Творца всего.
- 104: «вокруг»
- 109: «хмурый» вм. «хитрый»
- 111: «тебе сказать»
- 112: «глядишь» вм. «дрожишь»
- 114: «скажи» вм. «ответь»
- 115: «ответь» вм. «скажи»; «тобою».
122. Л и Г: «дремали» вм. «дрожали» — похоже, что это ошибка вследствие неразборчивости оригинала.
- 126: Вместо этой строки в А следующие:
 Прости меня за злое подозренье,
 Как я посмел тебя унижить им!
 И за любовь мою прости, за просьбы
 Такие дерзкие прости меня.
 Но ты бледна еще, и горько видеть
- 131: «не за что»
- 150: «срок» вм. «день»
- 156: «не в силах»
- 158: «повстречавшись»
- 160 Г: пропущено «и»
166. Л и Г: «ревнуешь» вм. «ревнив», что нарушает размер.
- 167: «Докучный» вм. «Несчастный»
179. Л: слово «было» пропущено; Г: «бы было лучше»
 после стр. 179 первоначально шли следующие
 строки:

[Он будет жить в цепях, в сырой тюрьме,
Он даже старым из нее не выйдет!
Я разорю до тла его страну,
Колодцы все засыплю, чтобы люди
И имя самое ее забыли.
Нечистый зверь.]

Эти строки были зачеркнуты и частично, с изменениями, перенесены дальше и обращены к самому Имру (см. стр. 201-206).

180: Я так решил.

Ф е о д о р а

И сделаешь как надо!

183: «сказал» вм. «открыл»; Г: «смел» вм. «мог» — явная описка.

192: «выпросил»

193: «устаами»

198: «судьбою» вм. «бедою»

202-208: Колодцы все засыплю, чтобы люди
И имя самое ее забыли,
Чтоб дикий зверь ту обегал пустыню
И птица хищная кругом летела.
А ты, ты будешь гнить в цепях, в тюрьме,
Ты из нее не выйдешь даже старцем
За то, что раз поговорил ты с Зоей!

Вместо последней строки первоначально было:
[И в муках позабудешь взоры Зои!]

После стр. 208 и перед ремаркой в А было:

[Я до сих пор забыть ее не мог,
Я думаю о Зое неустанно,
Так, маленький, так красный огонек
Лизнет, исчезнет, а на теле рана.
[Я думал] Хотел я честным быть перед собой
И пред тобою, царь, и перед нею,
Но страсть — как месть, и я клянусь судьбой,
Что будет эта девушка моею!]

Часть этих строк Гумилев перенес в разговор между Имром и Феодорой в третьем действии (см. ниже, стр. 141-145).

Здесь же на левой пустой странице следующие четыре строки, может быть как вариант, но верней как вставка:

Так вот за что меня унижил ты,
Вот основание моему несчастью
Я предвкусил [?] однажды [?] чистоты
И ждал побед, не справившись со страстью.

- 210: «черной» вм. «низкой»
212-213: Этой реплики Феодоры в А нет.
214: «Нет» вм. «Да»
215: «Тебя» вм. «Его»
216: «ты» вм. «он»
219: Такие, как моя невеста Зоя

ДЕЙСТВИЕ III

- 8: «страстно» вм. «много»
между 12 и 13 в А были еще две строки:
Живое воплощение земли,
Неправо оклеветанной пред Богом
- 26: Вместо этой строки в А были следующие:
Нет, мозг твой воспален, любовь убита,
И сжата грудь воспоминаньем вечным
Об оскверненной юности твоей.

Ф е о д о р а

Ты знал об этом и женился все же.

Ю с т и н и а н

Но я не знал, как это будет больно.

- 39-47: Соответствующие этим строки зачеркнуты в А.
Так как в них есть некоторые разночтения, приводим зачеркнутое место целиком:

[Где ты бродил, предавшись размышленью.
Всегда тебя я видела во сне
Как солнце светлым, окруженным свитой
Старинных Цезарей, царей восточных,
И все они склонялись пред тобою.
Но годы шли, и говорила кровь]

- 48: [Во мне всё громче, вот я] Любила я тебя
и увидала

после стр. 56 в А идет:

Ю с т и н и а н

Как только раз? Ведь ты его любила

- 63 Л: «свой» вм. «мой»

между стр. 63 и 64:

•

Ю с т и н и а н

Но всё, в чем ты мне раньше признавалась?

Ф е о д о р а

Не понял ты, что я тебе лгала.

Ю с т и н и а н

Зачем?

Ф е о д о р а

Тая безумную надежду,

Что всё-таки меня захочешь ты.

67: «скорее»

69: «Вновь как когда-то» вм. «И пусть как прежде»

71: Вместо этой строки в А две:

Ты нежным был и изменился,

Но я не изменилась, я всё та же

между 73 и 74 у Г после слова «Феодора» стоит в скобках: «плача». Этой ремарки нет ни в А ни у Л.

75: «вечно» вм. «нежно»

76: «нежен»

77: «Все темное и» вм. «Раздоры, ревность»

78. Л и Г: пропущено «И» в начале строки.

80: «с которым»

84-85: Вместо этих двух строк в А одна:

На сутки лишь, и буду верить я

87-97: Этих строк нет в А.

95. Г: «несчастье» вм. «нечестье» — явная описка.

100. Л и Г: «И я с тобою», что нарушает размер.

108: «[под стражу] в темницу»

113: «Войди»

114: «омрачаться»

116: «отдать»

120: «во-первых не пустыня»

121: И наконец тебя сильнее он

122: Вот видишь ты сама, императрица

125: «Нет, подожди немного»

127. Г: пропущено «они»

130: «под стражу»

между 133 и 134 в А следующие строки:

Тюрьма? Но разве есть тюрьма такая,
Чтоб из нее не убегали, в сердце
Тая безудержную жажду мщенья?
Нет, лишь одна тюрьма удержит злых
— Господний рай, увиденный однажды.

134: «вдвоем» вм. «теперь»

138: Вместо этой строки две:

Ты волен оскорблять меня, пока
С тобой наедине мы, пред арабом

между 139 и 140 в А было следующее зачеркнутое место, частью
восстановленное в дальнейшем:

[Ф е о д о р а

Я очень рада, мне казалось, Зоя
Не любит Трапезондского царя,
Но я ошиблась и чужому счастью
Помехой я не буду никогда.
На завтра свадьба. Хочешь, я устрою,
Чтобы ты мог ее увидеть с хоров?

И м р

Как свадьба завтра?

Ф е о д о р а

Да.

И м р

И Зоя любит

Царя?

Ф е о д о р а

Безумно. Кажется, они
Уже близки. Она по крайней мере
Всё рассказала о тебе ему,
Как ты ей декламировал, как хвастал,
Как умолял ее о поцелуе,
И он сердился, а она смеялась.

И м р

Как, рассказала всё ему она?

Ф е о д о р а

Так как же бы он мог узнать об этом?

А что он знает, ты свидетель сам.]

141-147: В А эта часть диалога читается так:

Ф е о д о р а

О чем ты говоришь, не понимаю.

И м р

О Зое.

Ф е о д о р а

Но ведь я с тобой шутила,

Когда звала тебя на преступленье,

Не обольщают Кесареву дочь.

Стр. 142-145 воспроизводят более ранние строки
чернового автографа.

151. Г: «исправить»

157: «было б лучше» вм. «надлежит»

162. Г: «уж» вм. «уже»

163-164: В А здесь три строки:

Всё рассказала о тебе ему,

Как ты ей декламировал, как хвастал,

Как умолял ее о поцелуе

после стр. 165 в А:

И м р

Как рассказала всё ему она?

Ф е о д о р а

Так как же бы он мог узнать об этом?

А что он знает, ты свидетель сам.

И м р

Она смеялась надо мной?

Ф е о д о р а

Сознайся,

Что трудно было бы не посмеяться.

166. Г: «явно»
- 169: «трусливо» вм. «лукаво». У Г вся эта строка пропущена.
- 174: «шумит» вм. «горит»
- 175: «И весь я словно»
176. Л и Г: «натянутого»
- 177: «свое»
- 178: И вновь его переменить не в силах
- 186: Уйди, чтобы тебя никто не видел
- 187: «должна придти»
- 194: «Я сердцем»
- 196: Я с нею не расстанусь целый день
- 197: И ночью буду я стоять с мечем
- 205: «кинжалов»
между 209 и 210 в А была строка, потом зачеркнутая:
[Его толкаешь ты к царевне Зое]
- 214: «словно»
- 215-216: Вместо этих строк одна:
Но я, клянусь, твои разрушу козни
- 217: «Вот, вот»
- 222: «что» вм. «и». Л и Г: «малый» вм. «каждый», что бессмысленно.
- 223: «обольстит»
- 230: «славные»
между 231 и 232:
Ты всюду будешь видеть только Зою
Спешащей на преступное свиданье
- 238: Вместо этой строки две:
И наконец с растоптанной любовью
Самой себе однажды не промолвит

242: «слетелись»

между 245 и 246:

Ф е о д о р а

Я жду, что вот сейчас войдет араб.
Ну, что же?

Ц а р ь

Как решил я, так и будет.

250: «словно»

252: «нежный»

261: «Господь»

263-275: В А это место читается так:

З о я

Уйди, оставь меня, я умоляю,
Мне слишком страшно!

И м р

Как я могу, царевна!

Мой дом сожжен, от моего народа
Осталась только кучка беглецов,
И ты, и ты, чьи губы слаще меда,
Решила быть в числе моих врагов.

278: «Мне не увидеть»

282. Г: «тобою»

285: И этим телом трепетным виновна

286: «Уйди, уйди»

289: «печалью»

290-291: Что человеку родина? Порог
Дверей, ведущих в звездные селенья.

292: «найти бы мог»

294: «Оставь меня» вм. «Уйди, уйди»

301: Лишь страсть пронизет молнией летучей

между 306 и 307:

Ты ни на что ответить мне не хочешь

307: «слова мои»

309: «вдруг» вм. «так»

311: «веселыми» вм. «широкими»

314: Вот ангел наклоняется над нами

после стр. 317 в А ремарка дополнена словами: «На мгновение показывается Феодора, оглядывается и улыбается».

ДЕЙСТВИЕ IV

- 3: «странно»
10. Л и Г: «ветер» вм. «клекот», но версия А представляется нам более вероятной. В А «звон» вм. «стук».
- 13: «Там молнии»
- 15: «рок» вм. «смерть»
- 18: По переулку темному шел стыд
- 19: «Небо» вм. «Утро»
- 26: «неба» вм. «солнца»
- 29: «незримо» вм. «по воле»
- 30: «моего»
- 33: «таинственную»
- 34: «надмирный» [?] вм. «веселый». Это слово, однако, в А не вполне ясно.
- 49: «твою императрицу»
- 50: «С черною косою»
- 51: «с легкими»
- 53: Этой строки нет в А.
- между 62 и 63:
- Тебе проститься с милою свободой,
А мне за стол — я что-то проглодался [*sic!*]
- 64: ремарка в А читается: (Набрасывается на евнуха, валит его и закручивает ему голову его же собственным покрывалом. Потом выпрямляется и ждет)
- 65: «Прости, императрица»
- 66-68: Вместо этих строк:
Я здесь, чтобы благодарить тебя
И попросить назначить день венчанья
Меня с царевной Зоей.

Ф е о д о р а

Ты безумен!

- 74: «скучную» вм. «скверную». Слово «скучную» в А
написано поверх какого-то другого.
- 77: «люди» вм. «слуги»
- 78: «Скорей сюда»
- 95: «любишь» вм. «хочешь»
- 96: «Ах да, еще» вм. «Да, знаю я»
- 105: «Моя судьба»
- между 105 и 106:

Ф е о д о р а

Со мною ты безжалостен.

И м р

Как ты

С царевной.

Ф е о д о р а

Да, я вижу, что мужчины

Жалеют женщин только молодых.

И м р

И честных.

Ф е о д о р а

Слушай, уступи мне Зою,

Единую соперницу мою

В привязанностях Кесаря, и будешь

Ты первым полководцем наших войск,

Сановником империи всемирной.

И м р

Танцовщица, ужель забыла ты,

Что я даю, но я не принимаю?

между 106 и 107:

Ты [знаешь] видишь, что игру ты проиграла

107: «столкнув прохожего»

110. Л: пропущено «а»

между 111 и 112:

- Тебя увидев, я помолодела
- 113: «и любви»
- 115: «порхающим»
- 116: «И» вм. «Да»
- 124: «занимают»
- 127: «Что делал здесь он?»
- 128-131: Эти четыре строки читаются в А так:

Ю с т и н и а н

Но он в тюрьме.

Ф е о д о р а

По моему велению,
Вот этим подтвержденному кольцом,
Он до сих пор не схвачен.

Ю с т и н и а н

Дай кольцо мне.

Ф е о д о р а

Возьми, но поступила я как надо.

- 134: «Что хочешь ты сказать?»
- 135: «Ужель не слышишь ты»
- 136: Вместо этой строки две:
Как голос мой дрожит, не замечаешь,
Как разгорелись щеки у меня
- 139: К созданьям твоего воображенья
- 140: «истинной»
- 141: «Изменила ты»
- 142: «тебе я изменила»
- 143: «признаться»
- 144: Вместо этой строки три:

Ю с т и н и а н

Зачем же ты его освободила?

Ф е о д о р а

Чтоб от него самой освободиться.
Ты знаешь, мне уж скоро тридцать лет

149. Г: «стук» в.м. «звук»
152: «и будет много горше»
154: «любить»
156: «О, Кесарь мой»
160: «я» в.м. «и»
161. Л и Г: у обоих пропущено слово «Кесарь»
162: «есть» в.м. «лишь»
164: Вместо этой строки две:
Пусти его в Аравию обратно,
Дай войско для победы над врагом
166: «ко мне» в.м. «назад»
167: Пусть страсть моя [растает] исчезнет
словно тень
168-170: Но все войска поручены уже
Мной Трапезондскому царю, и легче
173: «Зоя»
174: «сумеет»
175: «почему»
176: «обворожил»
179: «правду рассказала»
181-182: Вместо этих двух строк четыре:
Согласен я.

Ф е о д о р а

О, милый, как ты светел.

Пусть делает араб теперь что хочет.

Его уже забыла я, лишь ты

Сияешь мне слепительнее солнца.

- 183-184:** Как счастлив я теперь, не правда ль, Зоя,
Мы стали ближе, есть теперь о чем
- 189:** «гулком» [?] вм. «сонном»
- 193:** «тебе не говорила»
- 198-199:** Не мучь меня [молю, не заставляй], поверь,
ведь я не в силах
Перед тобой признание повторить
- 202-203:** С гортанным диким голосом, с глазами
Голодного и бешеного зверя

- 206: «словно» вм. «точно»; «юга» вм. «с юга»
 209: «потерянное»
 210: Вместо этой строки две:
 Исполнено такую красотою,
 Таким неслыханным великолепьем
 213. Л и Г: «я» вм. «и», но последнее более логично.
 216-217: В А здесь три строки:
 Тебя прощаю я, но только должен,
 Когда ты любишь, нам помочь обоим.
 Что значит лишний для тебя поход?
 220: «дороже славы»
 221: Кто должен дом вернуть себе отцовский
 224: «уже совсем»
 227: «просто» вм. «только»
 229: «в одной ней» вм. «в ней оба»
 230: «тем»
 233: «А» вм. «И»
 между 235 и 236. Здесь в А еще две строки:
 Сраженья, путешествия и слава —
 Какие непонятные слова!
 238: «ратный» вм. «сильный»
 между 239 и 240:
 А воины наверно засмеются,
 Увидев пред собой меня такого.

ДЕЙСТВИЕ V

В черновом автографе Гумилева имеется только начало первой сцены пятого действия, одна маленькая страничка. Это начало совершенно не совпадает с окончательным текстом трагедии у Л и Г. Даем его здесь по автографу, отдельные строки которого, к сожалению, написаны явно наспех, крайне неразборчиво, почти нацарапаны (возможно, что Гумилев писал эту сцену второпях перед самым отъездом из Лондона в Россию), чем объясняется большое количество не разобранных нами слов, обозначенных ниже как [нрзб.].

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Юстиниан и Имр

Ю с т и н и а н

Поход решен! Двенадцать тысяч войска
С военного уже поднялись поля.
Уже путем Эгнациевым первый
Прошел отряд и только ждет вожда.
Царь Трапезондский отказался. Эти
Влюбленные причудливы всегда.
И слишком стар мой добрый Велисарий
И, молвить правду, слишком ненадежен.
Тебе вручить желали бы мы [нрзб.]
Протекторство над нашими войсками,
Когда бы знали, что за ласку нашу
Ты черною изменой не заплатишь.

И м р

О, светлый кесарь, песня и измена
В одном и том же сердце не живут.
Чтоб вновь [нрзб.] твои колена [?]

[Нрзб.] я снова буду тут.
Две родины для сердца я лелею,
Одна в Аравии, другая здесь,
И с жизнью [нрзб.] я жалею,
Когда тебе принадлежу не весь.

Ю с т и н и а н

Я слишком долго жил, чтобы не верить
Словам; чему ж и верить, как не им?
Твой конь стоит оседлан у порога,
И дан приказ признать тебя войскам.
Но чтоб святейший патриарх молиться
Сумел о воинской твоей удаче,
Ты должен душу мне отдать и сердце [?]
Ты не предатель, да, араба имя
Достаточно служит в том порукой.
Но много ли, ответь, любил ты женщин?

И м р

Пусть патриарх в кресе своих седин
Спокойно служит обо мне обедню:
Как все, любил и я лишь раз один,
Полны одной любовью мы, последней.

На этом кончается черновой автограф Гумилева. В окончательном тексте трагедии разговора между Юстинианом и Имром вообще нет. Пятое действие начинается со сцены между Имром и Зоей, и Имр сам сообщает Зое о своем назначении главой похода. После этой сцены Имр уже не появляется в пьесе. Вышеприведенный диалог между Юстинианом и Имром имеет все признаки недоработанного черновика.

Между списком Л и списком Г в пятом действии налицо лишь следующие мелкие разночтения:

98. Г: пропущено слово «Зоя»
264. Г: «И» вм. «О»
297. Г: «И» вм. «Ты»

ПРИМЕЧАНИЯ К СТИХАМ

- Стих. 1: Второй год. Напечатано без заглавия в посмертном сборнике стихотворений. Стр. 12: «И громких...».
- Стих. 2: Любовь весной. Напечатано без заглавия в посмертном сборнике, где три последние строфы читаются так:

Тихий снег засыплет грусть и горе,
И не будет жалко ничего,
Будет ветер, будут в Черном море
Бури кликать друга своего.

Я скажу ей: «Хочешь, мы уедем
К небесам, не к белым, к голубым,
Ничего не скажем мы соседям —
Ни твоим, царевна, ни моим?».

Не откажешься тогда, я знаю...
Только б лето поскорей прошло,
Только бы скорей дорогу к раю
Милым, хрупким снегом замело.

В сборнике поставлена дата: 1916.

- Стих. 3: Девушка. Не вошло ни в один из сборников. Напечатано мной в «Новом Журнале» (Нью Йорк), 1944, № 8
- Стих. 4: Утешение. Напечатано в «Костре» без третьей строфы и с небольшими разночтениями в первой и последней строфах.
- Стих. 5: Купанье. Не вошло ни в один из сборников. Напечатано в «Новом Журнале», 1944, № 8.
- Стих. 6: Рыцарь счастья. Как и предыдущее.
- Стих. 7: В Северном Море. Напечатано в «Костре» под назва-

нием «На Северном Море» и без третьей строфы. Небольшие разночтения во второй и последней строфах.

Стих. 8: Песенка. Не вошло ни в один сборник. Напечатано в «Новом Журнале», 1944, № 8.

Стих. 9: В Бретани. Тоже.

Стих. 10: Предзнаменование. Тоже.

Стих. 11: Танка. Напечатано в посмертном сборнике без заглавия и с датой: 1917.

Стих. 12: Пропавший день. Не вошло ни в один из сборников.

Стих. 13: Предупреждение. Не вошло ни в один из сборников. Напечатано в «Новом Журнале», 1944, № 8.

Стих. 14: «Я, что мог быть лучшей из поэм...». Напечатано в посмертном сборнике под заглавием «Утешение» и без второй строфы. В 3-ей строфе стр. 2-ая «твержу» вм. «шепчу».

Стих. 15: Два Адама. Напечатано в альманахе «Цех поэтов», II-III (Берлин, б. г. изд.) без заглавия и в посмертном сборнике. Стр. 8: «страстными глазами» вм. «синими очами» и некоторые другие несущественные разночтения. В «Цехе поэтов» не разбито на двустушия.

Стих. 16: Ангел боли. Не вошло ни в один из сборников. Напечатано в «Новом Журнале», 1944, № 8.

Стих. 17: «Среди бесчисленных светил...». Тоже.

Стих. 18: Напечатано в посмертном сборнике с значительными разночтениями и с примечанием: «Было первоначально включено в книгу «Костер», но выброшено при корректуре». В моем альбоме заглавие только в оглавлении.

Стих. 19: Не вошло ни в один из сборников. Напечатано в журнале «Сполохи» (Берлин), № 4 (февраль 1922 г.).

Стих. 20: Первый из этих отрывков написан на отдельном листке бумаги, входящем в мое гумилевское собрание. Непосредственно за ним записан следующий план поэмы:

Глава I Утро. Домашний дракон, мальчик, мандарин.

Глава II Сон о Муаяни.

Глава III Печаль — Разговор об Индии (Золотая гора). Дракон недоволен.

- Глава IV Приключения Муаяни.
Глава V Побег Ю-Це с лодочником.
Глава VI Встреча с Муаяни. Возвращение.
Глава VII Жизнь в павильоне.
Глава VIII Возвращение Ли-Бо.
Глава IX Опять сон о Муаяни (единорог и принц).
Глава X Свадьба.

Сразу за этим идет фраза в скобках: «вся в женских рифмах».

Второй отрывок был в свое время прислан в редакцию газеты «Возрождение» И. И. Бикерманом, как неизданное произведение Гумилева. Если память мне не изменяет, он был в «Возрождении» напечатан. В этом отрывке поэме дано название «Два сна». Имена Муаяни и Ю-Це связывают оба отрывка с планом поэмы. Но если второй отрывок был написан позже, то надо думать, что Гумилев отступил от плана написать поэму сплошь «в женских рифмах»: в стихах об Ю-Це мужские и женские рифмы чередуются.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Гумилев в работе над «Отравленной туникой»

Среди бумаг, оставленных Гумилевым в Лондоне, имеется несколько листков с заметками, относящимися к его работе над «Отравленной туникой». На одной стороне одного из листков выписаны следующие термины, географические названия и пр., имеющие отношение к Византии:

Кератии

Сестерции (деньги)

Протекторы (вожди)

+ Доместик конницы и пехоты*)

Новый Рим

Цирк с дельфийским треножником

бани Зевксиппа

Площадь перед дворцом Августа

Эгнациева дорога

Военное поле семь миль от города

Партии на ристалищах Зеленые враги Феодоры и [синие]
[красные] голубые**)

арабский всадник, убив гота, перерезал ему горло и стал
пить кровь (Аммиан Марцеллин)

Императорские одежды: белый с золотыми клавами дивитасий и пурпурные башмаки

Кампидуктор полка ланциариев

Исавры (войска)

Готы

Гунны

*) Крестик перед этими словами поставлен самим Гумилевым, так же как и перед словом «Манихей» дальше. — Г. С.

**) Слово «синие» было зачеркнуто и заменено словом «красные», тоже зачеркнутым и замененным словом «голубые». Слова «враги Феодоры» надписаны другими чернилами над словом «зеленые». — Г. С.

+ Манихей (ругательство)

Шаманы гуннов наводят чарами темноту

[Никто не боится жестоких коварств и яда языка, от чего прежде гибли многие по ложному обвинению. Погибшим было дело народа в жестокое время. Его восстановил однако дивный разум владыки сделавший прочным царство, которое он принял слабым.]*)

У Феодоры большие черные глаза.

Не всё в вышеприведенном перечне было использовано Гумилевым, но некоторые термины и топографические названия мы находим в трагедии или в ее черновике. Ссылка на Аммиана Марцеллина показывает, что Гумилев мог пользоваться этим более ранним летописцем (IV в.), как одним из источников по истории Византии. Предпоследняя выписка, зачеркнутая Гумилевым — явная цитата из какого-то источника — была использована Гумилевым в трагедии ср. слова Евнуха, строки 54-55 в первом действии. Фраза о больших глазах Феодоры восходит к Прокопию, который говорит о красоте Феодоры в своей «Тайной истории».

На обороте того же листка находим следующий анализ всех персонажей «Отравленной туники» (не все они впрочем разработаны с одинаковой полнотой):

И м р (Subjectifs) Титан

Портрет сд. другими:	I ³ Феод.	II ¹ Цар.	III ³ Феод.	IV Евн.	V ² Зоей
Апология	II ⁴				
Идиосинкразия	I ¹	I ²	V ¹		
Действие	I ⁴ отказ.	III ³ согл.	IV ² испр.		
Общение с другими	II ⁴ Царь	III ⁶ Зоя	IV ¹ Евн.		

*) Эта выписка зачеркнута Гумилевым. — Г. С.

З о я (Passifs)

Порт. др.	II ³	III ³	IV ²
	Царь	Имр	Феодора

Апология

Идиосинкразия

Общение с др.

Действие

Ц а р ь (Objectifs) Олимпиец

Порт. др.	V ¹	Имр	К Зое — влюблен
Апол.			К Феод. — презир.
Идиосинкр.			К Имру — ненав.
Об. с др.			К Кесарю — почт. любящий
Действие			К Евнуху — благосклонен

Ф е о д о р а (Intellectuels)

Порт. др.

Апол.

Идиос.

Общ. с др.

Действие

Ю с т и н и а н (actifs)

Порт. др.

Апол.

Идиос.

Общ. с др.

Действие

Е в н у х (Corporel)

Порт. др.	Туника	I ⁵	II ¹	III ¹	IV ³	V ^{4,5}
Апол.	Александ- рия	I ²	II ³	III ²	IV ^{1,2}	V ³

Ц а р ь

Идиос.	Клятва	I ^{1,3}	II ⁴	III ⁶	IV ¹	V ²
Общ. с др.						
Действие						

Д е й с т в и я

12 <i>Имр</i>	11 <i>Феодора</i>	7 (8) <i>Царь</i>	9 (10) <i>Зоя</i>	7* <i>Имп.</i>
I Отказывается	Замышляет мщение		Смущается	Замышляет
II Колеблется	Подготовл. его	Оскорбляет	Осознает себя	Получает на- зад и наз. св.
III Решается	выполняет	ошибается	отдается	Ошибается
IV Исправляет	отказывается	гибнет	теряется	теряется
V портит	торжествует		гибнет	мстит

Я з ы к

Слова быстрые, стиль резкий, полный антитез и реториче- ских движений, восклицаний и [мрзб.] трагиче- ский [мрзб.]	Заб. выра- жения заим- ств. и бессос- тавительные, стиль крат- кий, напря- женный, ли- хорадочный [мрзб.] ори- гинальность	ораторский объяснитель- ный, увеличи- вающий ма- лое в начале мелодия идей	гармониче- ский периодиче- ский украшенный описатель- ный невольные слова	стиль изящ- ный и рас- сказываю- щий
---	---	---	---	---

На следующих двух листках дана следующая схема пяти дей-
ствий трагедий:

Д. I Имр

* Что означают эти цифры, неясно. — Г. С.

Сц. 1

Сц. 2

Сц. 3

Имр говорит о Кесаре (после слов (осм. кочующий араб)

Сц. 4

Сц. 5

Кесарь дел. портрет Евнуха браня его за любовь к прошлому

Д. II Ц а р ь

Сц. 1

Кесарь любит Имром описанием [?] его; Царь дел. п.
Кесаря Оттень тунику

Сц. 2

[Развить]*)

Сц. 3

Феодора заигрывает с царем

Сц. 4

Имр умоляет царя; Апология Имра; Так вот что я получаю
в Византии?

Д. III Феодора

[Развить отн. Ф.]*)

Сц. 1

Кесарь и Зоя; (И.) Если бы мир был достроен, я бы разру-
шил его, чтобы строить опять

туника

железо

Сц. 2

Развить отн. Феод. к Евнуху

Сц. 3

(Феод. разв. свою теорию о низости женщин) Юст. делает
портр. Зои

Сц. 4

Феод. изд. над царем (параллель с заигр.)

Сц. 5

Д. IV Имп.

Сц. 1

Ув. Евн. к Имп. (соб. пр. к дому)

*) Зачеркнуто Гумилевым. — Г. С.

Сц. 2

Имр дел. порт. Евнуха. Имр гов. об Юст. (после слов (тебя прости); Феодора пред. Имра об возм. опасности

Сц. 3

Туника

Сц. 4

Портрет царя лестный [?] Зоей

Д. V Зоя

Сц. 1 Кесарь и Имр

Имр удивл. царю (портр.

Сц. 2 Имр и Феодора

Зоя ласкова с Феодорой; Обожание Имра обеими; Страх Феодоры перед Зоей

Сц. 3 Зоя и Феодора

(Зоя с Юст. (*ardeurs mélancoliques*) Кесарь гов. о полит. роли Зои

Сц. 4 Евнух и те же

I Зоя ум. Евнуха молчать заклиная восп. детства

II Царь расск. Евнуху о слав. об. класть при постройке человека благородной крови

III Восп. о царе и ожидание искупленья

Сц. 5

Портрет Зои-Византии

Рядом со схемой пятого действия, на том же листке — диаграмма, озаглавленная «Общение с другими» и воспроизводимая ниже.

Общение с другими



II. План работы по теории поэзии

Некоторым пособием для уяснения терминологии Гумилева в вышеприведенных схемах может служить находящийся в моем архиве подробный план труда по теории поэзии, задуманного Гумилевым. Часть этого труда составили, очевидно, статьи «Анатомия стихотворения» и «Читатель», напечатанные после смерти Гумилева в альманахах «Цех поэтов», I и II-III (Берлин, б. г. изд.). Вот этот план:

Вступление

Что такое поэзия и что такое поэт. Синтез четырех искусств — ритмики, стилистики, композиции и эйдологии. Значение теории поэзии. Поэты и теория.

Часть первая

1

Мелодия: гласные и согласные. Бомбасты и зияния. Али-терации.

2

Гармония: два рода ударных слогов. Пять основных метров. Их подразделения по числу стоп. Цезура и пауза. Правильное сочетание размеров. Паузное соч. размеров. Понятие ритма.

3

Белый стих и появление рифмы. Рифмы, богатые, бедные и ассонанс. Неточные, неполные и составные. Внутренние.

4

Понятие строфы. Строфа в белом стихе и в рифмованном. Перечисление главнейших строф. Создание новых.

Часть вторая

1

Роль стиля. Понятие о языке. Слово как единица. Слова славянские, татарские, церковные, ученые, варваризмы петровские и новейшие, имена собственные и неологизмы.

2

Предложение. Роль подлежащего, сказуемого и дополнения Грамматические формы, существ., прил. и т. д. Перестановки и усиления (повторения и перемены времени).

3

Четыре рода метафор.

4

Сочетания стилей и их смешение.

Часть третья

1

Композиция лирики: при двух данных непременно третье — личность поэта. Движение темы по песенным законам (рефрен) и риторическим. Символическое движение сочетание этих двух. Движение мысли в определенных формах: сонет, пантум, танка и пр. Окончания.

2

Композиция эпоса: закон шести. Развитие события. Непременно незаконченность. Баллада — слияние эпоса с дидактикой.

3

Композиция трагедии: видоизмененный закон шести: Завязка, осложнение, действие, катастрофа, развязка. Три единства. Три рода: классическая, романтическая, мистериальная. В отличие от эпоса развитие характеров.

4

Композиция дидактики: священные гимны, дистихи, эпиграмы, эпитафии, басни.

Часть четвертая

1

Понятие эйдолологии: образы выбираемые поэтом и отношение к ним. Познавание поэта: двенадцать богов и две паузы. Дионис и Будда. Три подразделения: голова, сердце, чрево. Четыре касты (шесть видов), четыре темы. Отношение к миру вытекающее таким образом. Идиосинкр[азия].

2

Время и пространство: история и география. Статичность углубленность (линии движения энергии).

3

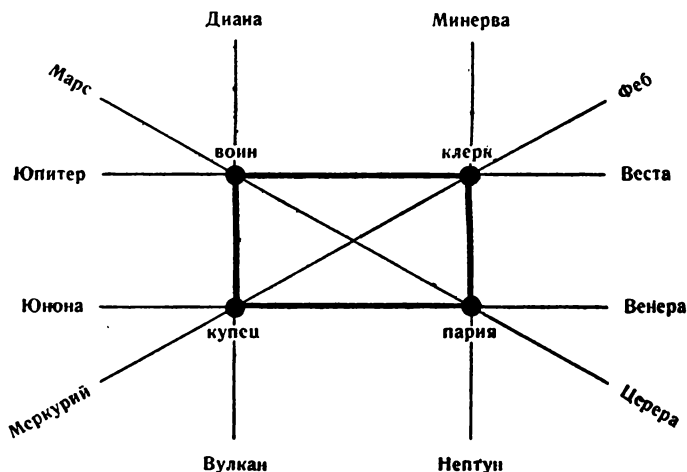
Краски энергии: любовь, ненависть, любопытство, страх, воля, покорность. Пять чувств.

4

Образы: четыре стихии; четыре царства природы; четыре времени года; четыре возраста; четыре касты.

На отдельном листке — уже упоминавшаяся нами (см. выше, стр. 9) сравнительная таблица богов в различных мифологиях. Таблица разделена на двенадцать граф в соответствии с двенадцатью богами, составляющими «познание поэта» (см. выше, раздел первый четвертой части «Теории поэзии»), но только для римской и еще нескольких мифологий даны все двенадцать имен, во многих заполнена лишь одна графа.

На обороте того же листка Гумилев нарисовал диаграмму, показывающую соотношение между двенадцатью богами (римскими) и четырьмя «кастами» — воином, клерком, купцом и парией. Вот эта диаграмма:



Тут же рядом следующий список шести «видов» поэтов (см. выше, в плане «Теории поэзии»), причем против трех видов поставлены имена русских поэтов:

Воин-клерк — Лермонтов
Воин-купец

Воин-пария
Купец-клерк
Купец-пария — Некр[асов]
Клерк-пария — Блок

Под диаграммой еще список поэтов, разделенный на две строки (в одной поэты XIX в., в другой — XX в.), но без указания принадлежности их к тому или иному «виду»:

Пушкин Лермонтов, Державин, Жуковский, Тютчев, Некрасов
Бальмонт, Брюсов, Блок, Сологуб, Кузьмин, Ахматова,
Манд[ельштам], Я, Городецкий.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Глеб Струве. О литературном наследстве Н. С. Гумилева	5
Н. С. Гумилев. Биографический очерк	47
Отравленная туника. Трагедия в пяти действиях ..	55
Стихи 1916-1918 гг. — неизданные и варианты	127
Веселые братья — повесть	157
Примечания к «Отравленной тунике»	201
Примечания к стихам	225
Приложения:	
1. Гумилев в работе над «Отравленной туникой»	228
2. План работы по теории поэзии	234

RAUSEN BROS.,
417 Lafayette Street,
New York 3, N. Y.



317

Цена: \$2.25

